

ПРИЛОЖЕНІЯ.

- I. Исправленные листы статей: **Studien, Гакстгаузена** (т. III настоящего изданія), **Кавеньякъ** (т. IV), **Милль**, полит. экономія (заключительныя слова) (т. VII) и **Кредитныя дѣла** (т. VIII).

(По невозможности провѣрить своевременно эти статьи по рукописямъ, найденнымъ лишь въ послѣднее время, уже по отпечатаніи названныхъ томовъ, въ статьяхъ этихъ оказались нѣкоторые пропуски, вслѣдствіе чего къ настоящему тому и прилагаются исправленные листы, провѣренныя по рукописямъ).

- II. Статьи, пропущенныя въ I, II и IV томахъ.

(Указаніе на принадлежность этихъ статей Н. Г. Чернышевскому было найдено лишь въ сентябрѣ по окончательномъ разборѣ его бумагъ, хранившихся въ архивѣ А. Н. Пыпина. Поэтому эти статьи и не могли быть своевременно помѣщены на своемъ мѣстѣ).

- III. Библиографическій указатель статей о Н. Г. Чернышевскомъ и его сочиненіяхъ.

- IX. Перечень заграничныхъ изданій сочиненій Н. Г. Чернышевскаго.
-

ПРИЛОЖЕНИЕ

Вопросы, связанные с изучением истории культуры, являются предметом исследования в области истории культуры. В настоящее время в области истории культуры наблюдается активное развитие исследований, посвященных различным аспектам культуры, ее роли в обществе и ее взаимодействию с другими сферами жизни.

Важным аспектом является изучение культурных традиций и ценностей, которые формируют идентичность народа и влияют на его развитие. Кроме того, особое внимание уделяется исследованию культурных процессов в различных странах и регионах, что позволяет выявить общие тенденции и различия в развитии культуры.

В заключение следует отметить, что изучение истории культуры имеет большое значение для понимания современного общества и его будущего.

Вопросы, связанные с изучением истории культуры, являются предметом исследования в области истории культуры. В настоящее время в области истории культуры наблюдается активное развитие исследований, посвященных различным аспектам культуры, ее роли в обществе и ее взаимодействию с другими сферами жизни.

Важным аспектом является изучение культурных традиций и ценностей, которые формируют идентичность народа и влияют на его развитие. Кроме того, особое внимание уделяется исследованию культурных процессов в различных странах и регионах, что позволяет выявить общие тенденции и различия в развитии культуры.

В заключение следует отметить, что изучение истории культуры имеет большое значение для понимания современного общества и его будущего.

Къ статьѣ Studien Гакстгаузена
(т. III)—взаимнѣ стр. 310.

Но это послѣднее улучшеніе — дѣло будущаго. Нынѣ лежать на насъ другія дѣла, и при совершеніи ихъ надобно помнить одно: тѣ измѣненія, которыя необходимо должны произойти въслѣдствіе начинающагося участія нашей страны въ экономическомъ движеніи Западной Европы, должны произойти такъ, чтобы наши поселяне, сохраняя свое общинное владѣніе, были по прежнему обычаю предоставлены собственному разсудку въ устройствѣ своихъ домашнихъ дѣлъ. Прежде всего и больше всего: наивозможно-широкій просторъ и просторъ для личности и для собственнаго здраваго разсудка каждому.

Къ статьѣ Кавеньякъ (т. IV)—взаимнѣ конца стр. 18.

Въ самомъ дѣлѣ, если ни Гизо въ февралѣ, ни Исполнительная Комиссія и Національное Собраніе въ іюнѣ, не хотѣли губить работниковъ для собственнаго удовольствія, то надобно было умѣреннымъ республиканцамъ признаться, что ихъ управленіе сдѣлало для исполненія требованій рабочаго класса ровно столько же, сколько и Гизо. Но Гизо, по крайней мѣрѣ, не давалъ обѣщаній, а теперь дано было формальное обѣщаніе декретомъ Временнаго Правительства, еще за нѣсколько недѣль торжественно подтверждено рѣшеніемъ Національнаго Собранія,—надежды были пробуждены, официально признаны справедливыми,—и вдругъ правительство совершенно отрекается отъ всякихъ обязательствъ, столько разъ данныхъ. Республиканцы все равно, какъ и Гизо, говорятъ: молчите, или мы заставимъ васъ молчать штыками и картечью.

Сто-пятьдесятъ тысячъ человѣкъ оставляются безъ всякихъ средствъ къ существованію,—начальникъ, котораго они любили, коварно отнять у нихъ—ихъ насильно берутъ и увозятъ изъ Парижа,—имъ измѣнили. А между тѣмъ, они организованы подобно арміи,—неужели они отдадутся на жертву безъ сопротивленія?

Исторический очерк
1871

В то время, когда Россия была еще
в состоянии войны с Наполеоном, в
ее границах происходили различные
события, которые оказали большое
влияние на ее дальнейшее развитие.
Особенно noteworthy является
то, что в этот период в России
происходило усиление национального
движения, которое привело к
образованию различных партий и
обществ, стремившихся к
реформам и улучшению
состояния страны.

В то время, когда Россия была еще
в состоянии войны с Наполеоном, в
ее границах происходили различные
события, которые оказали большое
влияние на ее дальнейшее развитие.
Особенно noteworthy является
то, что в этот период в России
происходило усиление национального
движения, которое привело к
образованию различных партий и
обществ, стремившихся к
реформам и улучшению
состояния страны.

Ошибки правительства привели къ неизбежной междоусобной войнѣ.

Въ тотъ же день, какъ было объявлено рѣшеніе Національнаго Собранія закрыть Національныя Мастерскія, какъ исчезъ Эмиль Тома и начались наборы работниковъ для поступленія въ солдаты и для разсѣянія по провинціямъ (22 іюня), работники послали депутатовъ протестовать противъ этихъ распоряженій. Членъ Исполнительной Комиссіи, бывшій министръ публичныхъ работъ, Мари, принявъ депутатовъ очень дурно, и сказалъ, что работникамъ остается только одно—безусловно повиноваться.

На слѣдующее утро (23 іюня) вспыхнуло возстаніе. Цѣлый день оно усиливалось, и вечеромъ Національное Собраніе передало исполнительную власть Кавеньяку, который, какъ военный министръ, съ самаго начала руководилъ дѣйствіями арміи.

Мы не будемъ разсказывать подробностей отчаянной борьбы, продолжавшейся три дня; насъ, вѣроятно и читателя также, интересуетъ не стратегическая сторона этого страшнаго междоусобія, а причины, его вызвавшія, характеръ его и слѣдствія, къ которымъ оно привело французскую націю.

Причины мы исчислили; нѣкоторымъ читателямъ, быть можетъ, покажется, что наше объясненіе неполно, что мы упустили изъ виду вліяніе клубовъ, интриги такъ называемыхъ демагоговъ, честолюбіе предводителей крайнихъ партій; дѣйствительно, всему этому приписывалъ очень большое участіе въ іюньскихъ событіяхъ отчетъ, составленный докладчикомъ слѣдственной комиссіи, назначенной по этому дѣлу, Кевтеномъ Бошаромъ; но этотъ докладъ, внушенный чувствомъ ослѣпленной ненависти, давно отвергнуть общественнымъ мнѣніемъ, и тогда же отвергался людьми безпристрастными и проникательными. Мы укажемъ одинъ случай и приведемъ одно свидѣтельство, чтобы читатель могъ судить о томъ, какъ смотрѣли еще тогда основательные и справедливые судьи на содержаніе этого доклада.

Слѣдственная комиссія, составленная на половину изъ умѣренныхъ республиканцевъ, на половину изъ орлеанистовъ и легитимистовъ, которые ободрились послѣ іюньскихъ дней, главнымъ виновникомъ смутъ, обуревавшихъ Францію со времени провозглашенія республики до іюньскихъ дней, выставила Луи Блана, на котораго сваливали также учрежденіе Національныхъ Мастерскихъ, устроенныхъ будто бы по его плану. Но Луи Бланъ и Коссидьеръ, обвиняемый вмѣстѣ съ нимъ (хотя они были враги между собою), въ то время были представителями націи (членами Національнаго Собранія), а представители могли быть подвергаемы судебному преслѣдованію не иначе, какъ только съ разрѣшенія Собранія.

Правительство потребовало этого разрѣшенія, — Собранію былъ предложенъ вопросъ: находить ли оно достаточные поводы подозрѣвать участіе Луи Блана въ майскихъ и іюньскихъ событіяхъ и находить ли нужнымъ предать его суду. Огромное большинство отвѣчало: „да“. Но въ числѣ меньшинства, находившаго обвиненіе неосновательнымъ и улики фальшивыми, былъ, между прочимъ, и Бастіа, извѣстный экономистъ, который всѣми силами боролся противъ ученій, имѣвшихъ тогда своимъ представителемъ Луи Блана. Партія, къ которой принадлежалъ Бастіа, была скандализирована тѣмъ, что онъ подалъ голосъ въ оправданіе Луи Блана, — но вотъ что онъ писалъ въ тотъ же вечеръ къ ближайшему изъ своихъ друзей, Кудре:

„Нынѣ на разсвѣтѣ рѣшено великое дѣло о докладѣ Слѣдственной Комиссіи, такъ тяжело беспокоившей и Собраніе и Францію. Собраніе дало согласіе на судебное преслѣдованіе Луи Блана и Коссидьера за участіе въ преступленіи 15 мая. У насъ, быть можетъ, удивятся, что въ этомъ дѣлѣ я подалъ голосъ противъ правительства. Я хотѣлъ было постоянно отдавать моимъ избирателямъ отчетъ въ соображеніяхъ, по которымъ подаю такъ, или иначе, голосъ по каждому дѣлу; только недосугъ и нездоровье помѣшали мнѣ исполнить это; но настоящій случай такъ важенъ, что я долженъ объяснить причины моего мнѣнія. Правительство считало отдачу подъ судъ этихъ двухъ представителей необходимою; говорили даже, что только этимъ оно можетъ удержать на своей сторонѣ національную гвардію, — но мнѣ казалось, что даже и это соображеніе не даетъ мнѣ права заглушить въ себѣ голоса совѣсти. Ты знаешь, что ученіе Луи Блана не имѣло, быть можетъ, въ цѣлой Франціи противника болѣе рѣшительнаго, нежели я. Я убѣжденъ, что эти системы имѣли гибельное вліяніе на образъ мыслей и черезъ то на поступки работниковъ. Но развѣ мы должны были рѣшать вопросъ о справедливости его системы? Каждый человекъ, имѣющій какое нибудь убѣжденіе, по необходимости считаетъ гибельнымъ противное убѣжденіе. Когда католики жгли протестантовъ, они жгли ихъ потому, что считали ихъ образъ мыслей не только ошибочнымъ, но и опаснымъ. По этому принципу намъ всѣмъ пришлось бы перерѣзать другъ друга.

„Итакъ, надобно было смотрѣть на то, дѣйствительно ли Луи Бланъ виноватъ въ фактахъ заговора и возстанія? Мнѣ казался онъ не виновнымъ, и никто, прочитавъ его защитительную рѣчь, не можетъ не сказать, что онъ невиненъ. А между тѣмъ, я не могу не помнить, въ какихъ мы теперь обстоятельствахъ: у насъ осадное положеніе, правильная судебная власть отстранена, свобода отнята у журналовъ. Могъ ли я выдать двухъ представителей ихъ политическимъ противникамъ въ такое время, когда нѣтъ никакихъ гарантій, — это дѣло, которому я не могу содѣйствовать, это первый шагъ по пути, на который я не могу вступить.

„Я не осуждаю Кавеньяка за то, что онъ на время отмѣнилъ дѣйствіе всѣхъ законныхъ гарантій, я думаю, что эта печальная необходимость столь же прискорбна ему, какъ и намъ; притомъ, она можетъ быть оправдана тѣмъ, чѣмъ оправдывается все, — спасеніемъ общества. Но для спасенія общества требовалось ли, чтобы двое изъ нашихъ товарищей были преданы на жертву? Я не думаю. Напротивъ, мнѣ кажется, что такое дѣло

может поселить между нами раздоръ, ожесточить ненависть, положить бездну между партіями, не только въ Собраніи, но и въ цѣлой Франціи; мнѣ казалось, что при настоящемъ положеніи вѣдшихъ и внутреннихъ дѣлъ, когда нація страдаетъ, когда ей нужны порядокъ, довѣріе, прочныя учрежденія, единодушіе,—при такихъ обстоятельствахъ, не время ввергать въ раздоръ представителей націи. Мнѣ кажется, что лучше бы намъ забыть о нашихъ жалобахъ и неприятностяхъ, чтобы позаботиться о благѣ страны; потому я радовался, что нѣтъ ясныхъ фактовъ въ обвиненіе моихъ товарищей и что я не обязанъ выдавать ихъ.

„Большинство думало иначе. Дай Богъ, чтобы оно не ошиблось! дай Богъ, чтобы рѣшеніе, принятое нынѣ, не сдѣлалось гибельнымъ для республики!

„Если ты найдешь нужнымъ, я уполномочиваю тебя послать отрывокъ изъ этого письма въ газеты“.

Черезъ нѣсколько дней, возвращаясь къ тому же предмету въ другомъ письмѣ къ Кудре, Бастиа продолжаетъ:

„Говорятъ, что я уступилъ страху; страхъ былъ съ другой стороны. Или эти господа (избиратели департамента, представителемъ котораго былъ Бастиа) думаютъ, что для борьбы противъ страстей, овладѣвающихъ обществомъ, нужно въ Парижѣ менѣе мужества, нежели въ департаментахъ? Намъ грозили гнѣвомъ національной гвардіи, если мы отвергнемъ требованіе судебного преслѣдованія. Эта угроза выходила отъ людей, располагающихъ военною силою. Стало быть страхъ могъ заставлять класть черные шары, но не бѣлые шары. Нужна высокая степень нелѣпости и тупости, чтобы вообразить, будто требуется особенное мужество для подачи голоса въ пользу той стороны, на которой стоитъ насиліе, армія, національная гвардія, большинство Національнаго Собранія, влеченіе обстоятельствъ, правительство.

„Читалъ ли ты слѣдственный актъ? читалъ ли ты показаніе бывшаго министра, Трелэ? Въ показаніи говорится: „Я былъ въ Клиши, я тамъ не видѣлъ Луи Блана, не слышалъ, чтобы онъ былъ тамъ; но въ жестахъ, въ физиономіи, въ самыхъ звукахъ голоса работниковъ я видѣлъ слѣды того, что онъ былъ тамъ“. Высказывалась ли когда нибудь политическая ненависть съ болѣе опасными тенденціями? Три четверти слѣдственного акта составлены въ такомъ духѣ!“

„Словомъ сказать, по совѣсти... я не думаю, чтобы Луи Бланъ принималъ участіе въ майскомъ и іюньскомъ возмущеніяхъ, и этимъ объясняется, почему я подалъ голосъ противъ обвиненія“.

Свидѣтельство Бастиа въ этомъ случаѣ не можетъ подлежать подозрѣнію; онъ былъ самый рѣзкій, самый отважный и самый сильный противникъ тѣхъ людей, которыхъ теперь хотѣлъ защитить отъ обвиненій.

Въ самомъ дѣлѣ, невозможно читать обвинительный актъ не видя, что онъ составленъ подъ вліяніемъ страха и ненависти. Эти чувства и прежде руководили дѣйствіями честныхъ республиканцевъ относительно партій, раздѣлявшихъ съ ними власть отъ февраля до іюня; подъ вліяніемъ этихъ чувствъ учредились и потомъ были закрыты Національныя Мастерскія, за-

крытіе которыхъ было ближайшимъ поводомъ междоусобія. Вліяніемъ этихъ чувствъ было и вообще создано то положеніе государственныхъ дѣлъ во Франціи, неизбежнымъ результатомъ котораго было междоусобіе. Другія причины, о которыхъ они такъ много говорили, или вовсе не существовали, или оказывали только ничтожное вліяніе. Предводители партій, благопріятствовавшихъ требованіямъ рабочаго класса, старались всѣми средствами удерживать работниковъ въ предѣлахъ законности, старались отвратить ихъ отъ всякихъ попытокъ къ дѣйствію вооруженной силой; многіе клубы дѣйствовали въ противномъ смыслѣ, но вліяніе ихъ на массу было незначительно; наконецъ, ничего подобнаго заговору не было въ междоусобіи іюньскихъ дней: получивъ отказъ 22-го іюня ввечеру, работники условились открыто, на площади, что завтра возьмутся за оружіе.

Именно, отсутствіемъ вліяній, чаще всего пробуждавшихъ безпокойства во Франціи, іюньское междоусобіе отличается отъ другихъ парижскихъ междоусобій; въ этомъ отсутствіи обыкновенныхъ элементовъ мятежей и заключается тайна громадной силы, обнаруженной инсургентами іюньскихъ дней и ужаса, произведеннаго этою рѣзней. Массы шли на битву безъ всякихъ предводителей; ни одного сколько нибудь извѣстнаго человѣка не было между инсургентами. Чего хотѣли они?—это до сихъ поръ остается смутно для того, кто не считаетъ достаточнымъ объясненіемъ ихъ мятежа перспективу голодной смерти, открывшеюся передъ ними. То не были ни коммунисты, ни социалисты, ни красные республиканцы, — эти партіи не участвовали въ битвахъ іюньскихъ дней; чего хотѣли они?—улучшенія своей участи; по какими средствами могло быть улучшено положеніе рабочаго класса, если бы онъ одержалъ верхъ? Это было темно для самихъ инсургентовъ, и тѣмъ страшнѣе казались ихъ желанія противникамъ; чего же они хотѣли, если не были даже коммунистами? Побѣдители говорили, что они хотѣли грабить, — но они наличными деньгами расплачивались за все, что брали въ лавкахъ. Это открылось послѣ; но въ тѣ дни, инсургенты казались какими то варварами, цѣль которыхъ разрушеніе общества. Отчаяніе — вотъ единственное объясненіе іюньскихъ дней, оно составляетъ отличительный характеръ этого возстанія. Инсургенты сражались не для испроверженія или установленія какой нибудь политической формы, — они не имѣли ни опредѣленнаго политическаго образа мыслей, ни опредѣлительныхъ требованій отъ правительства или общества, кромѣ одного требованія: они хотѣли имѣть работу и кусокъ хлѣба, доставляемый работою, и думали, что противники хотятъ истребить ихъ, чтобы не давать ни хлѣба, ни работы, столько разъ торжественно обѣщанной. Оттого то и дрались они съ такимъ отчаяннымъ мужествомъ. Ихъ было тысячъ сорокъ; далеко не всѣ работники Парижа, далеко не всѣ работники Національныхъ Мастерскихъ, взялись за оружіе: надежды на успѣхъ почти не было, инсургенты шли на гибель, почти несомнѣнную, и потому къ нимъ не присоединялся никто изъ работниковъ, сохранившихъ или хладнокровіе въ своей горести, или вѣроятность имѣть работу на фабрикахъ. За то, отважившіеся на битву почти безнадежную, дрались съ энергіею, какой не было ни въ іюль 1830, ни февраль 1848 года. Противъ нихъ выведены были регулярныя войска, гораздо многочисленнѣйшія, выступила національная гвардія Парижа, еще болѣе многочисленная, выведена

была „подвижная гвардія“, *garde mobile*, составленная изъ отчаянныхъ юношей парижской бездомной жизни, выдвинута была страшная артиллерія тяжелаго калибра, — всего было мало, постоянно прибывали по желѣзнымъ дорогамъ новыя войска и новыя отряды національной гвардіи изъ всѣхъ городовъ Франціи, и только на четвертый день это громадное превосходство въ силахъ подавило мятежъ, — да и эту медленную побѣдою противники инсургентовъ были обязаны только новой системѣ борьбы, которую Кавеньякъ примѣнилъ къ дѣлу съ рѣдкимъ искусствомъ и еще болѣе рѣдкою непоколебимостью.

Система эта состояла въ томъ, чтобы сосредоточивать огромныя силы на одномъ пунктѣ, избранномъ для наступательнаго движенія, держась на всѣхъ остальныхъ пунктахъ только въ оборонительномъ положеніи. Наступленіе имѣло первую цѣлью разорвать сообщеніе между различными частями города, бывшими въ рукахъ инсургентовъ; потомъ, когда эти отрѣзанныя одна отъ другой части не могли уже подавать помощи другъ другу, брать постепенно одну часть за другою. Знайки военнаго дѣла говорятъ, что этотъ планъ былъ превосходно и задуманъ и исполненъ Кавеньякомъ, и что при всякой другой системѣ борьбы инсургенты на нѣкоторое время по всей вѣроятности овладѣли бы всѣмъ Парижемъ. Но и этой системѣ, доставившей побѣду, инсургенты долго противились съ такимъ успѣхомъ, что 25-го іюня, Кавеньякъ еще не ручался за побѣду и считалъ опасность столь великою, что вмѣстѣ съ президентомъ Національнаго Собранія принялъ мѣры перенести Собраніе и резиденцію правительства въ Сенъ-Клу или въ Версаль, еслибы инсургенты восторжествовали въ Парижѣ. Картечь, бомбы и ядра трое сутокъ осыпали кварталы, занятые инсургентами, — и только это страшное дѣйствіе артиллеріи доставляло перевѣсъ регулярному войску. Рукопашныя битвы были чрезвычайно упорны. Число убитыхъ, съ той и съ другой стороны, остается неизвѣстнымъ — правительство должно было уменьшать потерю своихъ защитниковъ и враговъ, но и оно показывало ее въ пять тысячъ; другія извѣстія говорятъ о десяти и болѣе тысячахъ, — и быть можетъ даже эта цифра не достигаетъ еще ужасной дѣйствительной потери. Ветераны наполеоновскихъ временъ говорили, что никакой штурмъ непріятельской крѣпости во времена первой имперіи не былъ такъ кровопролитенъ. Есть положительный фактъ, слишкомъ достовѣрно свидѣтельствующій о вѣрности этого впечатлѣнія: изъ четырнадцати генераловъ, командовавшихъ войсками, шестеро были убиты, пять другихъ были ранены, и только трое уцѣлѣли, — да и изъ этихъ послѣднихъ подъ Ламорисьеромъ были убиты двѣ лошади.

Много злодѣйствъ было совершено съ обѣихъ сторонъ въ ожесточеніи битвы, потому что съ обѣихъ сторонъ за сражающимися укрывалось много преступниковъ, пользовавшихся бѣшенствомъ сраженія для насыщенія своего звѣрства. Такъ, нѣсколькими негодаями со стороны инсургентовъ былъ убитъ генераль Бреа, захваченный въ плѣнъ; но съ противной стороны число страшныхъ примѣровъ жестокости было еще значительнѣе. Разсвирѣпѣвшіе солдаты и особенно подвижная гвардія, ворвавшись въ домъ, запертый инсургентами, часто убивала всѣхъ, кого тамъ находила, — стариковъ, женщинъ, дѣтей; множество совершенно невинныхъ людей, имѣвшихъ несчастіе попасться въ руки арміи и подвижной арміи, были разстрѣляны по подозрѣнію, что они располо-

жены въ пользу инсургентовъ—и потомъ оказывалось, что они вовсе не имѣли и мысли объ этомъ; разстрѣливаніе плѣнныхъ инсургеитовъ было въ такомъ обычаѣ, что объ этихъ случаяхъ никто уже и не говоритъ; словомъ, читая рассказы объ ужасахъ, совершенныхъ національною гвардіею, подвижною гвардіею и солдатами, видимъ, что не даромъ было потомъ въ употребленіи у парижанъ выраженіе „кавеньяковскіе палачи“, *les bourreaux de Cavaignac*.

Какъ полководецъ, Кавеньякъ въ эти страшные дни дѣйствовалъ превосходно. Всѣ знатоки военнаго дѣла утверждаютъ это. Кромѣ стратегическихъ талантовъ, онъ выказалъ качество еще болѣе рѣдкое,—непреклонную энергію воли, когда, несмотря ни на какія просьбы, внушаемая нетерпѣніемъ, твердо слѣдовалъ своему плану, который одинъ могъ вести къ побѣдѣ, и дѣйствуя шагъ за шагомъ, не сдѣлалъ ни одного опрометчиваго движенія. Какъ частный человѣкъ, онъ также велъ себя безукоризненно: напрасно враги его обвиняли, что онъ употребилъ какія нибудь интриги для достиженія диктатуры: это низкая клевета: онъ вѣрно служилъ Исполнительной Коммисіи, пока она существовала, и когда она была уничтожена Национальнымъ Собраніемъ и вся власть передана ему, то было благоразумнымъ рѣшеніемъ самого Собранія, и ни самъ Кавеньякъ, ни его друзья не сдѣлали ни одного шага, чтобы внушить это рѣшеніе. По окончаніи битвы, онъ явился въ Собраніе, возвращая ему, власти, которой былъ облеченъ на время битвы, и опять совершенно ничего не искалъ;—когда Собраніе просило его сохранить власть и сдѣлаться главою правительства, онъ, принявъ это высокое порученіе, нимало не утратилъ простоты своихъ нравовъ, продолжалъ быть совершенно прежнимъ человѣкомъ и постоянно не только говорилъ, но и дѣйствовалъ совершенно сообразно сущности своихъ обязанностей,—всегда признавая себя только довѣреннымъ лицомъ Собранія, вручившаго ему власть, и ни разу не сдѣлавъ ни одного шага для того, чтобы расширить предѣлы этой власти или отказать въ повиновеніи Собранію, которое совершенно ввѣрилось его честности. Словомъ, какъ частный человѣкъ, онъ выказалъ характеръ, достойный Вашингтона. Но, какъ государственный человѣкъ, Кавеньякъ, къ сожалѣнію, не обнаружилъ ни особенной провицательности, ни особенныхъ дарованій: подобно всей своей партіи, онъ поступалъ вовсе не предусмотрительно и не расчетливо. Великимъ несчастіемъ для него и всей партіи было уже то, что ея ошибками дѣла были доведены до іюньскаго междоусобія; но въ этомъ не былъ виноватъ Кавеньякъ,—онъ не управлялъ государствомъ, не имѣлъ значительнаго вліянія на ходъ событій до іюня, — онъ ограничивался до той поры почти только своими спеціальными занятіями по должности военнаго министра, и управлялъ этою частью хорошо. Потому теперь, когда управленіе перешло въ руки его, человѣка, непричастнаго прежнимъ ошибкамъ, правительство умѣренныхъ республиканцевъ могло бы явиться передъ націею какъ бы отказавшимся, очищеннымъ отъ прежнихъ гибельныхъ промаховъ и возстановить свою популярность. Для этого, битву слѣдовало бы вести со всевозможною готовностью къ примиренію, и тогда генераль, принявшій власть среди громовъ междоусобія, представился бы не столько побѣдителемъ одного класса своихъ согражданъ во имя другихъ классовъ, сколько миротворцемъ. Но Кавеньякъ явился не болѣе, какъ только хорошимъ генераломъ, смотрящимъ на гражданскія дѣла глазами своихъ политическихъ друзей, а поли-

тичскіе друзья его, къ сожалѣнію, во всемъ считая себя правыми относительно прошедшаго, не находили въ самыхъ дѣйствіяхъ своего прежняго управленія объясненій возстанія, и потому считали это возстаніе возникшимъ единственно вслѣдствіе желаній, гибельныхъ для общества; они слишкомъ повѣрили своей фразѣ, которую любили повторять въ апрѣлѣ и маѣ: „варвары у воротъ нашихъ“, — *les barbares sont à nos portes*; они увидѣли въ жалкихъ, голодныхъ работникахъ не несчастныхъ, доведенныхъ до безразсудной дерзости отчаяніемъ, а злодѣевъ, принявшихъ за оружіе чисто съ намѣреніемъ грабить и рѣзать. Сообразно такому понятію и повели они борьбу противъ нихъ, — не какъ противъ гражданъ, а будто противъ какихъ нибудь каннибаловъ, безпощадно, безжалостно. Ожесточеніе со стороны національной гвардіи, составлявшихъ опору умѣренныхъ республиканцевъ и звѣрскіе поступки со стороны шестнадцатилѣтнихъ, восемнадцатилѣтнихъ воиновъ подвижной гвардіи, увлеченныхъ опрометчивостью кипучей молодости и вниомъ, вызвали много примѣровъ такой же жестокости со стороны инсургентовъ — умѣренные республиканцы съ какимъ-то самодовольствомъ ослѣпились этими отдѣльными случаями, оправдывавшими ихъ мнѣніе, и допустили себя совершенно забыть о причинахъ возстанія, лежавшихъ въ ихъ собственныхъ дѣйствіяхъ.

Битва шла звѣрски съ обѣихъ сторонъ. Она необходимо должна была оставить много ненавистныхъ слѣдовъ въ памяти обѣихъ сражавшихся сторонъ. Но пусть инсургенты были варвары, пусть имѣли право умѣренные республиканцы не давать имъ пощады въ битвѣ, превратившейся оттого въ рѣзню съ разстрѣваніемъ плѣнныхъ, — пусть имъ извинительно было все это въ предположеніи ихъ, что инсургенты взяли за оружіе не для защиты себя отъ голодной смерти, а для грабежа ихъ, умѣренныхъ республиканцевъ; — но вотъ побѣда стала рѣшительно склоняться на сторону войска національной гвардіи, инсургенты потеряли всякую надежду на успѣхъ. Это было на третій день возстанія, на другой день ожесточенной битвы, 25-го іюня. Въ этотъ моментъ возникали для умѣренныхъ республиканцевъ новыя соображенія, которыми долженъ былъ бы измѣниться характеръ слѣдующаго дня, если бы умѣренные республиканцы были предусмотрительны.

Но если инсургенты заслуживали истребленія, какъ хищные звѣри, то слѣдовало ли теперь доканчивать ихъ истребленіе, когда они убѣдились въ неизбежности своего пораженія? Продолженіе борьбы, уже ненужной для отвращенія отъ себя опасности, — опасность уже отвращена, — не ввела ли умѣренныхъ республиканцевъ въ новую опасность?

Съ точки зрѣнія собственныхъ убѣжденій, они должны были принять въ соображеніе слѣдующіе факты. Они, умѣренные республиканцы, хотѣли утвердить во Франціи республиканскую форму правленія. Какой классъ націи былъ единственнымъ преданнымъ защитникомъ этой формы? Только классъ работниковъ; кромѣ работниковъ, искренними республиканцами были только немногіе отдѣльные люди, по своей малочисленности не могшіе удержаться противъ высшихъ классовъ и поселянъ, желавшихъ низверженія республики. Прежде, положимъ, работники увлекались гибельными химерами, — теперь исчезли ихъ надежды на осуществленіе этихъ другихъ желаній; изъ всѣхъ ихъ чувствъ, остается имѣющимъ практическую силу только преданность

республиканской формѣ. Причины, жесточившія умѣренныхъ республиканцевъ противъ нихъ, уже не существуютъ, существуетъ только одно общее обѣимъ сторонамъ стремленіе поддержать республику. Ясно было, что вчерашніе враги должны были теперь искать сближенія между собою; ясно, что умѣренные республиканцы должны были постараться прекратить борьбу съ ними. И каковъ будетъ результатъ, если борьба продолжится до истребленія противниковъ? Подавленъ будетъ классъ, который одинъ преданъ республиканской формѣ,—она останется беззащитна, она падетъ и съ нею умѣренные республиканцы погибнутъ сами.

Продолженіе борьбы было губельно для нихъ. Они должны были искать примиренія съ укрощенными нынѣ вчерашними противниками.

Они не только не сдѣлали этого, они отвергли просьбу о примиреніи, или хотя просто о пощадѣ, съ которою пришли къ нимъ инсургенты.

Это было въ ночи съ 25 на 26 іюня. Къ президенту Національнаго Собранія Сенару и къ Кавеньяку явилась депутація инсургентовъ; она говорила, что инсургенты сдадутся, если имъ дана будетъ амністія. Умѣренные республиканцы отвѣчали устами Сенара и Кавеньяка, что это предложеніе—глупость, что покорность отъ инсургентовъ только тогда можетъ быть принята, когда они сдадутся безусловно, на жизнь и на смерть. „Иначе нечего и хлопотать вамъ являться ко мнѣ“, сказалъ Кавеньякъ депутаціи:—„я отвергаю всякія другія предложенія“.

Инсургенты могли ошибаться въ значеніи словъ „безусловная сдача на волю побѣдителей“, быть можетъ, умѣренные республиканцы послѣ этой сдачи оказались бы милостивѣе, нежели были до сихъ поръ; но инсургентамъ, натурально, могъ представляться въ этомъ требованіи только одинъ смыслъ, слишкомъ ясно показанный въ два предъидущіе дня безпощаднымъ употребленіемъ картечи, разстрѣливаніемъ инсургентовъ, попадавшихся въ плѣнъ, убійствами людей безоружныхъ, стариковъ и женщинъ, неистовствами подвижной гвардіи. Они въ отвѣтъ Сенара и Кавеньяка не могли видѣть ничего иного, какъ требованіе идти подъ военный судъ, по законамъ котораго каждый инсургентъ подвергался разстрѣливанію. Умѣренные республиканцы должны были знать, что иначе не можетъ быть понято ихъ требованіе. Отвергая просьбу о прощеніи, они сами говорили инсургентамъ: „теперь вамъ не остается уже ничего, кромѣ какъ биться до послѣдней капли крови, потому что пощады вамъ не будетъ“.

То и случилось, къ чему принуждали они этимъ инсургентовъ. На слѣдующее утро (26 іюня) съ прежнею безпощадностью возобновилась битва, и кончилась въ половинѣ втораго часа пополудни такъ, какъ желали умѣренные республиканцы: совершеннымъ подавленіемъ инсургентовъ.

Истребляемые въ Парижѣ, они бѣжали изъ города, разсѣявшись. Повсюду были посланы команды ловить ихъ. Ихъ находили попрятавшихся въ лѣсахъ, скитающихся по полямъ, и скоро парижскія тюрьмы переполнились плѣнными, переполнились ими казармы парижскихъ фортовъ, все укрѣпленныя зданія въ Парижѣ, такъ что, наконецъ, пришлось набить ими даже подземный ходъ, который велъ изъ Тюльери къ Сенѣ и который устроилъ себѣ на случай бѣгства Луи Филиппъ. Число этихъ военноплѣнныхъ простиралось до 14.000 человекъ.

Они всё были отданы подъ военный судъ, почти всё были приговорены къ ссылкѣ, но еще до судебного приговора было уже сдѣлано распоряженіе о ссылкѣ ихъ: они были переведены на понтоны для отправленія въ ссылку. Можно вообразить себѣ, каковъ былъ военный судъ при такихъ наклонностяхъ умѣренныхъ республиканцевъ, при такомъ громадномъ числѣ подсудимыхъ, — это было то, что называется по французски судъ на скорую руку, justice sommaire. Нечего говорить о томъ, много ли было захвачено людей совершенно по напрасну, по ошибкѣ; нечего говорить о томъ, много ли изъ этихъ арестантовъ, ни мало не прикосновенныхъ возмущенію, было оправдано ли, и много ли осталось по прежнему арестантами.

Само собою разумѣется, что общественное мнѣніе, возмущенное этою ссылкой цѣлой массы народа, массы уже отправленной на понтоны безъ всякой формы суда, скоро принудило умѣренныхъ республиканцевъ къ уступкамъ. Мало по малу, стали выпускать съ понтоновъ одну партію плѣнныхъ за другою, но все еще, по простествіи цѣлаго года, оставалось на понтонахъ нѣсколько тысячъ человѣкъ.

Ни Орлеанское, ни Бурбонское правительство не доходило до такого произвола. Съ того времени, какъ Наполеонъ въ началѣ своего владычества безъ суда отправилъ въ ссылку людей, ему опасныхъ, не бывало во Франціи подобныхъ примѣровъ. Но и наполеоновская ссылка была ничтожна передъ этою произвольною мѣрою: тамъ подвергнуты были произвольному наказанію всего сто, полтора ста человѣкъ — теперь подвергались многія тысячи людей.

Такимъ то образомъ, началась диктатура Кавеньяка и полное владычество умѣренныхъ республиканцевъ во Франціи. Они утвердились безпощадною побѣдою въ ужаснѣйшей изъ всѣхъ междоусобныхъ битвъ, когда либо заливавшихъ Парижъ кровью; побѣда была завершена чудовищною ссылкой въ противность всѣмъ понятіямъ о правосудіи.

Надобно ли говорить, что въ этой ссылкѣ болѣе нежели даже въ самой безпощадности битвы, выразилась неспособность умѣренныхъ республиканцевъ понимать свое положеніе ихъ непредусмотрительность и безтактность? Государственнымъ человѣкомъ достоинъ называться только тотъ, въ комъ благо-разуміе господствуетъ надъ увлеченіями страстей; но если мы даже извинимъ ослѣпленіе страстью во время борьбы, то по крайней мѣрѣ по достиженіи совершенной побѣды, разумокъ долженъ вступать въ свои права. Пусть умѣреннымъ республиканцамъ казалось нужнымъ не только усмирить, но и совершенно обезсилить работниковъ. 26-го іюня это было сдѣлано, и военныя соображенія должны были уступить мѣсто правительственности. Самое основное правило политическаго благоразумія говорить, что при внутреннихъ раздорахъ побѣдоносная сторона можетъ укрѣплять свое господство только снисходительностью къ побѣжденной, — такъ дѣйствовали всё истинно государственные люди, отъ Юлія Цезаря до Наполеона. Умѣренные республиканцы не понимали этого. Если бы послѣ своего полнаго торжества они дали амнистію побѣжденнымъ, уже переставшимъ быть для нихъ опасными, они прикрыли бы этою мантиею милосердія многія свои ошибки, привлекли бы къ себѣ многихъ, отчужденныхъ междоусобіемъ. Они этого не сдѣлали, и озлоб-

леніе, вселенное ожесточеніемъ битвы и ужасами побѣды, раздражалось и усиливалось холодною неумѣтностью напраснаго мщенія надъ людьми, которые уже не могли быть вредны побѣдителямъ.

Таково было положеніе дѣлъ, когда умѣренные республиканцы, съ диктатурою Кавеньяка, приобрѣли безграничную власть во Франціи. Ужасенъ и противенъ всѣмъ понятіямъ, — не говоримъ уже законности или гуманности, но — всѣмъ понятіямъ обыкновеннаго житейскаго смысла былъ путь, который привелъ ихъ къ этому господству. Все, въ чемъ нѣкогда обвиняли они предшествовавшія правительства, было совершено ими въ громаднѣйшихъ размѣрахъ. Убіиства въ Трансноренской улицѣ, апрѣльскія судебныя преслѣдованія, за которыя они такъ осуждали Орлеанское правительство, были ничтожною шуткою сравнительно съ іюньскими убійствами, разстрѣливаніями и ссылкой цѣлыхъ массъ. Если бы кто нибудь сказалъ умѣреннымъ республиканцамъ наканунѣ февральскихъ событій, что они совершаютъ такіа дѣла для сохраненія власти, которую тогда готовились они приобрести, они съ негодованіемъ отвергли бы такое предсказаніе, какъ нелѣпый бредъ. А между тѣмъ все совершившееся въ іюнь было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ той системы, которая привела ихъ къ февральскому торжеству. Если бы предусмотрительность ихъ не была помрачена политическою страстью, они въ началѣ 1848 года видѣли бы, что начинаютъ игру слишкомъ двусмысленную и страшную, — игру, которая необходимо приведетъ ихъ, въ случаѣ успѣха, къ звѣрскому истребленію людей, которыхъ они тогда призывали на помощь себѣ.

Сами они были малочисленны и слабы въ началѣ 1848 года. Они одни не могли ничего сдѣлать противъ Орлеанскаго правительства, которое хотѣли низвергнуть. Они вздумали вступить въ союзъ съ работниками, и силою этого класса достигли своей цѣли.

Но чѣмъ они могли возбудить работниковъ? Работники желали не перемѣны политическихъ формъ, а преобразованій, которыми улучшилось бы ихъ общественное положеніе. И вотъ, республиканцы увѣрили ихъ, что эти улучшения будутъ произведены республикою. Такою цѣною приобрѣли они союзъ. Но могли ли они въ самомъ дѣлѣ исполнить свои обѣщанія? Нѣтъ, желанія работниковъ признавали они несбыточными, губельными химерами. При этомъ, благоразуменъ ли былъ союзъ? Онъ основывался на самообольщеніи съ обѣихъ сторонъ. Работники думали получить себѣ удовлетвореніе черезъ людей, которые въ сущности были также враждебны ихъ желаніямъ, какъ Гизо и Дюшатель. Умѣренные республиканцы вообразили, что удержать работниковъ имъ будетъ также легко, какъ и возбудить ихъ. Извѣстно, каковы всегда бываютъ результаты союзовъ, основанныхъ на томъ, что одинъ союзникъ надѣется достигъ цѣли, которая отвергается другимъ, эти союзы ведутъ къ смертельной враждѣ между союзниками. Такъ было и тутъ. Возбуждая надежды, которыя не могли удовлетворить, умѣренные республиканцы должны были знать, что имъ придется отвергать требованія, которымъ они льстили. Въ этихъ требованіяхъ, работники видѣли вопросъ о жизни и смерти для себя — нельзя было не видѣть, что для отверженія этихъ требованій нужна будетъ смертельная битва противъ работниковъ.

Вотъ послѣднія слова, которыми заканчивается трактатъ Милля. Пора и намъ кончить рядъ статей, получившихъ уже размѣръ, едва ли не слишкомъ обременительный для журнала. Страннымъ образомъ не успѣла войти въ наши очерки та часть теоріи, которая, по нашему мнѣнію, наиболѣе важна въ наукѣ. Довольно подробною критикою господствующихъ понятій намъ удавалось приводить читателя къ общимъ принципамъ устройства, наиболѣе выгоднаго для людей. Но мы не успѣли изложить, въ какихъ главныхъ подробностяхъ должны нѣкогда осуществиться эти принципы и какими переходными ступенями могутъ уже теперь люди приближаться къ наилучшему устройству своихъ матеріальныхъ отношеній. Намъ пришлось въ этомъ отношеніи довольствоваться неопредѣленными очерками, представленными у Милля въ главѣ о вѣроятной будущности рабочихъ сословій. Мысли его вѣрны, но слишкомъ блѣдны. И мы очень жалѣемъ о томъ, что не случилось намъ дополнить ихъ очерками, болѣе точными. Но что же дѣлать! Будемъ довольствоваться тѣмъ, что удалось намъ сдѣлать, хотя эта исполненная часть задачи незначительна по сравненію съ неисполненною.

Итакъ, не теряя времени на сожалѣнія о невыполненіи задуманнаго плава, обратимъ вниманіе на ту часть дѣла, которою удалось намъ заняться въ этотъ послѣдній разъ. Во всемъ длинномъ отрывкѣ, которымъ закончились наши выписки изъ Милля, существенно несправедливы только три или четыре строки, утверждающія, будто бы теоретически половъ представляемый Миллемъ перечень главныхъ исключеній изъ правила, предписывающаго оставлять отдѣльнымъ людямъ самимъ всю заботу объ ихъ экономическихъ дѣлахъ. Милль прямымъ образомъ имѣетъ въ виду только Англію и очень можетъ быть, что онъ не позабылъ ни одного изъ предметовъ, въ которыхъ особенно важно правительственное вмѣшательство для нея при нынѣшнемъ ея положеніи. Но если Англія имѣетъ очень сильныя надобности, до которыхъ еще не дошли другія страны, — на примѣръ, для Австріи, для Франціи, Испаніи, Россіи нѣтъ еще надобности такъ много заботиться о колонизаціи, какъ для Англій, — то въ каждой изъ этихъ странъ могутъ быть свои особенныя обстоятельства, по которымъ очень важно правительственное вліяніе на дѣла, или не существующія въ Англій, или не имѣющія для нея особенной важности. Если, на примѣръ, справедливо, что испанцами овладѣла лѣньность, то очень полезно было бы, когда бы испанское правительство позаботилось объ увеличеніи побужденій къ энергическому труду, недостатокъ котораго болѣе всего виноватъ въ бѣдности испанцевъ, по извѣстіямъ, принимаемымъ нами здѣсь на вѣру. О нѣкоторыхъ частяхъ Австріи, въ особенности о Тиролѣ, говорятъ, будто бы народъ тамъ слишкомъ пристрастенъ къ старинѣ; если это правда, очень

важны были бы правительственные заботы о разъясненіи пользы новыхъ вещей, познакомиться съ которыми не думаютъ сами тирольцы. Мы не разбираемъ здѣсь основательности приводимыхъ нами мнѣній объ испанцахъ и тирольцахъ: мы приводимъ ихъ только для примѣра тому, что могутъ существовать въ той или другой странѣ потребности, не имѣющія важнаго значенія для Англии, въ которой народъ трудолюбивъ и не слишкомъ ослѣпленъ пристрастіемъ къ старинѣ. Эти примѣры служатъ намъ только для того, чтобы не представилось читателю страннымъ, когда мы скажемъ, что, на примѣръ, и въ Россіи могутъ существовать особенные случаи большой надобности правительственнаго вліянія, — случаи, не вошедшіе въ перечень Милля. Теперь всѣ у насъ согласны въ томъ, что крѣпостныя отношенія были дѣломъ, требовавшимъ правительственнаго вліянія для своей развязки. Намъ кажется, что насколько нужно было оно для ихъ прекращенія, настолько же нужно оно для поддержанія другой черты нашего экономическаго быта. Мы говоримъ о нашемъ обычномъ способѣ землевладѣнія, по которому земля, принадлежащая поселянамъ, не раздѣлена между отдѣльными лицами въ полную наслѣдственную собственность, а остается общественнымъ имуществомъ, пользованіе которымъ равномерно распредѣляется между всѣми членами общества. Много статей было написано нами въ защиту общиннаго землевладѣнія и нѣтъ намъ надобности вновь перечислять здѣсь его преимущества. Мы хотимъ только сказать, что если это учрежденіе на самомъ дѣлѣ полезно, то для его сохраненія нужна правительственная забота, потому что безъ законодательнаго охраненія оно не можетъ удержаться противъ частныхъ интересовъ. Этотъ случай подходитъ подъ принципъ, выставляемый Миллемъ по поводу законодательнаго опредѣленія рабочихъ часовъ на фабрикахъ. Просимъ читателя внимательно пересмотрѣть доводы, которыми тутъ Милль доказываетъ, что есть общепользныя учрежденія и обычаи, не могущіе сохраниться безъ прямого законодательнаго огражденія. Совершенно въ томъ же духѣ, въ какомъ разсуждаетъ онъ о часахъ работы, мы скажемъ про общинное землевладѣніе: для цѣлага общества оно полезно; но каждому изъ членовъ общества можетъ представляться временная выгода отъ превращенія своего пользованія частью общественной земли въ полную собственность надъ этою частью ея. Эта мимолетная выгода несомнѣнно приведетъ въ худшее положеніе почти каждого изъ людей, которые соблазнились бы ею; но она можетъ имѣть столько соблазнительности, что приведетъ къ разрушенію выгоднѣйшаго для всѣхъ порядка, если достаточно будетъ минутный интересъ отдѣльнаго члена общины, чтобы участокъ, находящійся въ его пользованіи, былъ выдѣленъ ему въ полную собственность.

IV.

Банковыя преобразованія.

Не мало разныхъ вопросовъ предлагали мы читателю въ первыхъ трехъ главахъ нашего этюда: но вопросы были все такъ не мудрены, что не только ни одинъ читатель, вѣроятно, не затруднялся разрѣшать ихъ, вѣроятно не затруднилась бы отвѣчать на нихъ ни одна изъ петербургскихъ чухонскихъ кухарокъ, если бы онѣ принадлежали къ читательницамъ русскихъ журналовъ, какъ очевидно полагаютъ многіе высокоуважаемые нами люди, опасаясь, что „Отечественныя Записки“, „Русскій Вѣстникъ“, „Русское Слово“, „Современникъ“ и „Библіотека для Чтенія“ могутъ имѣть (разумѣется, дурное, по мнѣнію этихъ господъ) вліяніе на русскій народъ, изъ котораго нельзя же исключить и чухонскихъ кухарокъ. Вотъ точно такого же рода вопросы будутъ и все слѣдующіе. За что другое не знаемъ, какъ ручаться въ нихъ, а за то уже ручаемся, что они будутъ не головоломны. Вотъ и теперь, на-примѣръ, надобно начать намъ съ того, чтобы спросить себя: „отъ чего зависитъ положеніе кредита? и если оно неудовлетворительно, то чѣмъ оно можетъ быть улучшено?“ Если читатель соглашался со взглядомъ на дѣло, излагавшимся въ прежнихъ трехъ главахъ, онъ не затруднится въ отвѣтъ. Положеніе кредита,—это значитъ легкость или обременительность условій, на которыхъ капиталисты готовы бывать давать намъ въ заемъ деньги. Англія находитъ сколько ей угодно денегъ за $3\frac{1}{4}\%$,—по нынѣшнему это считается очень легкимъ процентомъ; оттого и говорятъ, что кредитъ Англіи находится въ хорошемъ положеніи. Турція, при помощи Мереса, ищетъ теперь и почти не находитъ денегъ за 10 или за 11%, а такой процентъ считается уже чрезвычайно тяжелымъ; потому говорятъ, что положеніе турецкаго кредита дурно. Спросимъ же себя, отъ чего зависитъ легкость или обременительность условій, на какихъ заключаются займы частными ли лицами, акціонерными ли компаніями, государствами ли,—все равно. Дѣло явное, что вещь эта зависитъ ни отъ чего иного, какъ отъ денежныхъ обстоятельствъ того, кто желаетъ занять деньги. Если его денежные дѣла хороши, то и условія, на которыхъ даютъ ему взаймы, бываютъ легки, то есть и положеніе его кредита бываетъ хорошо,—если же нѣтъ, то нѣтъ. У частнаго лица денежное положеніе, просто такъ и называется денежнымъ положеніемъ; у акціонернаго общества оно тоже называется просто положеніемъ дѣлъ этого общества; но когда говорятъ о государствѣ, то вмѣсто этихъ простыхъ выраженій употребляютъ техническій терминъ „финансовое положеніе“ или другой техни-

чекскій терминъ „бюджетъ“. Специалисты имѣють привычку разсуждать такимъ техническимъ языкомъ, который наводитъ робость на профана, думающаго, что подъ мудрыми словами (впрочемъ, полезными въ наукѣ) скрываются Богъ знаетъ какія невѣдомыя и, пожалуй, непостижимыя его простому житейскому смыслу вещи; въ иныхъ дѣлахъ оно такъ и бываетъ,—например въ химии, въ геологiи, въ микроскопической анатомiи; но вѣдь за то эти науки занимаются изслѣдованiями, чуждыми обыкновеннаго круга будничной жизни специалистовъ. А экономическая наука не такова: въ ней нѣтъ ни одного вопроса, который не подходилъ бы къ тому или другому разряду житейскихъ заботъ каждаго изъ насъ; въ ней нѣтъ факта, который не соответствовалъ бы дѣламъ, хорошо знакомымъ каждому изъ насъ. Потому читатель пусть не предполагаетъ, что не способенъ каждый профанъ понять финансовыя или бюджетныя вопросы такъ ясно, какъ только способенъ понимать счетъ, поданный ему кухаркою. По напрасной привычкѣ, отвязаться отъ которой трудно, мы, пожалуй, будемъ употреблять здѣсь техническiя слова „финансовое положенiе“, „бюджетъ“ и т. д., но проще было бы говорить кухоннымъ языкомъ, который былъ бы совершенно достаточенъ для изложенiя всей сущности кредитныхъ дѣлъ.

Кухоннымъ языкомъ выразились мы, что кредитъ государства зависитъ отъ положенiя денежныхъ дѣлъ государства, а книжнымъ языкомъ слѣдуетъ прибавить, что кредитныя дѣла составляютъ ни больше, ни меньше, какъ результатъ, и только результатъ, бюджета. Заемъ дѣлается лишь оттого, что доходовъ не достаетъ на расходы, только на покрытiе дефицита. Теперь видно, чѣмъ, и чѣмъ однимъ только можетъ быть исправленъ кредитъ: только исправленiемъ бюджета. Пусть каждый разсудитъ, можетъ ли это быть иначе. $2 \times 2 = 4$,—это штука, или нѣтъ, не „штука“: будемъ говорить ученымъ языкомъ,—это формула извѣстная; разсмотримъ же эту формулу по-ученому. По-ученому, 4 тутъ результатъ, производимый взаимодействiемъ факторовъ 2×2 . Положимъ теперь, что эта цифра 4, этотъ результатъ вамъ не нравится, что вы желали бы измѣнить его, —положимъ на цифру 6; вы сами знаете, что этого нельзя сдѣлать иначе, какъ измѣненiемъ въ производящихъ этотъ результатъ факторахъ; надъ самою цифрою 4, сколько вы ни бейтесь, ничего съ нею не сдѣлаете; а попробуйте сдѣлать перемѣну въ производящихъ ее факторахъ, она перемѣнится сама собой; попробуйте написать 2×3 , само собою выйдетъ у васъ $= 6$. Если же вы этого не сдѣлаете, если вы будете хлопотать собственно надъ результатомъ, вы можете надѣлать, сколько вамъ угодно формальныхъ перемѣнъ,—пишите, пожалуй: $2 \times 2 = 1 + 1 + 1 + 1$,—не понравилось и это, можете написать $3 + 1$, или $5 - 1$, или $7 + 2 - 5$, или какъ хотите, фигурки будутъ выходить очень разнообразныя, съ виду вовсе не похожiя на 4, а въ сущности все останется у васъ прежнiй результатъ: вѣдь и $1 + 1 + 1 + 1$, и $3 + 1$, и $5 - 1$ и $7 + 2 - 5$ все тоже $= 4$.

Если читатель одаренъ такою генiальностью, что постигъ столь неслыханную мудрость, то онъ не затруднится отвѣчать на вопросъ: можетъ ли кредитъ быть исправленъ преобразованiемъ собственно кредитныхъ операций? Нѣтъ, не можетъ. Потому мы прямо скажемъ, что не могли не остаться

безполезными усилія, обращенныя на преобразование одной части нашихъ кредитныхъ дѣлъ,—на преобразование нашихъ банковыхъ учреждений.

Мы не имѣемъ претензіи знать, или хотя отгадывать тѣ правительственныя предположенія о реформахъ, или тѣ приготовленія къ произведенію реформъ, которыя еще не обнародованы. Намъ доступны только обнародованные факты, только совершившіяся дѣйствія. Разсматривая эту выясненную для вѣхъ часть исторіи нашего финансоваго управленія, мы должны сказать, что съ той поры, когда правительство занялось заботами объ улучшеніи нашего государственнаго быта, главнымъ дѣломъ по финансовому управленію были банковыя преобразованія.

Наша прежняя банковая система имѣла важныя недостатки и неудобства. Мы не будемъ перечислять ихъ, потому что они много разъ были раскрываемы самимъ министерствомъ финансовъ. Мы ни мало не расположены защищать эту прежнюю систему; и будемъ еще имѣть случай коснуться двухъ важнѣйшихъ недостатковъ ея. Но, отлагая до слѣдующей главы рѣчь объ этихъ двухъ сторонахъ прежней банковской системы, мы хотимъ разсмотрѣть здѣсь, дѣйствительно ли представляли слишкомъ большую опасность для нашихъ государственныхъ дѣлъ тѣ черты прежняго положенія нашихъ банковъ, которыя были выставлены печатнымъ образомъ, какъ чрезмѣрно опасныя, требующія немедленныхъ исправленій чрезвычайными усиліями; были ли дѣйствительно обременительными для государства тѣ черты, которыя были выставлены въ печати обременительными, и, наконецъ, каковъ былъ результатъ чрезвычайныхъ усилій, сдѣланныхъ для устраненія этой опасности, для облегченія этой тяжести.

Теперь мы будемъ говорить серьезнымъ тономъ; наше изложеніе будетъ вполне понятно для неспециалиста, но мы обращаемся собственно не къ нему, а къ нашимъ специалистамъ по финансовой части. Мы предупреждаемъ ихъ, что не будемъ и не можемъ входить въ техническія тонкости. Не можемъ по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, у насъ нѣтъ подъ руками подробныхъ подлинныхъ цифръ, какія были бы нужны для достиженія точности въ тонкихъ техническихъ выводахъ. Мы должны основываться только на обнародованныхъ свѣдѣніяхъ, на общихъ итогахъ, по которымъ можно опредѣлить лишь самыя крупныя, уже вовсе не техническія, а только, такъ сказать, популярныя черты хода дѣла. Во-вторыхъ, авторъ этой статьи не посвященъ въ биржевыя дѣла. Онъ ни разу и не былъ на биржѣ, никогда не искалъ и не слышалъ собственными ушами поучительные разговоры магнатовъ биржеваго или финансоваго міра, думая, что нѣтъ большой надобности человѣку знать рутинныя мелочи спеціальнаго ремесла, если не желаетъ или не надѣется самъ стать ремесленникомъ. Чтобы судить о дѣлѣ, достаточно знать о немъ столько, сколько знаетъ авторъ, и было бы напрасно кому-нибудь отрицать это, кричать о невѣжествѣ, о пустотѣ и т. д. автора этихъ статей; кричать о немъ это многіе, но до сихъ поръ это никому изъ нихъ не помогало и, кажется, не достигало своей цѣли. Мы просимъ специалистовъ нашихъ по финансовой части искать въ слѣдующемъ изложеніи не доказательствъ тому, могъ ли бы авторъ исправлять должность бухгалтера въ кон-

торѣ какого нибудь банкира или заниматься маклерскими дѣлами на биржѣ, а только вникать въ то, правду ли онъ говоритъ.

Сотни тысячъ людей, постоянно имѣвшихъ дѣла съ нашими прежними кредитными учрежденіями, — или, по ихъ выраженію, съ „ломбардами“, и никакъ не подозрѣвавшіе, что государственныя кредитныя учрежденія находятся въ шаткомъ положеніи, — они имѣли полное право имѣть къ нимъ безусловное довѣріе, потому что всегда получали отъ нихъ деньги исправно и, конечно, никогда не измѣнили бы этого довѣрія, потому что никогда не представилось бы прежнимъ кредитнымъ учрежденіямъ никакой надобности быть неисправными въ расплатахъ, — эти сотни тысячъ людей, очень близко знавшихъ наши кредитныя учрежденія, вдругъ узнали къ своему изумленію, что положеніе этихъ кредитныхъ учрежденій очень шатко, что имъ грозитъ банкротство или такая опасность банкротства, которая для своего отвращенія потребуетъ отъ правительства громаднхъ жертвъ. Опасеніе, обнаруженное передъ русскимъ обществомъ, мотивировалось слѣдующимъ образомъ.

«Вклады принимаются во всѣхъ банкахъ безостановочно, по одному желанію вкладчиковъ: возвращаются тоже по первому ихъ востребованію, во всякое время; накопецъ приносятъ вкладчикамъ проценты со дня пріема, а по истеченіи года и проценты на проценты, хотя бы оставались безъ производительнаго употребленія.

«Ссуды раздаются заемному банку, сохраннымъ казнамъ воспитательнаго дома и приказамъ общественнаго призрѣнія — на сроки болѣе или менѣе продолжительные, преимущественно на 28 и 33 года, съ постепеннымъ возвратомъ малыми долями.

«Такимъ образомъ, банки съ одной стороны вынуждаются расширять безпредѣльно свои ссудныя операціи, дабы выручать проценты, нужные для уплаты вкладчикамъ, а съ другой — обязаны сохранять постоянно въ запасъ значительную массу наличныхъ денегъ, дабы удовлетворять тѣхъ же вкладчиковъ, въ случаѣ ввезапаго требованія ими капиталовъ.

«Отсюда неизбѣжны двѣ крайности: или оскудѣніе кассъ, опасное для кредита банковъ, или чрезмѣрное накопленіе праздныхъ капиталовъ, что стель же убыточно для банковъ, сколь не выгодно для народной промышленности.

«Первое до сихъ поръ встрѣчалось лишь весьма рѣдко, какъ явленіе случайное и скоропреходящее. Оно было отвращаемо разнообразными пособіями отъ казны. Отвѣтствуя за банки, правительство всегда поддерживало и впредь должно поддерживать ихъ кредитъ, хотя бы это сопряжено было съ нѣкоторыми временными затрудненіями; но такой порядокъ вещей, если бы онъ сталъ въ послѣдствіи повторяться чаще, нельзя признать ни нормальнымъ, ни удобнымъ для государственнаго казначейства, обремененнаго и безъ того значительными обязанностями. (Докладъ о банковыхъ преобразованіяхъ, 1 сентября 1859 года).

Послѣднія строки были бы совершенно ясны, если бы прямо за ними не находились слѣдующія строки.

«Другая крайность, то есть накопленіе излишнихъ капиталовъ, обнаруживалась доселѣ почти постоянно. Чрезмѣрное накопленіе вкладовъ въ банкахъ обнаружилось въ высшей степени, за два года предъ этимъ (въ 1857 г.), когда сумма капиталовъ, не розданныхъ въ ссуды, составляла огромную цифру — свыше 180 милліоновъ рублей серебромъ «(Тотъ же докладъ).

Сопоставленіе этихъ двухъ соображеній, помѣщенныхъ въ докладѣ рядомъ, затемняетъ вопросъ. Если „почти постоянно“ обнаруживалось „чрез-

мѣрное накопленіе вкладовъ, не розданныхъ въ ссуды“, — то есть остававшихся въ банковыхъ кассахъ, — то есть, если банки почти постоянно имѣли въ наличности чрезмѣрное количество денегъ, то какимъ же образомъ могли банки опасаться затрудненій въ своихъ средствахъ къ уплатѣ при востребованіи вкладовъ? „Чрезмѣрное накопленіе“ суммъ, остававшихся въ кассахъ безъ употребленія, — вѣдь это значитъ — накопленіе наличнаго, готоваго къ возвращенію запаса въ такомъ количествѣ, которое превышаетъ мѣру вѣроятнаго востребованія. Къ довершенію недоумѣнія мы находимъ, что это „чрезмѣрное накопленіе вкладовъ въ банкахъ обнаружилось въ высшей степени“ именно въ 1857 году, въ то самое время, когда были предприняты реформы, основывавшіяся на опасеніи „оскудѣнія кассъ“. Впрочемъ въ докладѣ о банковыхъ преобразованіяхъ говорится, что „оскудѣніе кассъ встрѣчалось лишь весьма рѣдко, какъ явленіе случайное и скоропреходящее“. Дѣйствительно, требованіе возврата вкладовъ до начала банковыхъ преобразованій никогда не происходило въ такихъ размѣрахъ, чтобы быть замѣтнымъ для публики: никто изъ насъ не помнитъ, чтобы когда нибудь, хотя на короткое время, овладѣвало публикою стремленіе требовать вклады обратно изъ банковъ, и по цифрамъ, офиціально обнародованнымъ, извѣстно, что въ теченіе долгаго времени передъ 1857 годомъ количество новыхъ вкладовъ ежегодно бывало гораздо значительнѣе той суммы, какая бывала въ томъ году востребована изъ банковъ прежними вкладчиками. Основываясь на этомъ, должны мы представлять себѣ ходъ дѣлъ въ слѣдующемъ видѣ.

Въ теченіе времени, непосредственно предшествовавшаго началу банковыхъ реформъ, все возрастала та сумма, которая изъ общаго количества новыхъ вкладовъ оставалась въ банковыхъ кассахъ безъ помѣщенія въ новыя ссуды, то есть все возрасталъ размѣръ того наличнаго денежнаго резерва, который долженъ былъ служить запасомъ для уплатъ, въ случаѣ востребованія вкладовъ. Къ 1 января 1857 года этотъ наличный запасъ возросъ до 180 милліоновъ рублей слишкомъ. До этого времени онъ возрасталъ, слѣдовательно въ предыдущіе годы эта цифра была менѣе. Сличая докладъ о банковыхъ преобразованіяхъ съ рѣчью г. министра финансовъ, произнесенною въ засѣданіи совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій 13 сентября 1860 г., мы находимъ слѣдующую черту, служащую къ поясненію дѣлъ. По докладу, количество „капиталовъ, не розданныхъ въ ссуды“, составляло къ 1 января 1857 года, какъ мы видѣли, свыше 180 милліоновъ. По рѣчи г. министра финансовъ, „наличность банковъ“ составляла въ іюль того же 1857 года свыше „150 милліоновъ“. Перевѣсъ востребованія суммъ надъ взносомъ ихъ начался лишь съ августа 1857 года, послѣ пониженія процентовъ по вкладамъ; а первые семь мѣсяцевъ того же года количество взносовъ должно было быть больше количества востребованій; значитъ, наличность банковъ въ теченіе этихъ мѣсяцевъ должна была бы возрастать въ сравненіи съ наличностью, бывшею 1 января 1857 года. Что же мы теперь видимъ? Сумма капиталовъ, не розданныхъ въ ссуды, простиралась 1 января 1857 года свыше 180 милліоновъ; въ іюль того же года наличность банковъ, долженствовавшая возрастать съ января, простиралась только свыше 150 милліоновъ, то есть была на цифру около 30 милліоновъ меньше количества капиталовъ, не розданныхъ въ ссуды въ началѣ того года.

Изъ этого надобно заключать, что часть капиталовъ, остававшихся не розданными въ ссуды, не была оставляема въ банковской наличности, а была обращаема на какія нибудь другія употребленія. Мы не выставляемъ этого за фактъ, потому что не имѣемъ о томъ прямыхъ указаній, а представляемъ этотъ выводъ изъ сличенія цифръ лишь какъ наше собственное предположеніе, могущее пояснить дѣло, и очень натуральное, такъ-что слѣдуетъ намъ оставаться при немъ, пока не будетъ раскрыто намъ положительными указаніями, что мы ошиблись, дѣлая такой выводъ.

Теперь же, не имѣя пока основаній считать его неправильнымъ, мы при его помощи находимъ возможность понимать дѣло, которое иначе оставалось бы не понятно. Изъ той суммы, какую составлялъ перевѣсъ вкладовъ надъ ссудами, часть не была оставляема въ наличности банковъ, а была обращаема на другія употребленія. При существованіи такого правила очень могло случаться, что въ тѣ годы, когда перевѣсъ вкладовъ надъ ссудами не получилъ еще развитія, называемаго чрезмѣрнымъ въ докладѣ о банковыхъ преобразованіяхъ, въ банковской наличности оставались суммы, сравнительно незначительныя. При незначительности банковской наличности отъ обращенія на другія употребленія тѣхъ суммъ, которыя должны были бы составлять банковую наличность, могло иногда происходить, что и безъ всякаго порыва публики къ требованію возврата вкладовъ, — банковая наличность оказывалась недостаточною въ случаѣ требованія возврата вкладовъ нѣсколькими отдѣльными вкладчиками, по ихъ случайнымъ личнымъ надобностямъ. Принимая такое объясненіе, мы можемъ понимать, что „казнѣ представлялась иногда надобность отвращать (по выраженію доклада о банковыхъ преобразованіяхъ) оскудѣніе (банковыхъ) кассъ заимообразными пособіями“, хотя до начала банковыхъ преобразованій, какъ извѣстно каждому, и ни разу не случалось, чтобы публикою овладѣвалъ даже и не въ значительной степени порывъ къ требованію возврата вкладовъ, а напротивъ, постоянно вносилось новыхъ вкладовъ на большую сумму, чѣмъ на какую требовался возвратъ прежнихъ вкладовъ.

Если встрѣчались по временамъ затрудненія отъ причины, поясненной нами, то они могли быть отвращены на будущее время очень простымъ способомъ: слѣдовало только прекратить обращеніе на другія употребленія тѣхъ не розданныхъ въ ссуды капиталовъ, которые возникали изъ перевѣса новыхъ вкладовъ надъ возвратомъ прежнихъ вкладовъ, и должны были оставаться въ банковской наличности. При соблюденіи этой осторожности, соотвѣтствующей точному смыслу уставовъ банковыхъ учреждений въ цѣломъ свѣтѣ, наличность нашихъ банковъ быстро возрасла бы до цифры, вполне обезпечивающей ихъ на случай какого угодно стремительнаго порыва публики къ требованію возврата вкладовъ. Для устранения такихъ опасеній, для избавленія государственнаго казначейства отъ всякой надобности оказывать банкамъ заимообразныя пособія, *не нужно было никакихъ преобразованій*, — достаточно было поставить себѣ принципомъ не уклоняться отъ основнаго правила банковыхъ уставовъ.

Но повторяемъ: *рѣшительно не существовала* та опасность внезапнаго востребованія вкладовъ на огромныя суммы, которая выставлялась

причиною надобности въ банковыхъ преобразованіяхъ. Каждому извѣстно, каковы были лица, которымъ принадлежало $\frac{9}{10}$ или, вѣрнѣе сказать, $\frac{99}{100}$ изъ всей суммы вкладовъ: это были люди, столь чуждые всякой мысли усомниться въ исправности банковыхъ уплатъ, что никогда никакими силами нельзя было никому поколебать въ нихъ безусловнѣйшаго довѣрія къ банкамъ; *когда само правительство стало доказывать непрочность положенія банковъ*, они долго и тутъ не вѣрили словамъ самихъ банковыхъ установленій: мысль о недовѣрїи просто не укладывалась въ головы этихъ людей, какъ не укладывается въ головы значительной части ихъ мысль, что земля стоитъ не на трехъ китахъ. Если бы сами банки не стали говорить имъ: „вы не должны вѣрить намъ“, эти люди развѣ чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ могли бы просвѣтиться въ экономическомъ отношеніи до того, чтобы замѣтить разницу между банковыми билетами и звонкою монетою. Какъ вы полагаете, скоро ли проникнетъ въ наше общество сомнѣніе относительно справедливости того общаго въ немъ убѣжденія, что ржаной хлѣбъ питательнѣе пшеничнаго, или что „у бабы волосъ дологъ..“ и пр.?— а пока умственное состояніе общества не допускаетъ поколебаться этимъ прапрадѣдовскимъ истинамъ, никакъ не могла бы поколебаться и та завѣщанная прапрадѣдами истина, что такъ-называемые ломбардные билеты не только совершенно равносильны золоту, а даже лучше его: потому что звонкая монета можетъ быть потеряна, украдена, а банковый билетъ никакъ не можетъ пропасть, если владѣлецъ помнитъ его нумеръ. Мы рѣшительно утверждаемъ, что на той степени экономическаго воспитанія, съ которой могла бы сдвинуться наша публика лишь черезъ десятки лѣтъ, ожидать отъ нея недовѣрія къ банкамъ или какого нибудь порыва къ требованію возврата вкладовъ, по недовѣрїю къ нимъ, было такъ же напрасно, какъ ожидать, что перестанетъ эта публика играть въ карты, любить жирныя кушанья, восхищаться рысаками.

Но кромѣ опасенія, что возвратъ вкладовъ можетъ потребоваться по недовѣрїю,—кромѣ этого опасенія, совершенно не соответствовавшего нашимъ правамъ,—приводилось и другое основаніе ожидать такого требованія: года четыре тому назадъ, нашимъ обществомъ овладѣлъ порывъ къ составленію акціонерныхъ компаній. Люди могли потребовать возврата своихъ взносовъ и безъ всякаго недовѣрія къ банкамъ на оплачиваніе акцій. Примемъ сначала это соображеніе въ полной силѣ, въ какой выставляется оно; посмотримъ, могло ли и въ такомъ случаѣ возбуждать оно серьезныя опасенія за средства нашихъ банковъ по возврату взносовъ. У насъ много говорятъ о страшномъ количествѣ капиталовъ, пошедшихъ на акціонерныя общества во время нашей акціонерной горячки. Посмотримъ, каковы на самомъ дѣлѣ цифры. По списку акціонерныхъ обществъ, перепечатанному въ „Мѣсяцесловѣ“ на 1861 г. изъ „Журнала для акціонеровъ“, мы видимъ, что въ теченіе четырехъ лѣтъ, съ 1856 до конца 1859-го, было основано 79 акціонерныхъ обществъ. Въ томъ числѣ было 7 компаній для построенія желѣзныхъ дорогъ. Изъ нихъ по уставу громаднѣйшій капиталъ имѣли: общество московско-саратовской дороги (45 милл.) и въ особенности главное общество россійскихъ дорогъ (капиталъ въ 275 милл. съ правомъ выпуска облигацій на 35 милл. всего 310 милл.). Остальныя пять обществъ (варшавско-вѣнской, вар-

шавско-бромбергской, рижско-динабургской, волжско-донской и московско-ярославской желѣзныхъ дорогъ) требовали всей суммы капитала на 31,650,000. Если хотите, можно сказать на первый взглядъ, что общее количество капиталовъ, требовавшееся компаніямъ желѣзныхъ дорогъ, было громадное,—итогъ простирается до 392,650,000,—почти до 400,000,000 рублей. Но вѣдь эта цифра годится только для шегольства въ газетныхъ объявленіяхъ и въ прогрессивныхъ фельетонахъ. Начать съ того что почти $\frac{4}{5}$ доли изъ общаго итога принадлежать одному главному обществу россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Но вѣдь главными основателями его были иностранные банкиры; главными помѣщеніями акцій предназначились быть парижская, амстердамская, лондонская и другія заграничныя биржи, а въ Россіи сами основатели надѣялись помѣстить лишь $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{5}$ часть капитала. У насъ много говорили, что почти всѣ акціи перешли потомъ въ Россію. Но на послѣднемъ общемъ собраніи, происходившемъ въ прошломъ году, громадный перевѣсъ количества акцій, предъявленныхъ иностранными капиталистами надъ количествомъ русскихъ акцій, доказалъ совершенную неосновательность такого слуха. Много, много, если положить, что на долю Россіи приходится изъ 310 милліоновъ общей суммы хотя 100 милліоновъ. Идемъ далѣе. По контракту общество обязывалось кончить постройку дорогъ въ 10 лѣтъ; стало быть на 10 лѣтъ распредѣлялось и требованіе капитала; на нашу долю приходилось много-много милліоновъ по 10 въ годъ. Это предположеніе по всей вѣроятности все еще слишкомъ высоко; но остановимся на немъ. И такъ положимъ, что въ теченіе четырехъ лѣтъ слѣдовало ожидать въ Россіи затраты на главное общество желѣзныхъ дорогъ милліоновъ по 10 въ годъ, а за четыре года милліоновъ до 40.

Затѣмъ другая колоссальная компанія московско-саратовская основалась лишь въ 1859 году и, какъ теперь видно, только на бумагѣ отличалась громадностью капитала, а на самомъ дѣлѣ успѣла собрать до 1860 года лишь 3 милліона рублей.

Изъ другихъ пяти дорогъ, не шеголяющихъ колоссальными цифрами въ своемъ уставѣ, варшавско-вѣнская и варшавско-бромбергская, конечно ни мало не адресуются къ почтеннымъ вкладчикамъ россійскихъ банковыхъ учрежденій. Едва ли много разсчитывала на этихъ почтенныхъ вкладчиковъ и рижско-динабургская дорога. Всѣ три вмѣстѣ они имѣютъ капиталъ въ 25,000,000 рублей; объ этихъ деньгахъ, намъ нечего говорить, они нашихъ банковъ не касаются.

Остаются двѣ компаніи съ патріотическими разсчетами—московско-ярославская и волжско-донская съ капиталомъ 12,050,000. Изъ нихъ московско-ярославская до 1860 года успѣла собрать по своимъ акціямъ 810,000 рубл., а волжско-донская—3,200,000, всего 4,100,000 рублей.

Подведемъ же теперь итогъ затратъ русскаго капитала на желѣзныя дороги въ теченіе четырехъ лѣтъ, отъ начала нашей акціонерной горячки до начала прошлаго года, когда горячка эта уже миновалась.

Главное общество, примѣрно и по всей вѣроятности гораздо больше дѣйствительныхъ

взносовъ	40,000,000
Московско-саратовская дорога	3,000,000

Рижско-донская и московско-яро-	
славская	4,100,000
Итого	47,100,000

По разложенію на 4 года приходится менѣе 12 милліоновъ въ годъ.

Посмотримъ теперь на все остальные акціонерныя общества, за исключеніемъ компаній желѣзныхъ дорогъ, на первый взглядъ запущавшихъ насъ Богъ-знаетъ какими громадными цифрами, а на дѣлѣ оказавшихся или не слишкомъ требовательными или не слишкомъ успѣшными въ сборѣ нашихъ денегъ. Капиталъ всехъ остальныхъ обществъ за все четыре года едва равняется $\frac{1}{5}$ части блистательнаго итога, предъявленнаго компаніями желѣзныхъ дорогъ. Вотъ списокъ этихъ остальныхъ обществъ по годамъ

годы	Число основан- ныхъ компаній.	Сумма капитала ихъ
1856	5	14,500,000 р.
1857	11	9,770,000
1858	35	41,175,000
1859	23	17,450,000
Итого	65	82,895,000 р.

Это ужъ не Богъ-знаетъ какъ страшно,—милліоновъ по 20, по 21 въ годъ. Но вѣдь это акціонерныя компаніи опять только написали на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ были гораздо скромнѣе. Лишь немногія общества собрали полный взносъ по всему количеству акцій,—иныя выпустили не все число акцій, другія взяли по выпущеннымъ акціямъ лишь часть полной цѣны, а было много и такихъ обществъ, которыя только поторговались, да и остались съ тѣмъ же, не продавъ ни одной акціи, не взявъ ни копѣйки,—такъ и остались въ идеальномъ существованіи. Вотъ счетъ количества денегъ, дѣйствительно собранныхъ акціонерными компаніями (за исключеніемъ компаній желѣзныхъ дорогъ, о которыхъ мы говорили выше).

Общества, основан- ныя въ годахъ	Успѣли собрать де- негъ до начала 1860
1856	9,000,000
1857	4,988,100
1858	16,882,000
1859	727,500
Итого	31,597,600 р.

Позвольте однако, это еще не все. Есть въ списокѣ 6 такихъ обществъ, которыя пытались было выпускать акціи, прося взносовъ—иныя р. по 50, иныя р. по 25 на акцію, но о которыхъ неизвѣстно, по сколькимъ акціямъ успѣли они собрать эти умѣренныя количества синенькихъ и красненькихъ кредитныхъ билетовъ, акціи которыхъ такъ и остались безвѣстны биржевымъ маклерамъ,—ну, что намъ скупиться,—вѣдь расходъ нашъ оказывается очень

невеликъ: положимъ, что мы дали этимъ застѣбчивымъ обществамъ тысячокъ сотни 4 съ хвостикомъ, чтобы ужь вышелъ крупный счетъ — 32 милліона за 4 года.

Но только опять, позвольте,—мала цифра у насъ вышла, а все-таки больше настоящей. У нѣкоторыхъ обществъ есть акціи, оплаченныя разными суммами,—не зная, сколько ихъ оплачено по такой цѣнѣ, мы все считали по одной вышей суммѣ. А кромѣ того, какъ вы полагаете, не существуетъ ли и такихъ обществъ, у которыхъ акціи господъ учредителей и оказываются въ отчетахъ оплаченными, хотя господа учредители и директора еще не нашли надобности внести по нимъ деньги? Надобно бы сдѣлать какую нибудь скидку за эти два обстоятельства,—но Богъ съ ними, что тутъ намъ скряжничать: пусть остается хоть на бумагѣ кругленькая, поленькая цифра 32 милліона, до которой не достигали взносы въ суровой, скупой дѣйствительности.

Ну-съ, такъ сколько же переплатили мы акціонернымъ компаніямъ въ 4 года своего акціонернаго усердія?

По обществамъ желѣзныхъ дорогъ, никакъ не больше, а навѣрное гораздо меньше	47,100,000
По остальнымъ акціонернымъ обществамъ, навѣрное меньше	32,000,000
Итого, навѣрное гораздо меньше	80,000,000

Теперь, если положить, что все эти взносы непременно должны были произойти чрезъ востребованные изъ банковъ вклады, все-таки банкамъ никакъ нельзя было ихъ опасаться, не только въ томъ случаѣ, если была у банковъ 1 января 1856 года наличность, но если бъ не было и ровно никакой наличности, лишь бы принять имъ то правило, о которомъ говорили мы выше — прекратить обращеніе на другія назначенія тѣхъ суммъ, которыя возникали изъ перевѣса вкладовъ надъ востребованіями и которыя должны были оставаться въ банковской наличности. Дѣйствительно, размѣръ взносов въ акціонерныя общества былъ постоянно менѣе такого перевѣса, пока не начали банки дѣлать чрезвычайныя усилія для уничтоженія этого перевѣса, для принужденія вкладчиковъ прекратить новые вклады и востребовать назадъ прежніе вклады.

Къ 1 января 1853 года, сумма вкладовъ въ нашихъ кредитныхъ учрежденіяхъ была —	806,083,233
А къ 1 января 1856 года	924,681,639

За три года перевѣсъ вкладовъ надъ востребованіями составлялъ 118,598,406
то есть, въ годъ среднимъ числомъ около 40,000,000

Тоже самое продолжалось до самой эпохи пониженія банковыхъ процентовъ. Теперь, если мы предположимъ, что рѣшительно все суммы, по-

шедшія на взносы въ акціонерныя общества (менѣе 80 милліоновъ въ 4 года) составлялись бы изъ денегъ, которыя иначе пошли бы въ банки, или которыя уже лежали въ банкахъ, все-таки оставался бы въ эти годы значительный перевѣсъ новыхъ вкладовъ въ банки надъ востребованіями, — вѣдь перевѣсъ этотъ безъ такого уменьшенія составлялъ бы милліоновъ по 40 въ годъ, а на новое занятіе требовалось меньше 20 милліоновъ въ годъ, стало быть и за вычетомъ его оставался бы перевѣсъ новыхъ вкладовъ надъ востребованіями милліоновъ по 20 въ годъ.

Но вѣдь каждому извѣстно, что если сверхъ одного прежняго помѣщенія для сбереженій открывається еще другое помѣщеніе, то не вся сумма, обращающаяся на второе помѣщеніе, составляется изъ отклоненныхъ отъ прежняго помѣщенія капиталовъ, а обыкновенно, значительная часть ея составляется безъ всякаго ущерба прежнему помѣщенію, черезъ усиленіе сбереженія, благодаря двойной привлекательности двойнаго помѣщенія. Положимъ, напримѣръ, что возникало въ Россіи пароходство, — деньги, пошедшія на постройку пароходовъ, вовсе не были отвлечены отъ прежняго занятія постройкою экипажей, — нѣтъ, это были новыя деньги, прежде ни на что путное не шедшія. Телѣгъ, саней, фуръ и т. д. продолжало строиться не меньше прежняго оттого, что стали строиться пароходы. Или положимъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, имѣвшихъ капиталы въ кожевенномъ производствѣ, начали быть подсолнечное масло — кожевенное производство ни мало не потерпѣло отъ этого: сумма шедшихъ на него капиталовъ не уменьшилась, а на маслостроительное производство пошелъ новый капиталъ, не отнятый ни отъ кожевеннаго, ни отъ какаго другаго прежняго производства. Случаи, въ которыхъ капиталъ шелъ бы на новое помѣщеніе изъ прежняго, бываютъ довольно рѣдки, да и въ нихъ количество перемѣщеннаго капитала составляетъ почти всегда лишь меньшую половину всей суммы капитала, занятаго новымъ помѣщеніемъ, а большая часть этого капитала берется изъ новыхъ сбереженій, еще не имѣвшихъ никакого помѣщенія.

Перелагая эти общіе выводы политической экономіи на простой языкъ въ примѣненіи къ нашему дѣлу, мы видимъ, что при возникновеніи у насъ акціонерной горячки надобно было ожидать слѣдующаго хода дѣла. Надобно было ожидать, что къ помѣщенію денегъ въ акціонерныя компаніи будутъ привлечены по преимуществу люди, которые занимались прежде подобными же болѣе или менѣе рискованными оборотами, обѣщающими въ случаѣ успѣха прибыль, гораздо большую вѣрнаго банковаго процента; что главнымъ источникомъ взносовъ за акціи будетъ прибыль, получаемая этими оборотливыми лицами отъ прежнихъ ихъ предпріятій, которыхъ они не бросаютъ; что приманкою высокаго процента, обѣщаемаго акціонерными компаніями, будутъ возбуждены также сберегатель для покупки акцій часть своихъ доходовъ люди, которые прежде растрчивали весь доходъ свой; но что изъ лицъ, предпочитавшихъ вѣрный банковый процентъ высшему проценту рискованныхъ оборотовъ и хлопотливыхъ или невѣрныхъ помѣщеній, очень мало найдется такихъ, которые отвлекутся отъ банковъ акціонерными обществами. Въ самомъ дѣлѣ, кому изъ насъ неизвѣстно, что кто желалъ хлопотать или рис-

ковать, всегда могъ получать у насъ на свой капиталъ болѣе 10% дохода? что болѣе 8% дохода давали ссуды частнымъ лицамъ подъ самое вѣрное обезпеченіе? что испоконъ вѣка каждый предполагавшійся имѣющимъ деньги былъ осаждаемъ людьми, предлагавшими ему помѣстить свой капиталъ на очень выгоднымъ и обезпеченнымъ вѣрнымъ залогомъ условіяхъ? Кто удерживался отъ этихъ привлекательныхъ помѣщеній, кто предпочиталъ имъ банкъ, тотъ уже былъ надежный приверженецъ банка; какая бы ни была акціонерная горячка, она могла заразить развѣ слишкомъ немногихъ изъ такихъ людей. Оно дѣйствительно такъ и было. Громадное большинство акціонеровъ новыхъ компаній навербовалось изъ оборотливыхъ людей или горячихъ людей, никогда не клавшихъ денегъ въ банки; громадная же масса банковыхъ вкладчиковъ дала лишь незначительную пропорцію въ разрядъ акціонеровъ. Это извѣстно каждому. Такимъ образомъ изъ 80 милліоновъ рублей, пошедшихъ въ 4 года на акціонерныя общества, лишь меньшая половина была или вынута изъ банковъ, или была удержана отъ поступленія въ банки; значительнѣйшая часть акціонернаго капитала сформировалась безъ всякаго ущерба для банковыхъ взносовъ. Мы видѣли, что при отнятіи у банковыхъ взносовъ всей этой суммы 80 милліоновъ въ 4 года, банки все-таки имѣли бы ежегодно большой перевѣсъ новыхъ вкладовъ надъ востребованіями. Тѣмъ больше былъ перевѣсъ въ дѣйствительности, когда не по 20, а развѣ по 7 или 8 милліоновъ въ годъ шло бы на акціонерный капиталъ съ убылью банковымъ взносамъ.

Погодите, это еще не все. Пошло на акціонерныя общества менѣе 80 милліоновъ рублей въ 4 года, изъ нихъ лишь меньшая половина могла идти съ ущербомъ для банковыхъ взносовъ, — но неужели вы думаете, что и до этихъ суммъ дошелъ бы размѣръ затратъ на акціи, если бы не были приняты самимъ правительствомъ сильныя мѣры къ увеличенію затратъ на акціи? Въ рѣчи г. министра финансовъ, 13 сентября 1860 года, совершенно справедливо говорится: „мѣра эта (пониженіе банковаго процента) возбудила чрезвычайное развитіе акціонерныхъ предпріятій и стремленіе къ покупкѣ акцій и фондовъ“. Каждый изъ насъ засвидѣтельствуетъ, что слова г. министра финансовъ съ совершенною точностью выражаютъ ходъ дѣла. Если кто не хочетъ вполнѣ довѣрять своему личному впечатлѣнію и словамъ, которыя слышалъ тогда отъ каждаго, тотъ можетъ повѣрить ихъ цифрами, — цифры совершенно подтверждаютъ характеристику дѣла, представленную г. министромъ финансовъ и соотвѣтствующую всеобщему тогдашнему впечатлѣнію.

Въ два года, 1856 и 1857, основано было (кромя компаній желѣзныхъ дорогъ) 16 акціонерныхъ обществъ съ капиталомъ въ 24.270.000 рублей. Надобно замѣтить, что уже и въ этотъ двухлѣтній періодъ входятъ слишкомъ пять мѣсяцевъ времени, подвергавшагося вліянію пониженнаго банковаго процента (въ первый разъ онъ былъ пониженъ, по той же рѣчи г. министра финансовъ, въ іюль 1857 года). Конечно, и тутъ уже есть нѣкоторая доля капитала, принужденнаго обратиться въ акціонерныя общества только пониженіемъ банковаго процента. Кромѣ того, въ числѣ обществъ этого періода находится Общество русскаго общества пароходства и торговли,

основавшееся только благодаря прямому содѣйствию правительства, принявшаго на себя значительную часть взноса по акціямъ и давшаго обществу очень значительный ежегодный доходъ. Не имѣя права считать русское общество пароходства и торговли возникшимъ изъ силы влеченія собственно частныхъ людей къ акціонернымъ предпріятіямъ, мы должны исключить его изъ счета, опредѣляющаго эту силу. Остается 15 обществъ съ капиталомъ въ 15.270.000 рублей, изъ которыхъ, какъ мы замѣтили, часть произошла уже отъ пониженія банковыхъ процентовъ.

Но если и не считать этого вліянія, уже обнаруживавшагося, если развитіе частныхъ акціонерныхъ обществъ за всѣ эти два года приписывать собственно влеченію публики, независимому отъ банковской реформы, все таки мы увидимъ чрезвычайно сильное вліяніе пониженнаго банковаго процента въ числѣ и капиталѣ акціонерныхъ обществъ, возникшихъ въ слѣдующіе два года. Въ 1858 и 1859 гг. (опять за исключеніемъ компаній желѣзныхъ дорогъ) основалось акціонерныхъ обществъ 58 съ капиталомъ въ 58.625.000 рублей. Сличеніе двухъ періодовъ обнаружитъ намъ силу, съ какою подѣйствовало на развитіе акціонерныхъ обществъ пониженіе банковаго процента.

Годы.	Число обществъ.	Капиталь ихъ.
1856—1857	15	15,270,000
1858—1859	58	58,625,000

Цифры втораго двухлѣтія почти въ четыре раза больше цифръ перваго двухлѣтія. Слишкомъ $\frac{2}{3}$ развитія акціонернаго капитала въ 1858 и — 59 гг. мы смѣло можемъ приписать вліянію пониженнаго банковаго процента.

Мы видѣли, что въ теченіе четырехъ лѣтъ (1856—1859 г.), всѣми акціонерными обществами, кромѣ желѣзныхъ дорогъ, было собрано менѣе 32 милліоновъ, и около 7 милліоновъ было собрано, за исключеніемъ главнаго общества, тѣми обществами желѣзныхъ дорогъ, которыя дѣйствовали на пространствѣ, на которомъ могли встрѣчаться съ нашими банковыми учрежденіямп. Все это составляетъ менѣе 40 милліоновъ. Въ этой суммѣ около половины произошло прямо отъ пониженія банковаго процента, и развѣ 20 милліоновъ были бы обращены на эти дѣла безъ такого пониженія. Прибавьте столько же, если хотите вдвое больше, на покупку акцій и облигацій главнаго общества желѣзныхъ дорогъ, все таки оказывается, что на акціонерное дѣло, безъ возбужденія со стороны правительства, пошло бы не больше, какъ отъ 10 до 15 милліоновъ рублей въ годъ, а изъ нихъ едва ли не половина составила бы черезъ отвлеченіе вкладовъ отъ нашихъ банковъ. А безъ пониженія банковыхъ процентовъ сумма привычнаго перевѣса вкладовъ надъ востребованіями, сумма, изъ которой шелъ бы этотъ вычетъ, простиралась бы милліоновъ до 40 въ годъ, то есть за вычетомъ всѣхъ суммъ, отвлекаемыхъ акціонерными дѣлами, оставался бы перевѣсъ вкладовъ надъ востребованіями милліоновъ до 30 въ годъ.

Потому-то мы и говорили, что если бы въ нашихъ банкахъ къ 1 января 1856 года даже и вовсе не было никакой наличности, все таки не было бы намъ никакого опасенія затрудниться въ требуемыхъ уплатахъ, лишь бы

только захотѣли соблюдать они непремѣнное условіе порядка во всякихъ банковыхъ дѣлахъ: рѣшили они не давать никакихъ другихъ назначеній суммамъ, которымъ, по обыкновенному банковому порядку, слѣдовало бы оставаться въ ихъ кассахъ: одинъ уже перевѣсъ вкладовъ надъ востребованіемъ вкладовъ, съ постепеннымъ образованіемъ и увеличеніемъ кассовой наличности, которая, начавшись 1 января 1856 года отъ нуля, далеко превзошла бы къ 1 января 1860 года сумму 100 милліоновъ. При правахъ нашего общества, при непоколебимомъ довѣрїи его къ банкамъ, нечего было опасаться востребованія вкладовъ, въ размѣрѣ, затруднительномъ для кассъ, какова бы ни была наличность ихъ въ ту минуту, съ которой рѣшили бы банки строго слѣдовать обозначенному нами условію.

Но въ противоположность мотиву, напрасность котораго мы старались показать, выставлялся для банковыхъ реформъ еще другой мотивъ, прямо не совмѣстный съ первымъ. Говорилось, что банки не въ состояніи будутъ удовлетворить востребованію вкладовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ говорилось, что банки обременены чрезмѣрнымъ накопленіемъ кассовой наличности, которой уже не находится помѣщенія, которая лежитъ въ банкахъ напрасной тяжестью, между тѣмъ какъ должны банки производить уплату процентовъ по вкладамъ, изъ которыхъ составила эта чрезмѣрная наличность. Мы видѣли изъ доклада о банковыхъ преобразованіяхъ, что сумма капиталовъ, не розданныхъ въ ссуды, составляла въ 1857 году свыше 180 милліоновъ рублей серебромъ.

Если бы слѣдовало рѣшать, какъ должны дѣйствовать банки подъ совмѣстнымъ вліяніемъ обоихъ этихъ мотивовъ,—подъ вліяніемъ опасенія, что не достанетъ у нихъ денегъ на требуемая уплаты, и подъ вліяніемъ обремененія своего громадными наличными суммами, которыхъ некуда имъ дѣвать при всемъ желанїи сбыть съ рукъ,—разрѣшить такую дилемму было бы невозможно, какъ невозможно было бы дать никакого совѣта человѣку, который въ одно время жаловался бы на чрезмѣрную свою полноту и на чрезмѣрную свою сухощавость. Къ счастью, мы надѣемся показать, что положеніе дѣлъ не было такъ безвыходно. Пугавшая насъ опасность востребованія вкладовъ въ размѣрѣ затруднительномъ для банковыхъ кассъ вѣроятно уже разсѣялась, и съ этой стороны читатель конечно успокоился. Теперь мы посмотримъ на мнимую безвыходность обстоятельства, выставлявшагося другимъ мотивомъ для безотлагательныхъ чрезвычайныхъ мѣръ.

Сначала мы предположимъ, что дѣйствительно нельзя было бы уже найти никакого выгоднаго помѣщенія для капиталовъ, затруднявшихъ банкъ своимъ чрезмѣрнымъ накопленіемъ. Трудно ли было бы банкамъ выносить нѣсколько лѣтъ такое обремененіе? Количество вкладовъ 1 января 1857 года,—года, къ которому относится разсматриваемый нами мотивъ,—должно было составлять 1,024,170,882 рубля *). Перевѣсъ востребованій надъ новыми вкладами простирался въ этомъ году только на 11,299,690 рублей, а коли-

*) Эту цифру мы выводимъ изъ слѣдующихъ данныхъ отчета г. министра финансовъ за 1857 годъ. Вкладовъ къ концу этого года осталось 1,019,871,192 рубля, а подъ вліяніемъ пополненнаго въ половинѣ того года процента въ теченіе всего года истребовано было вкладовъ на 11,299,690 рублей болѣе, чѣмъ было внесено.

чество ссудъ оставалось въ теченіе этого года почти неизмѣннымъ, какъ и въ два предшествующіе и слѣдующій годъ *). Изъ этого видимъ, что тяжесть чрезмѣрнаго капитала, оставшагося нерозданнымъ въ ссуды, выставляемая обремененіемъ для банковъ въ первую половину этого года, не могла значительно уменьшиться до самаго конца его. Такимъ образомъ, со стороны этой обременительности, весь 1857 годъ былъ самымъ тяжелымъ для нашихъ банковъ. Однако же, изъ отчета г. министра финансовъ за этотъ годъ мы видимъ, что прибыль, полученная нашими банками въ этомъ году, простира-лась до 5,205,483 рублей. Положеніе, которое, при всѣхъ жалобахъ на его обременительность, оставляло банковымъ учрежденіямъ 5 милліоновъ при-были въ самый тяжелый годъ, еще могло бы выносить отерочку, хотя бы и не представлялось никакой возможности найти выгодное помѣщеніе для капиталовъ, лежавшихъ безъ употребленія и давшихъ банки обязатель-ствомъ уплаты процентовъ по нимъ.

Но неужели трудно было найти выгодное помѣщеніе для этихъ не розданныхъ въ ссуды капиталовъ, такъ, чтобы они, оставаясь наготовѣ для уплаты по первому востребованію вкладовъ, — востребованію, котораго нельзя было ждать безъ пониженія банковыхъ процентовъ, — съ тѣмъ вмѣстѣ при-носили банкамъ доходъ, съ излишкомъ покрывающій уплату по нимъ про-центовъ вкладчикамъ. Каждому извѣстно, что если въ банкѣ накапливается наличность, имѣющая вѣроятность оставаться въ кассѣ довольно долгое время, то банкъ обмѣниваетъ эту наличность на какіе нибудь фонды, имѣющіе твер-дый курсъ и могущіе быть во всякое время реализованными на биржѣ. Нашимъ банкамъ стоило только прибѣгнуть къ этому извѣстному способу. Ближе всего было бы покупать облигаціи собственныхъ нашихъ займовъ, фонды нашихъ внѣшнихъ пяти-процентныхъ займовъ по среднему курсу около 110. Положимъ, что изъ капитала свыше 180 милліоновъ рублей, тяго-тившаго наши банки своею излишнею наличностью, было бы на это обра-щено 150 милліоновъ рублей, — мы такъ только говоримъ, не зная, какая часть всей накопившейся суммы считалась излишнею, а какая дѣйствительно нужною для кассовой наличности, — мы только для примѣра полагаемъ, что присутствіе 30 милліоновъ слишкомъ въ наличныхъ деньгахъ вѣроятно не было бы для кассъ слишкомъ стѣснительно, и только уже остальные 150 милліоновъ казались излишними и стѣснительными, а впрочемъ берите какую хотите долю лишняго и не лишняго, расчетъ будетъ тотъ же самый. И такъ положимъ, что лишними, обременительными были 150 милліоновъ руб-лей, что вышло бы при ихъ обращеніи на покупку пяти-процентныхъ фон-довъ нашихъ внѣшнихъ займовъ.

Полагая фонды купленными по среднему курсу 110, всего было бы куплено фондовъ на сумму по нарицатель-ной цѣнѣ 136,363,636 рублей; на нихъ по пяти-процен-товъ банковыя кассы платили бы дохода 6,818,182 р.

*) Къ 1 января 1856 года количество ссудъ было 1,039,522,255 рублей, а къ 1 января 1859 года 1,038,199,531 рубль.

А за 150 миллионъ вкладовъ, употребленныхъ на эту покушку, банковыя кассы платили бы вкладчикамъ по 4⁰/₀, всего 6,000,000 р.

Въ остаткѣ было бы чистой прибыли банкамъ. 818,812 р.

Если бы принять такой способъ занятія для излишней части капиталовъ, не помѣщающихся въ ссуды, то очевидно, что банки наши не стѣснялись бы и не обременялись бы никакимъ накопленіемъ капиталовъ: тѣмъ больше прибыли, чѣмъ больше накапливается въ нихъ вкладовъ.

Могутъ возразить противъ частнаго помѣщенія, приведеннаго нами въ примѣръ. Это какъ кому угодно. Банки наши имѣли очень широкій просторъ выбора между разными фондами, и очень много можно было найти такихъ, которые, при самой высокой твердости курса, давали процентъ выше процента 4, уплачивавшагося нашими банками по вкладамъ. На одной парижской биржѣ обращается собственно французскихъ процентныхъ бумагъ на сумму болѣе 5.000 миллионъ рублей серебромъ; еще больше размѣръ фондовъ, обращающихся на лондонской биржѣ. Выборъ можно было дѣлать изъ всей этой громадной массы помѣщенія. Вторая половина 1857 года и 1858 годъ почти до самаго конца были временемъ, особенно благоприятнымъ для подобныхъ оборотовъ. Тогдашній коммерческій кризисъ понизилъ цѣну фондовъ на всѣхъ западныхъ биржахъ, такъ что, купивъ ихъ тогда, можно было смѣло ожидать значительнаго выигрыша при реализаціи, въ какую бы минуту не понадобилось потомъ реализовать ихъ. Впрочемъ, напрасно мы и доказываемъ возможность этого способа имъ получать не убытокъ, а прибыль отъ накопленія денегъ въ кассахъ: вѣдь онъ не былъ неизвѣстенъ нашимъ банкамъ, напротивъ, употреблялся ими; такъ въ докладѣ о банковыхъ преобразованіяхъ мы читаемъ, что къ 1 июля 1859 года изъ наличности банковыхъ кассъ, простиравшейся до 71,167,172 р., находилось въ „публичныхъ фондахъ“ 47,825,172 р.

Довольно было бы знать этотъ способъ помѣщенія наличныхъ капиталовъ, чтобы отстранялась всякая мысль о безвыходности положенія, въ которое, какъ намъ говорятъ, становились наши банки чрезмѣрнымъ накопленіемъ въ нихъ вкладовъ, оставшихся не розданными въ ссуды. Но въ докладѣ о банковыхъ преобразованіяхъ мы сверхъ того находимъ очень вѣрное указаніе на другой способъ помѣщенія, столь же выгодный для банковыхъ учреждений, сколько благотѣльный для государства. Вотъ слова доклада: „выкупъ крестьянскихъ угодій не можетъ совершиться безъ помощи кредита“. Распространяться объ этомъ предметѣ—мы считаемъ дѣломъ излишнимъ: безъ всякихъ объясненій каждому понятно, что чѣмъ больше могло собраться свободныхъ денегъ въ нашихъ банкахъ для обращенія на эту цѣль, тѣмъ лучше было для государства и выгоднѣе для самихъ банковъ, потому что при назначеніи свободнымъ деньгамъ этого занятія они могли бы не оставаться праздными ни одного дня.

Мы не имѣемъ ни малѣйшаго желанія доказывать, что прежнія наши банковыя учрежденія были образцомъ совершенства и не имѣли очень важныхъ

недостатковъ, исправленіе которыхъ могло бы совершиться съ большою пользою для государства. Мы хотѣли только показать, что ихъ положеніе въ началѣ 1858 года вовсе не было отчаяннымъ, непремѣнно требовавшимъ искорѣйшей реформы, не взирая ни на какія обстоятельства, не щадя никакихъ усилій; мы старались показать, что напрасно было опасеніе, что потребуются возвратъ вкладовъ въ размѣрѣ, превышающемъ средства, какими располагали бы кассы банковъ при соблюденіи основного правила всѣхъ банковыхъ учреждений, по какой бы то ни было системѣ устроенныхъ, и что съ другой стороны накопленіе вкладовъ легко могло быть изъ затрудняющаго обстоятельства обращено въ источникъ прибыли для банковъ и въ средство къ совершенію реформы сельскихъ отношеній, приступить къ которой намѣревалось тогда правительство.

Посмотримъ теперь, каковы были результаты банковыхъ преобразованій, мотивами къ которымъ выставлялись два рассмотрѣнныя нами обстоятельства, — опасеніе за то, что кассы банковъ могутъ оскудѣть отъ перевѣса востребованій надъ вкладами, и мнѣніе объ обременительности чрезмѣрнаго накопленія капиталовъ въ банковыхъ кассахъ отъ постоянного огромнаго перевѣса вкладовъ надъ востребованіями.

Сущность этихъ преобразованій извѣстна: банковый процентъ былъ пониженъ, — сначала съ 4 на 3, потомъ, когда такое пониженіе оказалось не производящимъ достаточно обширнаго или быстрого дѣйствія, процентъ былъ пониженъ съ 3 на 2. Первое пониженіе произведено было въ іюль 1857 года, второе черезъ 25 мѣсяцевъ, 1 сентября 1859 года. вмѣстѣ съ тѣмъ, прежнимъ вкладчикамъ, не желавшимъ ни оставлять свои вклады по пониженному проценту, ни вынимать ихъ изъ банковъ предоставлено было право обмѣнивать прежніе билеты, по которымъ возвратъ вкладовъ производился безотлагательно по предъявленіи, на новыя билеты съ болѣе или менѣе отдаленнымъ срокомъ выкупа или съ безвозвратнымъ помѣщеніемъ капитала. Сначала положено было по этимъ новымъ билетамъ 4%, потомъ, когда этотъ процентъ оказался не довольно привлекательнымъ, по 5%. Этою совокупностью мѣръ предполагалось остановить приливъ новыхъ вкладовъ въ банки, а прежніе вклады обратить изъ условія возвратимости по первому предъявленію въ безвозвратные; и такимъ образомъ отвратить опасность „оскудѣнія“ кассъ отъ востребованія вкладовъ и избавить кассы отъ чрезмѣрнаго накопленія капиталовъ.

О томъ, какой размѣрѣ дѣйствія имѣли эти реформы въ первые пять мѣсяцевъ, до конца 1857 года, мы не можемъ судить съ точностью; мы только знаемъ изъ отчета г. министра финансовъ, за 1857 годъ, что въ этомъ году возвратъ вкладовъ сталъ выше взноса на 11,299,690 р., между тѣмъ какъ въ прежніе годы постоянно былъ на сторонѣ взноса очень значительный перевѣсъ. Но сумма 11,299,690 р. не выражаетъ всего возврата вкладовъ, происшедшаго послѣ пониженія процента, потому что въ первые семь мѣсяцевъ года, конечно, былъ по прежнему перевѣсъ вкладовъ, и востребованіе въ послѣдніе 5 мѣсяцевъ должно было сначала уничтожить этотъ наростъ вкладовъ, прибавившійся до августа въ суммѣ ихъ, большей 1 января, а только потомъ началось пониженіе этой суммы, дошедшее, какъ

мы знаемъ, до 11,299,690 рублей. Итакъ, оставляя въ сторонѣ послѣдніе 5 мѣсяцевъ 1857 года, начнемъ счетъ съ 1 января 1858 г. По отчету г. министра финансовъ,

количество вкладовъ къ 1 января 1858 г. было	1,012,871,192 р.
а (по докладу о банковыхъ преобразованіяхъ)	
оставалось къ 1 января 1859 года	967,107,041 р.
итакъ, перевѣсъ возврата въ 1858 составлялъ .	45,764,151 р.
Въ первые восемь мѣсяцевъ 1859 года (по рѣчи	
г. министра финансовъ 13 сентября 1860 г.), до	
пониженія процента съ 3 на 2, перевѣсъ возврата	
составлялъ	50,279,605 р.
Итого съ 1 января 1858 до 1 сентября 1859 г.,	
въ теченіе 20 мѣсяцевъ, подъ вліяніемъ пониженіаго	
банковаго процента 3, перевѣсъ востребованія со-	
ставлялъ	96,043,756 р.
А съ 1 сентября 1859 г., когда процентъ съ 3	
пониженъ былъ на 2, до 1 сентября 1860 г. въ те-	
ченіе 12 мѣсяцевъ, перевѣсъ возврата составилъ . .	147,233,156 р.
Итого	243,276,912 р.

Присоединивъ къ этому 11,299,690 рублей уменьшенія въ количествѣ вкладовъ къ 1 января 1858 противъ 1 января 1857 года, и положивъ нѣсколько милліоновъ на уничтоженную возвратомъ въ послѣдніе 5 мѣсяцевъ 1857 года прибавку вкладовъ въ первые 7 мѣсяцевъ его, мы увидимъ, что всю сумму перевѣса востребованій надъ вкладами, произведенную пониженіемъ банковаго процента, надобно считать отъ 260 до 275 или 280 милліоновъ рублей въ теченіе 37 мѣсяцевъ съ августа 1857 по 1 сентября 1860. Изъ этой суммы нѣсколько менѣ половины приходится на вліяніе перваго пониженія до 3 процентовъ въ теченіе 25 мѣсяцевъ, а нѣсколько болѣе половины приходится на вліяніе втораго пониженія до 2 процентовъ въ теченіе 12 мѣсяцевъ. Вторымъ пониженіемъ слишкомъ вдвое усилено было движеніе, начатое первымъ пониженіемъ.

На вотъ любопытная черта этого движенія. Мы говорили до сихъ поръ о перевѣсѣ возврата вкладовъ надъ взносомъ. Каковъ же былъ весь размѣръ востребованія вкладовъ въ эти годы столь сильнаго дѣйствія реформъ?

До начала реформъ востребованіе вкладовъ простиралось до 200 милліоновъ ежегодно. Съ 1 января 1859 по 1 сентября 1860, въ теченіе 20 мѣсяцевъ оно простиралось до 436,540,628 рублей, то есть въ мѣсяцъ, среднимъ числомъ, до 21,800,000; а въ годъ среднимъ числомъ по 262,000,000 р.; это значить, что, не смотря на чрезвычайныя усилія принудить вкладчиковъ къ востребованію вкладовъ, всего лишь на 60 милліоновъ въ годъ стало больше востребованій, чѣмъ было прежде—только около 200 милліоновъ въ теченіе трехъ слишкомъ лѣтъ были востребованы вкладчиками собственно по вліянію пониженія процентовъ; остальная сумма

востребованій въ эти 37 мѣсяцевъ, простиравшаяся приблизительно до 600 милліоновъ слишкомъ, была вынута изъ банковъ просто по вліянію прежняго натурального порядка, по которому и до банковыхъ реформъ при постоянномъ перевѣсѣ вкладовъ надъ востребованіями, востребованія простирались до 200 милліоновъ рублей въ годъ. Эта сравнительная незначительность суммы 200 милліоновъ рублей, вынутой изъ банковъ по сильнѣйшему принужденію со стороны ихъ, лучше всего показываетъ, какъ непоколебимо было довѣріе публики къ банкамъ, и какъ напрасны были опасенія, что могли бы и безъ банковыхъ реформъ оскудѣть кассы отъ какого нибудь порыва публики къ востребованію вкладовъ. Прежнее движеніе востребованій, при которомъ ежегодно оставался перевѣсъ новыхъ вкладовъ на нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей, могло быть чрезвычайными усиліями самихъ банковъ расширено отъ суммы въ 600 милліоновъ, какую имѣло бы безъ того въ эти три слишкомъ года, не больше, какъ только до суммы 800 милліоновъ. Кажется, послѣ этого не нужно и говорить, съ какимъ изумительнымъ упорствомъ публика старалась удержаться отъ востребованія вкладовъ, къ которому принуждали ее сами банки.

Точно также изумительно упорство публики вносить вклады, отвергаемые банками. Изъ рѣчи г. министра финансовъ 13 сентября 1860 г. мы видимъ, что въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ 1859 года, то есть въ теченіе послѣднихъ 8 мѣсяцевъ процента, пониженнаго до 3,—въ эти 8 мѣсяцевъ, когда вліяніе пониженнаго процента, конечно, уже совершенно развилось, дѣйствуя передъ тѣмъ уже цѣлыхъ 14 мѣсяцевъ (съ августа 1857 до конца 1858), въ эти 8 мѣсяцевъ взносы простирались до 152,065,481 р., то есть въ размѣрѣ по 19 милліоновъ въ мѣсяць или по 230 милліоновъ рублей въ годъ, между тѣмъ какъ прежде, до пониженія процентовъ, высшая цифра взносовъ была менѣе 250 милліоновъ (въ 1856 г.). Чрезвычайнымъ усиліемъ оттолкнуть отъ себя взносы банки наши успѣли изъ 290 милліоновъ оттолкнуть отъ себя менѣе 60 милліоновъ, успѣли оттолкнуть отъ себя $\frac{1}{5}$ долю прежняго прилива.

Скажите же теперь, возможно ли было бояться какого нибудь затруднительнаго для банковъ порыва къ востребованію прежнихъ вкладовъ со стороны публики, которая, не смотря на чрезвычайныя принужденія со стороны банковъ увеличить востребованія и уменьшить взносъ, такъ упорно выдерживала въ теченіе слишкомъ двухъ лѣтъ (до сентября 1859) свою укоренившуюся привычку вносить и не требовать возврата.

Если мы не ошибаемся, все это дѣло представляетъ феноменъ, безпримѣрный въ исторіи кредита. Люди говорятъ: „мы вѣримъ безусловно“, имъ говорятъ: „нѣтъ, вы не должны намъ вѣрить“. Люди по прежнему отвѣчаютъ: „нѣтъ, мы вѣримъ и вѣримъ вамъ, мы не способны къ тому, чтобы не вѣрить вамъ“; тогда заставляютъ искусственными мѣрами дѣйствовать такъ, какъ будто они потеряли довѣріе; мѣры приняты сильныя, но люди такъ упорны, что на перекоръ этимъ мѣрамъ продолжаютъ дѣйствовать по прежнему; тогда принимаются новыя еще сильнѣйшія мѣры, чтобы люди, все еще не колеблющіеся ни въ довѣрїи, ни въ прежнихъ привычкахъ, были лишены физической возможности оказывать довѣріе.

Странное дѣло, понять котораго никто не могъ бы, еслибъ не служило къ нему ключемъ забвеніе различій между особенными условіями, въ которыхъ дѣйствовали наши банки, и обыкновенными требованіями западныхъ экономистовъ и биржъ отъ западныхъ банковъ, находящихся въ другомъ положеніи. Видно было, что положеніе нашихъ банковъ неудовлетворительно; мы замѣтили это въ ту знаменитую эпоху чуднаго самообличенія, когда съ такимъ шумомъ, съ такими восторгами необычайной проницательности и восторженнѣйшаго восхищенія своею способностью находить дурнымъ дурное и желать хорошаго, мы процѣживали столько мухъ, продолжая по прежнему глотать верблюдовъ, когда становые и волостные писаря, засѣдатели и квартальные были объявлены виновниками нашихъ недостатковъ и безпорядковъ,—

Когда Громека съ силой адской
Все о полиціи писалъ,
Когда въ газетахъ Вышнеградскій
О безкорыстїи объявлялъ,—

когда тысячи благороднѣйшихъ людей бросали грязью въ князя Черкаскаго за неловкую, но противъ его собственного расположенія, съ глубокимъ отвращеніемъ сдѣланную имъ попытку компромисса между желаніями такихъ людей, какъ онъ, и ожесточенными отсталыми людьми, а сами съ восхищеніемъ своею прогрессивностью рѣшали вопросъ въ смыслѣ самыхъ крайнихъ отсталыхъ людей, когда махровою розою нашего литературнаго благородства расцвѣля знаменитый протестъ въ пользу евреевъ, протестъ, къ которому приложилъ руку и авторъ этихъ статей (о, какъ молоды бываютъ люди вовсе не молодыхъ лѣтъ!), когда было совершенно столько другихъ подвиговъ, отличающихся такимъ же глубокимъ смысломъ. Вотъ, въ это время, какъ мы сказали, замѣчено было, что наша банковая система дѣйствуетъ неудовлетворительно. Какъ же тутъ быть, что дѣлать? Вопросъ разрѣшился очень просто—слѣдующими силлогизмами.

Когда на западѣ положеніе банка неудовлетворительно, банку грозитъ кризисъ; у насъ положеніе банковъ неудовлетворительно, слѣдовательно нашими банкамъ грозитъ кризисъ.

Итакъ надобно принять наискорѣйшія, сильнѣйшія мѣры, для предотвращенія кризиса исправленіемъ неудовлетворительныхъ сторонъ положенія. Въ чемъ же эти неудовлетворительныя стороны и какъ ихъ исправить?

Положеніе западнаго банка бываетъ опасно, когда онъ имѣетъ слишкомъ большую сумму вкладовъ, которые обязаиъ возвращать по первому востребованію. Тутъ съ минуты на минуту можетъ нахлынуть публика съ требованіемъ возврата вкладовъ, кассы банковъ оскудѣваютъ въ нѣсколько мгновеній, и—хлопъ!—затворяются двери банка, онъ прекратилъ платежи, онъ обанкротился. У насъ масса подобныхъ вкладовъ имѣетъ безпримѣрную величину, чуть ли не больше всей совокупности банковъ цѣлой западной Европы. Слѣдовательно, у нашихъ банковъ смерть на носу, и смерть собственно отъ этого обстоятельства; итакъ во что бы то ни стало консолидируемъ такіе вклады, обратимъ ихъ въ долгосрочные или безвозвратные.

На западѣ положеніе банка бываетъ очень тяжело, когда приливаетъ къ нему чрезмѣрный запасъ наличности. У насъ количество вкладовъ, не находящихъ себѣ помѣщенія въ прежнія ссуды, растетъ громадно,—слѣдовательно, наши банки должны чувствовать обремененіе и постараться выпустить изъ своихъ кассъ эти капиталы, какъ дѣлаютъ западные банки.

Болѣе разсуждать не о чемъ. Опасность открыта, причины ея найдены, средства къ исправленію приисканы. Оно все бы такъ, только сходными именами назывались у насъ не тѣ вещи, по какимъ судили о нашихъ вещахъ. У французовъ Мелани—ужь непремѣнно изящнѣйшая дѣвушка. А наша Melanie выше кухарки не бываетъ; изящная барышня у насъ называется Лидією. Такъ вотъ было и тутъ.

Вкладчики банковъ у насъ были не тѣ люди, которые называются вкладчиками банковъ,—то люди, дающіе мимолетное помѣщеніе своимъ коммерческимъ капиталамъ на мелкіе промежутки, между оборотами,—нынѣ осталось у негоціанта нѣсколько тысячъ сверхъ торговой надобности, онъ несетъ ихъ въ банкъ, черезъ мѣсяцъ вынимаетъ, черезъ два мѣсяца снова кладетъ, чтобы опять вынуть. У насъ вкладчики были люди совершенно иного класса; они соотвѣтствовали не вкладчикамъ западныхъ банковъ, а сословію, называющемуся во Франціи рентьерами; а вклады нашихъ банковъ соотвѣтствовали не вкладамъ западныхъ банковъ, а фондамъ государственнаго долга. Во Франціи, кто хочетъ обратить свою движимую собственность въ процентныя бумаги, проситъ маклера обмѣнять ему деньги на государственные фонды; у насъ такой человѣкъ отправлялся въ опекунскій совѣтъ и просилъ служащихъ въ этомъ совѣтѣ обмѣнять ему деньги на „ломбардный билетъ“. Какъ французскіе рентьеры никогда, ни при какомъ коммерческомъ кризисѣ не находятъ нужнымъ продавать свою ренту, такъ наши вкладчики никогда не думали выпускать изъ рукъ свои ломбардные билеты; ихъ процентныя бумаги, какъ процентныя бумаги французскихъ рентьеровъ, поступали въ обмѣнъ на деньги, лишь по смерти владѣльца или когда владѣлецъ рѣшался обратить свою движимую собственность въ недвижимую. Разница лишь та, что часть французской ренты находится въ рукахъ коммерческихъ людей и является на биржу, а наши ломбардные билеты никогда не являлись на нее и не могли явиться.

Изъ этого также видна будетъ разница между накопленіемъ вкладовъ у западныхъ и у нашихъ прежнихъ банковъ. Если у коммерческихъ людей долгое время остается много денегъ безъ оборота, это значить, что торговля и промышленность впала въ застой, а вкладчики западныхъ банковъ—коммерческіе люди, и вклады ихъ—та часть оборотнаго торговаго и промышленнаго капитала, которая остается безъ дѣла; потому накопленіе вкладовъ тамъ—признакъ торговыхъ и промышленныхъ затрудненій, угрожающихъ коммерческимъ кризисомъ. А у насъ было совсѣмъ не то: накопленіе вкладовъ просто обозначало, что люди, не занимающіеся коммерческими дѣлами—чиновники, офицеры, домовладѣльцы и т. д. начинаютъ быть разсчетливѣе прежняго, начинаютъ меньше прежняго сорить деньги, лучше прежняго беречь ихъ. Какая могла быть бѣда отъ того имъ ли самимъ, нашей ли торговлѣ и промышленности, или нашимъ банковымъ учрежденіямъ? Это явленіе просто

было слѣдствіемъ перехода значительной части нашего общества отъ дикой азіатской роскоши къ болѣ скромному европейскому образу жизни. Эти вклады соотвѣтствовали тѣмъ ассигнаціямъ, которыми наши люди съ широкими натурами закуривали ветарину трубки, тому шампанскому, которое лили они ветарину на каминку въ баняхъ и тѣмъ фунтамъ жемчуга, которыми обвѣшивались ихъ жены.

Читали ли вы буквальные переводы и занимались ли курьёзнымъ сравняньемъ смысла подлинника съ русскимъ смысломъ такихъ переводовъ? Вотъ вамъ небольшой образецъ,—мы переводимъ изъ англійскаго „Экопомиста“: „напрасно беретъ свое жалованье тотъ офицеръ, который не сидитъ по крайней мѣрѣ восемь часовъ въ день въ своей конторѣ надъ бумагами“,—что за дичь такая? Нѣтъ, по-англійски оно не дичь, потому что офицеръ по-англійски значить чиновникъ, а департаментъ или палата называется по-англійски контора. Мы только перевели не разобравъ этихъ обстоятельствъ и потому вышло у насъ Богъ-знаетъ что.

Спора нѣтъ, и западные банки принимаютъ иногда мѣры, чтобы оттолкнуть отъ себя приливъ вкладовъ и заставить прежнихъ вкладчиковъ брать вклады назадъ. Но въ какомъ положеніи находятся западные банки, когда прибѣгаютъ къ такимъ мѣрамъ? Наличность бываетъ у нихъ больше всего количества билетовъ, выпущенныхъ въ обращеніе; если всѣ вкладчики явятся нынѣ же въ банкъ, нынѣ же получатъ всѣ они всѣ свои вклады назадъ чистыми деньгами, а въ кассѣ банка останутся еще груды золота. Вотъ не угодно ли, напримѣръ, взглянуть на послѣдній балансъ англійскаго банка (Bank of England) въ среду 6 февраля.

І. Билетное отдѣленіе.

Билетовъ находится въ обращеніи . . .	25.488,315 фунтовъ.
Въ кассѣ отдѣленія находится: облигацій государственнаго долга и другихъ фондовъ	15.475,000 — —
Золотой и серебряной монеты	10.013,315 — —
Итого, въ кассѣ	25.488,315 фунтовъ.

Но это одно отдѣленіе, одна зала банка; а въ другомъ отдѣлѣ въ такъ-называемомъ банкирскомъ отдѣленіи, то есть въ другой залѣ, находится еще почти на 35 милліоновъ фунтовъ денегъ и биржевыхъ бумагъ въ кассѣ.

Вотъ теперь англійскій банкъ и можетъ, когда вздумается, крикнуть своимъ вкладчикамъ: подавайте мон билеты: я хочу ихъ обмѣнивать. Онъ можетъ это сдѣлать, потому что въ той залѣ, куда придутъ вкладчики, приготовлено для нихъ въ кассѣ денегъ и фондовъ, равносильныхъ деньгамъ ровно рубль на рубль противъ всего количества находящихся у всѣхъ вкладчиковъ билетовъ, а въ сосѣдней залѣ еще лежитъ почти по полтора рубля кассовой наличности на каждый рубль всѣхъ этихъ билетовъ.

Ну, а наше положеніе таково ли было? Ломбардныхъ и другихъ процентныхъ билетовъ выпущено было нашими банками къ тому времени, когда начинались банковыя преобразованія, на сумму болѣе 1,000 милліоновъ руб.; а кассовая наличность, по рѣчи г. министра финансовъ 13 сентября 1860 года—150 милліоновъ, то есть ровно по одному рублю на 7 рублей билетовъ, призывавшихся къ предъявленію.

Это было все равно, какъ если бы англійское казначейство вдругъ стало требовать, чтобы всѣ владѣльцы облигацій государственнаго долга предъявили ихъ ему для уплаты. Денегъ у англійскаго казначейства очень много: стоитъ ему захотѣть—и получить оно въ годъ сто милліоновъ фунтовъ; ну, а что, если бы нагрянули къ нему, да еще по его же приглашенію, съ требованіемъ обмѣна на наличныя деньги владѣльцы фондовъ государственнаго долга, простирающагося до 800 милліоновъ? Но англійское казначейство этого никогда не дѣлало, никогда не сдѣлаетъ, да это и не нужно никому, да это и невозможно ему, и каждый знаетъ, что оно не въ состояніи было бы уплатить всю эту сумму. И это знаніе никому не мѣшаетъ имѣть безусловное довѣріе къ англійскому казначейству и къ фондамъ англійскаго государственнаго долга, которые не могутъ быть выкуплены англійскимъ казначействомъ не только немедленно по предъявленію, но и въ 10 лѣтъ и въ 50 лѣтъ. Да вѣдь не въ этомъ и дѣло, не то значеніе этихъ фондовъ, чтобы они выкупаемы были казначействомъ; владѣльцы купили ихъ только затѣмъ, чтобы получать по нимъ доходъ, и никогда не будутъ имѣть другой мысли.

Точно такое же значеніе имѣли у насъ банковыя билеты. Это были ни больше, ни меньше, какъ облигаціи государственнаго займа. Назывались они не такъ, но вѣдь въ каждой землѣ, на каждомъ языкѣ есть разница въ терминологіи отъ другихъ земель. У насъ мѣщанинъ—мѣщанинъ, а у французовъ мѣщанинъ—bourgeois, значить, по-нашему, капиталистъ, фабрикантъ, домовладѣлецъ; а что по-нашему мѣщанинъ, то по-французски называется пролетарій. Мало ли разницы бываетъ въ словахъ! Потому-то наука и трудное дѣло, что одни слова заучить еще недостаточно для пониманія дѣла. Разумѣется, еще хуже не знать и самыхъ словъ,—а впрочемъ, оно можетъ быть и не хуже: тутъ по крайней мѣрѣ руководитъ здравый смыслъ и житейская опытность; а узнавъ слова безъ пониманія дѣла, отбиваешься и отъ этихъ руководителей, не приобретаая лучшаго руководителя—истинно-научнаго взгляда.

Чтобы идти банкамъ нашимъ, въ ожиданіи лучшихъ обстоятельствъ, въ ожиданіи благотворныхъ результатовъ отъ реформъ бюджета и гражданскаго быта, еще нѣсколько лѣтъ по прежнему способу безъ обремененія для казны, а напротивъ еще съ нѣкоторою прибылью для нея, безъ увеличенія массы бумажныхъ денегъ, а напротивъ еще съ нѣкоторымъ уменьшеніемъ ея,—на это довольно было у нашихъ банковъ ихъ наличности; но когда приняты были мѣры, призывавшія прежнихъ вкладчиковъ къ востребованію вкладовъ, останавливавшія приливъ новыхъ вкладовъ, то, разумѣется, оказалось, что наличныхъ и вообще всякихъ собственныхъ средствъ уплаты у банковъ нашихъ недостаточно. Хотѣли избѣжать затруд-

ненія, котораго не было бы, и разом попали въ самое тяжелое затрудненіе: чувствовали чрезмѣрность количества бумажныхъ денегъ, бывшаго въ обращеніи, и принуждены были увеличить эту массу; тяготились огромностью суммъ золота и серебра, посылавшихся за границу на уплату процентовъ по вѣнскимъ займамъ, и сдѣлали новые вѣнскіе займы, стали принуждены посылать золото за границу еще больше прежняго; тяготились прежними процентами, по банковымъ вкладамъ и стали платить по нимъ больше прежняго. Мы беремъ данныя изъ рѣчи г. министра финансовъ 13 сентября 1860 года.

Но прежде чѣмъ приведемъ ихъ, сдѣлаемъ здѣсь отступленіе, которое, можетъ быть, выгоднѣе для насъ было бы помѣстить въ самомъ началѣ статьи. Будемъ говорить откровенно. Статья эта слишкомъ мало походитъ на папегирикъ дѣйствіямъ министерства финансовъ, по банковымъ преобразованіямъ. Проще сказать, мы сначала до конца все только о томъ и говоримъ, что преобразование было начато не съ того, ведено не такъ, какъ слѣдовало бы; что результатомъ этихъ реформъ было только приведеніе дѣлъ въ положеніе тяжелѣе и хуже прежняго. У насъ слишкомъ обыкновененъ пріемъ въ каждомъ неодобреніи видѣть злонамѣренность, видѣть желаніе компрометировать правительство, повредить ему. Вообще отъ подобныхъ подозрѣній авторъ статьи не намѣренъ защищаться, потому что это было бы бесполезно: какъ и чѣмъ вы можете убѣдить человѣка, что вамъ вовсе нѣтъ радости враждовать противъ него или вредить ему, если этотъ человѣкъ считаетъ васъ сатаню? Но въ частности по дѣлу, о которомъ идетъ рѣчь, защититься можно, потому что дѣло это такого особеннаго рода. Государственный кредитъ — такая вещь, относительно которой не можетъ существовать разницы въ желаніяхъ людей, какого бы образа мыслей ни были они обо всѣхъ другихъ дѣлахъ. Будьте вы коммунистъ или ультрамонтанецъ, революціонеръ или реакціонеръ, будьте вы хоть мормонъ или скопеецъ, все-таки вы никакъ не можете не желать упроченія и возвышенія государственнаго кредита. Государственный кредитъ это такое же дѣло, какъ урожай, какъ хорошая погода: никакія ни политическія, ни общественныя разницы мнѣній не касаются этого дѣла. Тутъ у всѣхъ одна потребность, одно желаніе.

А дѣла, въ успѣшномъ ходѣ которыхъ заинтересованъ каждый и какъ частный человѣкъ, какого бы званія ни былъ, и какъ гражданинъ, какого бы образа мыслей ни былъ, — такія дѣла никогда не могутъ быть ни въ безнадежномъ положеніи, ни даже въ положеніи, котораго нельзя было бы очень легко исправить, лишь бы только узнать, что нужно сдѣлать для ихъ исправленія. Между прочимъ, именно поэтому и предполагается вами возможность говорить о государственномъ кредитѣ съ полною откровенностью. Тутъ никто не можетъ заподозрить, что мы руководились чѣмъ нибудь, кромѣ желанія пользы самому дѣлу.

Но возвратимся къ дѣлу. Мы хотѣли изъ рѣчи г. министра финансовъ 13 сентября 1860 г. извлечь данныя о томъ, каковы были результаты мѣръ, предпринятыхъ для отвращенія мнѣмой опасности и мнѣмой обременительности прежняго положенія нашихъ банковъ. Вотъ подлинныя слова:

„наличность банковъ, составлявшая въ июль 1857 года“ (т. е. передъ началомъ банковыхъ реформъ) „свыше 150 милліоновъ рублей, понизилась въ июнь 1859 г. до 20 милліоновъ рублей“; а предстояла перспектива дальнѣйшихъ востребованій въ очень большомъ размѣрѣ. Въ рѣчи г. министра финансовъ это положеніе называется затруднительнымъ. Слова эти относятся, какъ мы видимъ, къ июню мѣсяцу 1859 г.; но, несмотря на то, была принята мѣра, долженствовавшая еще усилить востребованіе вкладовъ, и дѣйствительно усилившая его, какъ мы видѣли, слишкомъ вдвое: „1 сентября 1859 г. пониженъ банковый процентъ съ 3 на 2“, хотя самъ г. министръ финансовъ говоритъ передъ тѣмъ: „дабы выйдти изъ такого затруднительнаго положенія“, надлежало „оградить банки отъ излишняго востребованія вкладовъ“. Востребованіе вкладовъ усилилось, а векорѣ за этимъ усилившимъ его вторичнымъ пониженіемъ процента, именно черезъ четыре мѣсяца, „26 декабря того же года пріемъ вкладовъ въ заемномъ банкѣ, сохранныхъ кассахъ и приказахъ общественнаго призрѣнія вовсе прекращенъ“, какъ будто бы кассы банковъ изнемогали отъ излишка наличности. Это было бы странно при изложенномъ нами взглядѣ на громадное большинство вкладчиковъ и вкладовъ, какъ на рентьеровъ и ренту; но руководились другимъ соображеніями, которыхъ касались мы выше, и потому считали необходимымъ идти этимъ путемъ, требовавшимъ значительныхъ пожертвованій. Мы уже видѣли, что банковая наличность, составлявшая въ июль 1857 г. болѣе 150 милліоновъ рублей, стала очень сильно уменьшаться; наконецъ она оказалась недостаточною для уплатъ, и надобно было употребить на нихъ другія средства. Вотъ слова г. министра финансовъ изъ рѣчи его 13 сентября 1860 г.

«Обозначенныя преобразованія не могли совершиться безъ пожертвованій со стороны казны. Кассы банковъ къ 1 января 1859 г. составляли: наличными деньгами 25,440,000 р., а государственными фондами, по нарицательной цѣнѣ, 43,405,127 р.; съ того же времени, какъ объяснено выше, истребовано изъ банковъ 436,540,628 р., болѣе противъ взносовъ на 197,412,761 р.

«На покрытіе этого излпшка истребованій, были обращены сперва процентныя бумаги, принадлежавшія заемному и коммерческому банкамъ: изъ нихъ государственное казначейство приняло на себя 28.000,000 р., въ замѣнъ отпущенныхъ суммъ на удовлетвореніе банковыхъ вкладчиковъ, и сверхъ того выручено продажей означенныхъ процентныхъ бумагъ въ частныя руки 2,912,200 р.; остальные же фонды, составляющіе собственность опекунскихъ совѣтовъ и приказовъ общественнаго призрѣнія, оставлены въ ихъ распоряженіи. Затѣмъ большая часть суммъ, поступившихъ по вышнему 3% займу, а равно и всѣ свободныя суммы государственнаго казначейства употреблены также на возвратъ капиталовъ изъ банковъ. Этихъ ресурсовъ, однакожъ, было недостаточно для безостановочнаго возврата вкладовъ, между тѣмъ количество платежей, причитавшихся отъ заемщиковъ, даже при исправномъ поступленіи оныхъ, не могло доставить способовъ къ совершенному обезпеченію возврата вкладовъ, при успевномъ востребованіи оныхъ. По предвидѣнной недостаточности всѣхъ этихъ средствъ для удовлетворенія вкладчиковъ, высочайше разрѣшенъ былъ, на подкрѣпленіе банковыхъ кассъ, выпускъ до 100.000,000 р. кредитныхъ билетовъ. Такой выпускъ кредитныхъ билетовъ, ограниченный размѣромъ востребованія вкладовъ, былъ неизбежнымъ переходнымъ средствомъ къ исполненію обязательствъ, принятыхъ на себя банками; въ дальнѣйшемъ же употребленіи этого ресурса не настоятъ болѣе надобности, такъ какъ уставомъ государственнаго банка (§ 16) постановлено,

для облегченія исполненія возложенныхъ на сей банкъ обязанностей, относительно уплаты вкладовъ по востребованіямъ, выдавать срочные билеты комиссіи погашенія долговъ или билеты государственнаго казначейства. На семь основаніи передано уже въ распоряженіе банка 15,000,000 руб. билетами государственнаго казначейства, о выпускѣ коихъ состоялся высочайшій указъ 8 іюня текущаго года.»

„Мы не знаемъ, какую часть 150 милл., находившихся въ банковской наличности, составляли кредитные билеты и какую процентныя бумаги; впрочемъ разница эта и не важна для результата, потому что процентныя бумаги были также или всё или почти всё обмѣнены (или проданы) за кредитные билеты, которые также пошли на уплату по востребованію взносовъ *). Такимъ образомъ на удовлетвореніе востребованію вкладовъ было выпущено во всякомъ случаѣ болѣе 125 милліоновъ руб. кредитныхъ билетовъ, которые иначе оставались бы изъятими изъ обращенія, сохраняясь въ банковыхъ кассахъ **). Сверхъ того, какъ мы видѣли, выпущено было еще 100 милл. руб. кредитныхъ билетовъ и 15 милл. рублей серій (билетовъ государственнаго казначейства), по своему значенію обращающихся съ такою же легкостью, какъ кредитные билеты. Сверхъ всего этого, всё свободныя суммы государственнаго казначейства употреблены были на удовлетвореніе того же востребованія. Количество этихъ суммъ мы не можемъ опредѣлить. Слагая остальные суммы, мы получаемъ, что банковыя реформы потребовали выпустить въ обращеніе, кромѣ 15 милл. руб. серіями, болѣе 225 милл. руб. кредитными билетами, которые безъ того или не получили бы существованія, или оставались бы изъятими изъ обращенія.

Дѣло не ограничилось этимъ. Въ предыдущей выпискѣ изъ рѣчи г. министра финансовъ сказано было, что „большая часть суммъ, поступившихъ по вѣшнему 3% займу, употреблена была также на возвратъ капиталовъ изъ банковъ. По займу этому, заключенному въ мартѣ 1859 г.,

*) По отчету о состояніи счетовъ государственнаго банка мы видимъ, что всѣхъ процентныхъ бумагъ въ кассѣ его находилось 9,474,516 р. (подъ рубрикою „фонды“ значится 8,549,424 р. и подъ рубрикою „принадлежащія банку“ процентныя бумаги 929,092). Мы не знаемъ, вновь ли приобрѣтены самими государственнымъ банкомъ эти фонды, или переданы ему изъ кассъ прежнихъ банковъ.

***) Цифру эту мы полагаемъ болѣе 125 милл. рублей на слѣдующемъ основаніи. Кассовая наличность составляла въ іюлѣ 1857 г. свыше 150 милл., а къ 1 января 1859 года 68,845,427 р., въ томъ числѣ 25,440,000 наличными деньгами, а государственными фондами, по нарицательной цѣнѣ, 45,405,427 руб., изъ этихъ фондовъ 23 милл. рублей нарицательнаго капитала, состоявшіе изъ билетовъ 6% займа 1818 года были проданы потомъ банками государственному казначейству; послѣ того въ іюлѣ 1859 г. банковая наличность понизилась до 20 милл. рублей. И такъ вышло изъ банковыхъ кассъ до 1 января 1859 года болѣе 82 милл. рублей (разница между наличностью кассъ въ іюлѣ 1857 и 1 января 1859); потомъ болѣе 25 милл. р. кредитными билетами оставшихся въ кассахъ къ 1 января 1859 г. и кредитные билеты, данные государственнымъ казначействомъ въ обмѣнъ 23 милл. р. билетовъ 6% займа 1818 года. Мы не знаемъ, по номинальной ли цѣнѣ были обмѣнены эти билеты государственнымъ казначейству, или по биржевому курсу, который конечно былъ бы гораздо выше номинальной цѣны. Но полагая обмѣнъ и по номинальной цѣнѣ, мы получаемъ изъ сложения этихъ трехъ суммъ (82 милл., 25 милл. и 23 милл.) 130 милліоновъ кредитными билетами. Въ этотъ счетъ кредитныхъ билетовъ, вышедшихъ изъ банковыхъ кассъ въ обращеніе, мы не кладемъ суммъ, вырученныхъ черезъ продажу фондовъ въ частныя руки, потому что полученные черезъ это кредитные билеты уже и безъ того находились въ обращеніи.

получено было 7 милл. фунтовъ, то есть 43,500,000 руб. сер. Вотъ какъ разсказана исторія этихъ денегъ въ рѣчи г. министра финансовъ.

«Первоначальное назначеніе этого займа, а именно: усиленіе размѣнаго фонда экспедиціи кредитныхъ билетовъ съ цѣлью изыятія сихъ изъ обращенія на соразмѣрную сумму, не могло, однакожь осуществиться. Вслѣдствіе чрезвычайно усилившагося привоза разныхъ машинъ, пароходовъ, рельсовъ и другихъ принадлежностей желѣзныхъ дорогъ, при ограниченномъ требованіи нашихъ произведеній на иностранныхъ рынкахъ, а также по случаю перевода изъ Россіи большихъ суммъ отъѣзжающими за границу, вексельный курсъ нашъ сталъ упадать, и посему оказалось необходимымъ покрывать торговый балансъ отпускомъ изъ Россіи золота. Въ сихъ обстоятельствахъ правительство было вынуждено, къ предупрежденію дальнѣйшаго упадка вексельнаго курса, производить платежи свои за границею изъ суммъ, поступившихъ средствомъ послѣдняго займа, дабы избѣгать такимъ образомъ покупки переводныхъ векселей на здѣшней биржѣ. Сверхъ того часть суммъ, находившихся за границею по этому займу, переведена сюда чрезъ продажу на здѣшней биржѣ, на счетъ правительства, векселей, выданныхъ здѣсь на иностранные города, а вырученныя за эти векселя деньги обращались, какъ выше сказано, на удовлетвореніе банковыхъ вкладчиковъ».

Такимъ образомъ банковыя реформы не допустили осуществиться предположенію, состоявшему въ томъ, чтобы, увеличивъ размѣнный фондъ экспедиціи кредитныхъ билетовъ, возобновить размѣнъ этихъ билетовъ на звонкую монету. Безъ банковыхъ реформъ дѣло это не представляло бы затрудненій. Къ 1 января 1857 года количество размѣнаго фонда экспедиціи кредитныхъ билетовъ составляло звонкою монетою и въ слиткахъ 122,838,117 рублей. Безъ банковыхъ реформъ этому фонду не было бы надобности уменьшаться. По счету государственнаго банка къ 1 января 1856 года, кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ въ обращеніе, находилось 714,580,226 рублей. Изъ нихъ или были бы изыаты изъ обращенія, или вовсе не получили бы существованія безъ банковыхъ реформъ, какъ мы видѣли, по крайней мѣрѣ 225 милл. рублей; такимъ образомъ безъ банковыхъ реформъ оставалось бы теперь въ обращеніи не болѣе, а по всей вѣроятности менѣе, чѣмъ на 490 милл. руб. кредитныхъ билетовъ. Размѣнный фондъ, сохранившись доннынѣ въ величинѣ 1 января 1857 г., представлялъ бы на каждые 100 рублей кредитныхъ билетовъ, находящихся въ обращеніи, по 25 рублей звонкою монетою; при такой пропорціи могъ бы возобновиться размѣнъ кредитныхъ билетовъ на звонкую монету. А если прибавить къ тогдашнему размѣнному фонду 43½ милл. руб., доставленныхъ вышнимъ займомъ, предназначавшимся къ тому, то размѣнный фондъ составлялъ бы болѣе 166 милл. р. сер. звонкою монетою, то есть имѣлъ бы на 100 рублей кредитныхъ билетовъ почти по 34 р. звонкою монетою,—при такой пропорціи возобновленіе размѣна кредитныхъ билетовъ на звонкую монету не представляло бы уже никакихъ сомнѣній. Но черезъ банковыя реформы, съ возникавшими изъ нихъ затрудненіями банковыхъ кассъ, произошла въ размѣнномъ фондѣ такая перемѣна, что къ 1 января 1861 г. все количество звонкой монеты и слитковъ въ кассѣ государственнаго банка простиралось только до 84,335,007 руб. *); а кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ въ

*) Эту цифру мы получаемъ, вычитая изъ итога 92,884,431 р., входящія въ этотъ итогъ количество фондовъ 8,549,424 руб.

обращеніе, находилось тогда, какъ мы уже видѣли, слишкомъ на 714 милл. рублей, то есть на 100 руб. кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ въ обращеніе, приходилось менѣе 12 руб. въ размѣнномъ фондѣ. При такой пропорціи возобновеніе размѣна конечно представляется дѣломъ затруднительнымъ. Банковыя реформы помѣшали этому дѣлу: онѣ отвлекли отъ размѣннаго фонда $43\frac{1}{2}$ милл. руб. золота, доставленныхъ займомъ, и уменьшили на $38\frac{1}{2}$ милл. руб. количество звонкой монеты и слитковъ, находившихся въ размѣнномъ фондѣ до начала этихъ реформъ. Поэтому г. министръ финансовъ въ рѣчи своей, 13 сент. 1860 г., справедливо говоритъ:

«По жертвованія, которыя государственное казначейство должно было принять на себя, для возврата вкладчикамъ, по востребованію капиталовъ ихъ, затраченныхъ въ долгосрочныя ссуды, не дозволяли принять по нынѣ надлежащихъ мѣръ къ открытію свободнаго размѣна кредитныхъ билетовъ на звонкую монету.»

Мы сказали, что вся сумма займа была отвлечена отъ размѣннаго фонда собственно банковою реформою, — дѣйствительно вся, хотя не всей ей, а лишь большей половиной ея, дано было прямое обращеніе на уплату востребованій. Мы видѣли, что прямое назначеніе остальной меньшей части займа было другое: она употреблялась на поддержаніе вексельнаго курса. Его паденіе приписываютъ нѣкоторымъ обстоятельствамъ, въ родѣ усилившагося привоза заграничныхъ продуктовъ и увеличившагося числа русскихъ путешественниковъ, расходующихъ русскія деньги за-границею. Но если привозились къ намъ изъ-за границы рельсы, пароходы и т. д., то не надобно забывать, что тѣ же самыя предпріятія, для которыхъ требовались эти вещи, имѣли значительную часть своихъ акціонеровъ или хозяевъ между заграничными капиталистами, и что этими, шедшими на наши дѣла, заграничными капиталами конечно съ излишкомъ покрывалась цѣнность присылаемыхъ къ намъ рельсовъ и т. д., такъ что по этимъ дѣламъ перевѣсъ въ движеніи капиталовъ былъ къ намъ изъ-за границы, а не отъ насъ за-границу. Что же касается до русскихъ путешественниковъ, число ихъ дѣйствительно чрезвычайно увеличилось въ послѣдніе годы, но всю эту громадную прибавку въ цифрѣ путешествующихъ лицъ составили люди, очень небогатыя, не мотающіе денегъ ни за-границей, ни дома; число ихъ велико, но переводимая на нихъ за-границу сумма капитала не велика. А число проживающихъ за-границею богатыхъ людей, переводящихъ за-границу много денегъ, не увеличилось въ послѣдніе годы, потому что и въ прежніе годы было также велико: имъ и прежде никогда не бывало остановки ѣхать за-границу. Да и какая разница для вексельнаго курса отъ того, въ Россіи ли, за-границею ли живутъ русскіе, мотающіе много денегъ? Вѣдь живучи въ Петербургѣ, въ Москвѣ или въ провинціи, все равно тратятъ они деньги на заграничныя продукты, — на иностранныя вина, на иностранныя шелковыя матеріи и наряды и т. д., — вѣдь не на сало же и не на пень уже расходуютъ они свои деньги, когда живутъ дома. Значитъ, все равно: когда они живутъ за-границею, деньги высылаются банкирами въ векселяхъ прямо на ихъ имя, а когда живутъ дома, ровно столько же денегъ по ихъ надоб-

постоямъ высыпаютъ за-границу англійскій и другіе магазины въ уплату за выписанные товары для этихъ лицъ. Вексельному курсу въ одномъ случаѣ не легче и не тяжеле, чѣмъ въ другомъ. Это мы говоримъ про богатыхъ людей, тратящихъ много денегъ и за-границею, какъ дома. Но вслѣдствіе поѣздокъ небогатыхъ людей за-границу вексельный курсъ даже выигрываетъ. Денегъ они переводятъ за-границу мало, за то возвращаются изъ-за границы почти всѣ они гораздо разсудительнѣе, чѣмъ были до поѣздки: они присматриваются къ заграничной жизни, видятъ, что мотовство считается тамъ пошlostью и глупостью, что разсчетливость тамъ въ модѣ у всѣхъ порядочныхъ людей, и сами возвращаются домой, научившись быть бережливѣе прежняго. А бережливость прямо дѣйствуетъ на повышеніе вексельнаго курса.

Причины паденія вексельнаго курса въ послѣдніе годы совершенно иныя, не имѣющія ничего общаго съ привозомъ рельсовъ и т. д. изъ-за границы и съ поѣздками русскихъ за-границу. Вексельный курсъ упалъ; это значитъ, что за извѣстную сумму нашихъ денегъ нельзя стало получать въ Лондонѣ или Парижѣ столько гиней или луидоровъ какъ прежде, а получается меньше прежняго, т. е. это значитъ, что наши деньги подешевѣли сравнительно съ французскимъ или англійскимъ золотомъ,—то есть вообще съ золотомъ, потому что золото—все то же золото. А вещь дешевѣетъ, когда количество ея становится слишкомъ велико. Значитъ подешевѣли наши деньги, т. е. кредитные билеты, значитъ и вексельный курсъ упалъ отъ того, что кредитныхъ билетовъ стало у насъ въ обращеніи слишкомъ много.

Мы не говоримъ о причинахъ размноженія кредитныхъ билетовъ въ годы, предшествовавшіе банковымъ реформамъ, потому что это не касается частнаго вопроса, разбираемаго въ нынѣшней главѣ, посвященной собственно только банковымъ реформамъ. Но каковы бы ни были эти прежнія причины, по естественному ходу нашихъ взносовъ въ банковыя учрежденія, количество находящихся въ обращеніи кредитныхъ билетовъ стало бы быстро уменьшаться, приливая въ кассахъ банковъ, и скоро уменьшилось бы до нормальнаго размѣра, если бы не помѣшали тому банковыя реформы (разумѣется, мы предполагаемъ при этомъ прекращеніе прежнихъ причинъ, размножавшихъ эти билеты). Къ 1 января 1857 г. кредитныхъ билетовъ было 689,279,844 рубля. Предполагая, что дѣйствіе прежнихъ причинъ ихъ размноженія прекратилось, мы имѣли бы въ слѣдующее время приблизительно такой ходъ дѣла. Въ іюлѣ мѣсяцѣ банковая наличность простиралась, какъ мы уже много разъ говорили, свыше 150 милл. рублей. Конечно, большая половина этой суммы состояла изъ кредитныхъ билетовъ; на остальную часть состоявшую изъ фондовъ, можно было купить на биржѣ кредитные билеты. По расчету, перевѣса вкладовъ надъ востребованіями (около 40 милл. ежегодно), въ остальные 5 мѣсяцевъ 1857 г. прибавилось бы въ банковую наличность болѣе 15 милл. рублей. Итого, за вычетомъ 15 милл. рублей (если не больше), оставалось бы къ 1 января 1858 года въ обращеніи только на 525 милл. р. (или меньше) кредитныхъ билетовъ. Въ маѣ 1857 г. сожжено было кредитныхъ билетовъ на 60 милл. р. сер. Другіе 40 милл. влились бы въ банковыя кассы по обычному ходу перевѣса вкладовъ надъ востребованіями. За вычетомъ этихъ

110 милл. вышедшихъ изъ обращенія въ 1858 г., оставалось бы къ 1859 г. въ обращеніи только на 425 милл. р. кредитными билетами. Въ слѣдующіе два года (по 40 милл. ежегодно) еще легли бы въ банковыхъ кассахъ до 80 милл. р., и къ 1 января вышшняго года оставалось бы кредитныхъ билетовъ въ обращеніи всего милліоновъ на 350 *), если не меньше. Вексельный курсъ, вмѣстѣ со всѣми тоговыми и промышленными отношеніями, при такомъ ходѣ дѣлъ поправлялся бы самъ собою, и теперь уже давно былъ бы очень хорошъ.

Мы теперь говоримъ о пользѣ, какую принесло бы народному хозяйству и всѣмъ торговымъ отношеніямъ поглощеніе все большаго и большаго количества кредитныхъ билетовъ банковыми кассами, все большее и большее накопленіе наличности, которая лежала бы въ этихъ банкахъ безъ употребленія. А прежде мы говорили, что банки могли извлекать выгоду себѣ черезъ обращеніе этихъ накапливающихся въ нихъ кредитныхъ билетовъ на покупку фондовъ. Тутъ нѣтъ противорѣчія, потому что прежде мы только разбирали напрасныя предположенія, будто бы накопленіе наличности было обременительно для банковъ, и показывали способъ, по которому ближе всего было бы дѣйствовать лицамъ, державшимся такого предположенія, по нашему мнѣнію, ошибочнаго. Теперь же мы излагаемъ свой взглядъ, не согласный съ этимъ предположеніемъ. По нашему взгляду, понимать дѣло слѣдуетъ иначе, чѣмъ понимали лица, считавшія возрастаніе банковской наличности дѣломъ невыгоднымъ, стало бы и дѣйствовать слѣдовало бы иначе.

Мы знаемъ теперь, что внесеніе вкладовъ въ наши банки служило просто покупкою фондовъ государственнаго долга,—получая ломбардный билетъ, вкладчикъ получалъ (и желалъ получить, хотя не умѣлъ выразить своей мысли техническимъ языкомъ) облигацію внутренняго государственнаго займа, приносившаго 4⁰/о,—иначе сказать, вкладчикъ былъ просто подписчикомъ 4⁰/о государственнаго займа.

Но прежде чѣмъ стали постепенно разбираться облигаціи этого 4-хъ-процентнаго займа (ломбардные билеты), произведенъ былъ государственный безпроцентный заемъ выпускомъ кредитныхъ билетовъ. На какую сумму былъ онъ произведенъ и когда онъ былъ произведенъ—опредѣлить это легко.

Къ 1 января 1853 г. кредитныхъ билетовъ находилось въ народномъ обращеніи на 311.375,581 р.

А къ 1 января 1857 г. на 689.279,844 „

Итого, слѣдовательно, въ теченіе четырехъ лѣтъ, 1853—1856, выпущено было (главнымъ образомъ по

*) Выше, мы видѣли, что если считать одну ту же сумму, которую принуждены были банковыми преобразованіями банковыя кассы выпустить въ обращеніе, то она оказывается не меньше, а конечно больше 235 милл. р. сер., и за вычетомъ ея одной, оставалось бы кредитныхъ билетовъ въ обращеніи не больше, а конечно меньше 490 милл.—Но кромѣ того, что вышла изъ банковыхъ кассъ эта сумма 225 милл., значительное количество вкладовъ было удержано отъ поступленія въ кассы изъ обращенія;—теперь находя, что безъ банковыхъ реформъ оставалось бы въ обращеніи не болѣе 350 милл. р. сер., мы находимъ эту цифру потому, что принимаемъ въ расчетъ обѣ стороны движенія, произведеннаго банковыми преобразованіями.

случаю крымской войны) кредитныхъ билетовъ, иначе сказать, произведенъ былъ безпроцентный заемъ на . . 377.984,263 „

Послѣ того (еще безъ всякаго отношенія къ банковымъ преобразованіямъ) выпущено было кредитныхъ билетовъ еще на сумму около 25 милл. рублей, какъ видно изъ приведенной нами цифры кредитныхъ билетовъ, бывшихъ въ обращеніи къ 1 января 1858 г. Такимъ образомъ, всю сумму безпроцентнаго внутренняго займа, произведеннаго во время, предшествовавшее банковымъ реформамъ, надобно полагать около 400 милліоновъ рублей серебромъ.

И вотъ облигаціи этого безпроцентнаго займа (кредитные билеты) постепенно обмѣнивались публикою на облигаціи 4⁰/₀-наго займа (ломбардные билеты),—вотъ въ чемъ состояло по переводу на техническій языкъ, явленіе, называвшееся на популярномъ языкѣ чрезвычайнымъ приливомъ вкладовъ въ банки.

Выгоденъ ли былъ такой обмѣнъ для торговыхъ, промышленныхъ и вообще всякихъ экономическихъ дѣлъ имперіи?—Безъ всякаго сомнѣнія, потому что, существуя въ видѣ кредитныхъ билетовъ, облигаціи государственнаго займа смѣшались съ деньгами и громадностью своего количества разстраивали нашу денежную систему, а превращаясь въ ломбардные билеты, облигаціи займа переставали имѣть это тяжелое вліяніе на денежную систему. Если брать интересы казны въ отдѣльности отъ интересовъ имперіи (чего не слѣдуетъ дѣлать), то выгоденъ ли былъ такой способъ обмѣна и для казны въ отдѣльности отъ имперіи? Конечно выгоденъ, потому что по внутреннему займу, происходившему посредствомъ ломбардныхъ билетовъ, платилось только ровно 4⁰/₀ (процентъ по тогдашнимъ вкладамъ), а по всякимъ другимъ займамъ платился процентъ болѣе тяжелый *).

Точно также и внутренніе займы стали выше этого: 4⁰/₀ непрерывно доходные билеты не удалсь (только казенныя мѣста взяли ихъ); должно было сдѣлать 5⁰/₀, т. е. 1⁰/₀ лишній; теперь государственный банкъ выдаетъ 4¹/₂⁰/₀ билеты (п 4⁰/₀)—тутъ срокъ возврата 3-10 лѣтъ—для достиженія номинальной срочности пожертвовали многимъ.

Поэтому въ рѣчи 13 сентября 1860 г. говорится:

„Такимъ образомъ въ теченіе одного года безсрочный долгъ государственныхъ кредитныхъ установленій, грозившій имъ постояннымъ востребованіемъ и стѣсняющій само правительство въ разрѣшеніи всякихъ промышленныхъ предпріятій, уменьшился съ 967.107.000 р. на 638.555,023 р., слѣдующимъ образомъ:

*) Напримѣръ, если вычесть уступку за комиссію и выгоду кредиторамъ отъ уплаты полнаго процента по облигаціямъ до полной ихъ оплаты, то заключенный въ маѣ 1859 года 3⁰/₀-ный заемъ едва ли давалъ чистыхъ 65⁰/₀ нарицательной цѣны; но даже и по этому курсу процентъ на полученные 100 р. составлялъ 4 р. 62 к.; сверхъ того за полученные 65 р. давалась облигація въ 100 р., т. е. за полученные 100 р. давалось обязательство въ 153 р. 85 к., т. е. въ капиталъ долга къ полученной суммѣ еще приписывалось болѣе половины этой суммы.

Возвращено вкладчикамъ	197.412,761
Обращено въ 5 ⁰ / ₀ билеты	272.620,800
„ „ 4 ⁰ / ₀ „	54.752,453
Положено обратить еще въ 4 ⁰ / ₀ же билеты	92.876,107
Изъ казенныхъ капиталовъ, обращающихся въ банкахъ, сдано въ государственное казначейство	20.892.902
	<hr/>
	638.555,023

„Столь значительное уменьшеніе банковаго долга достигнуто: 1) увеличеніемъ ежегодныхъ платежей противъ банковаго процента, существовавшего съ 1830 по 1857 г., по $\frac{1}{4}$ на 100, еще однимъ процентомъ на весь капиталъ, обращенный въ 5⁰/₀ банковые билеты, причемъ расходъ казны возрастетъ на 2.700,000 р. въ годъ. 2) увеличеніемъ суммы выѣстныхъ займовъ на 7 мил. фунтовъ стерлинговъ, по которымъ слѣдуетъ уплатить процентовъ ежегодно 210.000 фунт. стерлинговъ или около 1.362,000 руб. 3) увеличеніемъ безпроцентнаго долга экспедиціи кредитныхъ билетовъ на сумму, выпущенную этими билетами, для удовлетворенія банковъ вкладчиковъ“.

Но это еще не все. Вотъ снова изъ рѣчи 13 сентября:

„Между тѣмъ, принимая во вниманіе съ одной стороны, что упомянутыя выше обстоятельства, по которымъ торговый балансъ обратился не въ пользу Россіи, могутъ и на будущее время поставить правительство въ необходимость воспособлять своими средствами производству заграничныхъ платежей, и съ другой стороны имѣя въ виду, что размѣнный фондъ экспедиціи кредитныхъ билетовъ можетъ потребовать еще немаловажнаго подкрѣпленія, для открытія свободнаго размѣна сихъ билетовъ на звонкую монету, правительство признало нужнымъ заключить въ текущемъ году съ банкирскими домами Берингъ и Гоппе новый заемъ въ 8 милл. фунтовъ стерлинговъ взаимно удержанной имъ у себя части какъ облигацій 3⁰/₀ займа на 5 милл. фунтовъ стерлинговъ, такъ и 23 милл. нарицательнаго капитала 6⁰/₀ билетами займа 1818 г., каковыя составляли запасный капиталъ заемныхъ и коммерческихъ банковъ, но приобрѣтенный государственнымъ казначействомъ на суммы, отпущенныя имъ въ банки для возврата вкладовъ по востребованію“.

Такимъ образомъ сумма пожертвованій:

225 милл. или больше кредитными билетами,

15 милл. серіями,

7+8=15 милл. выѣстнаго займа.

Вотъ и все, да невозможность размѣна на звонкую монету, о которой въ рѣчи 13 сентября говорится:

«Пожертвованія, которыя государственное казначейство должно было принять на себя, для возврата вкладчикамъ, по востребованію капиталовъ ихъ, затраченныхъ въ долгосрочныя ссуды, не дозволяли принять по нынѣ подлежащихъ мѣръ къ открытію свободнаго размѣна кредитныхъ билетовъ на звонкую монету.»

Мѣры эти, возвышенныя всѣ Высочайшимъ указомъ 10 января 1855 г., должны заключаться или въ уменьшеніи числа кредитныхъ билетовъ, или въ

усилениі размѣннаго фонда. То и другое исполнимо лишь по средствамъ и т. д.

Вотъ и вся исторія.

Но дѣйствительно дурныя стороны прежнихъ кредитныхъ учрежденій были:

1) Давались ссуды часто только на мотовство помѣщиковъ; это должно было само собою исправиться черезъ принятіе болѣе строгихъ мѣръ взысканія и черезъ освобожденіе крестьянъ, отъ каковаго а) ссуды пошли бы крестьянамъ, в) сами помѣщики изъ мотовъ-сибаритовъ сдѣлались бы дѣльными хозяевами.

2) Полная зависимость отъ казначейства или лучше сказать Двора, такъ что собственно они служили только машиною для чеканки ассигнацій; это не исправлено учрежденіемъ государственнаго банка, но всетаки въ немъ хорошо хоть то, что обнарудуетъ свои отчеты—тутъ не такъ нагло могутъ выпускаться билеты, всетаки будетъ ли вѣрность въ отчетахъ? Не будутъ ли, какъ австрійскій банкъ тогда утаивать 111 милліоновъ флориновъ по національному займу *).

*) *Примѣчаніе издателя.* Последнія страницы этой главы, оставшейся ненапечатанной, написаны стенограммой (такою же, какъ и дневникъ 1853 г.) и представляютъ скорѣе набросокъ, подлежащій, вѣроятно, еще дальнѣйшей обработкѣ.

Статьи, подлежащія включенію въ т. I настоящаго изданія.

- Соврем. 1855, № 1.— Библиографія: Мелочи изъ запаса моей памяти, М. Дмитриева. Москва. 1854.— Счастливое семейство, или полезное чтеніе для дѣтей. Сочиненіе Л. Ярцевой. Часть первая. Спб. 1854,
- „ „ № 2.— Библиографія: Знахарн, историческій романъ въ двухъ частяхъ. В. Н. Савинова. Спб. 1855.— Камчатка и ея обитатели. Спб. 1855.— Путевые очерки русскаго художника И. Захарова. Вторая часть. Спб. 1855.
- „ „ № 3.— Библиографія: 1854 годъ. Стихотворенія А. Н. Майкова. Спб.— Цвѣтокъ на могилу пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ. Соч. А. Гевлева. Спб. 1854.— Экономическіе очерки Александра Апличеева. О монетѣ. Спб. 1855.
- „ „ № 4.— Библиографія: Очеркъ исторіи Императорскаго Гатчинскаго сиротскаго института. Составленъ П. Гурьевымъ. Спб. 1854.
- „ „ № 7.— Библиографія: Журна, закавказскій альманахъ. Изданіе Е. А. Вердеревскаго. Тифлисъ. 1855.— Полное собраніе сочиненій русскихъ авторовъ. Стихотворенія И. Козлова. Изданіе А. Смирдина. Двѣ части. Спб. 1855.— О весьма замѣчательномъ употребленіи именъ числительныхъ два, три, четыре въ русскомъ языкѣ. Новгородъ. 1855.— Деньга, Кабакъ, Набатъ. Новгородъ. 1855.— Историческія записки дирекціи Новгородской губерніи. Новгородъ. 1855.
- „ „ № 10.— Критика: Морской Сборникъ, издаваемый Морскимъ Ученымъ Комитетомъ. Годъ 1855. Книжка 1—9 (январь—сентябрь).

Статьи, подлежащія включенію въ т. II настоящаго изданія.

Соврем. 1856, № 4.— Жизнь Жоржа Занда. Предисловіе.

Статьи, подлежащія включенію въ т. IV настоящаго изданія.

- Соврем. 1858, № 11.— Замѣтка по поводу статьи П. Кулиша „Переписка Н. В. Гоголя съ А. А. Ивановымъ“.
- „ 1859, № 3.— Возвращеніе князя Михаила Обреновича въ Сербію.

Описание содержания

Введение
Глава I. Общие сведения
Глава II. Теория
Глава III. Практика
Глава IV. Заключение

Список литературы

1. ...
2. ...
3. ...

Библиографія.

Мелочи изъ запаса моей памяти. М. *Дмитріева*. Москва. 1854 *).

Записки г. М. Дмитріева, въ которыхъ сохранено такъ много интересныхъ и даже довольно много важныхъ воспоминаній, обращали на себя вполне заслуженное вниманіе журналовъ, когда помѣщались отрывками въ „Москвитянинъ“. Всѣ отдали должную справедливость ихъ занимательности, живости; всѣ хвалили и благодарили почтеннаго автора за то, что онъ подѣлился съ публикою своими воспоминаніями о Карамзинѣ, И. И. Дмитріевѣ, другихъ писателяхъ карамзинской эпохи, которыхъ коротко зналъ, и прежнихъ литераторахъ, рассказы о которыхъ слышалъ отъ своего дяди. Съ другой стороны были замѣчены г. Дмитріеву и недостатки, которыми онъ безъ всякой надобности обременилъ свои записки—враждебныя выходки противъ Н. А. Полеваго (вѣроятно за то, что когда-то Полевой написалъ разборъ сочиненій И. И. Дмитріева, въ которомъ было высказано основательное сужденіе о степени поэтической гениальности этого замѣчательнаго сподвижника Карамзина) и непріязненное расположеніе къ современной литературѣ за то, что нынѣ пишутъ не такимъ слогомъ, какой нравится почтенному автору въ сочиненіяхъ Иванчина-Писарева, Грамматина, Измайлова и другихъ. Въ одномъ изъ журналовъ подробно были указаны и мелочныя погрѣшности въ числахъ годовъ и заглавіяхъ книгъ, встрѣчающіяся иногда у г. М. Дмитріева и неизбежныя въ замѣткахъ, писанныхъ на память. Не считая нужнымъ повторять здѣсь эти замѣчанія, сдѣланныя еще такъ недавно „Современникомъ“ и другими журналами, мы хотимъ сказать нѣсколько словъ о мысляхъ, которыя вызываются взглядомъ на воспоминанія г. М. Дмитріева, какъ вполне законченную книжку, въ которой авторъ передалъ все, что могъ передать „изъ запаса своей памяти“.

Всѣ люди, занимающіеся исторіею русской литературы, жалуются на чрезвычайную скудость біографическихъ извѣстій о нашихъ старыхъ писателяхъ. Все, что намъ извѣстно о жизни Ломоносова или Державина, составитъ не болѣе, какъ очень тощую брошюрку. О Фонѣ-Визинѣ князь Вяземскій издалъ довольно большой томъ; недавно вышла отдѣльная книжка или даже книга о Сумароковѣ; но изъ этого не должно заключать, чтобы намъ было извѣстно много о жизни этихъ писателей: большая половина названныхъ нами монографій занята выписками изъ сочиненій Фонѣ-Визина и Сумарокова, раз-

боромъ ихъ литературной дѣятельности, общими разсужденіями о современной имъ эпохи; собственно біографическихъ подробностей вовсе немного. Потому историки нашей литературы осуждаютъ своихъ предшественниковъ, чрезвычайно немногочисленныхъ, за то, что они „такъ мало заботились о сохраненіи для потомства живой и полной характеристики замѣчательныхъ дѣятелей нашей литературы“. Это правда, наши старики не записали почти ничего о современныхъ имъ литераторахъ. Но, быть можетъ, они въ этомъ случаѣ были несовсѣмъ неправы—вѣдь говорятъ же нѣмецкіе философы, что каждый историческій фактъ имѣетъ свое основаніе, очень удовлетворительное: вѣроятно, и молчаніе современниковъ о Тредіаковскомъ, Сумароковѣ и Херасковѣ имѣетъ свои очень основательныя причины. Въ такомъ предположеніи утверждаетъ насъ и книжка г. М. Дмитріева. На заглавномъ ея листѣ напечатанъ огромный списокъ литераторовъ, о которыхъ въ ней говорится; тутъ выставлено не менѣе сорока четырехъ именъ, и между тѣмъ, вся книга заключаетъ въ себѣ не болѣе 174 страницъ. А большую часть изъ этихъ сорока четырехъ литераторовъ г. М. Дмитріевъ зналъ лично, со многими былъ въ тѣсной дружбѣ. Какъ всѣ воспоминанія объ этихъ людяхъ составили только десять печатныхъ листовъ? Отчего это?

Достаточно взглянуть на содержаніе воспоминаній г. М. Дмитріева, чтобы убѣдиться, что о многихъ „болѣе было писать нечего“. Что, напримѣръ, припоминаетъ г. М. Дмитріевъ о Херасковѣ? То, что онъ главнымъ достоинствомъ стиховъ почиталъ гладкость, и что былъ съ нимъ вотъ такого рода случай:

«Однажды Василій Львовичъ Пушкинъ (дядя А. С. Пушкина), бывшія тогда еще молодымъ авторомъ, привезъ къ Хераскову свои новые стихи.—Какіе? спросилъ Херасковъ—«Разсужденіе о жизни, смерти и любви, отвѣчалъ авторъ. Херасковъ приготовился слушать со всѣмъ вниманіемъ и съ большою важностью. Вдругъ начинается Пушкинъ:

Чѣмъ я начну теперь? Я вижу, что *баранъ*
Нейдетъ тутъ ни къ чему, гдѣ рвѣна *барабанъ!*
Вы лучше дайте мнѣ зальцвасеру *стаканъ*,
Для подкрѣпленья силъ! Врагѣе не *алжоранъ* и т. д.

Херасковъ чрезвычайно насушился, и не могъ понять, что это такое? —Это были буриме, стихи на заданныя рѣимы. Важный хозяинъ дома и важный поэтъ былъ не доволенъ этимъ сюрпризомъ, а Пушкинъ очень оробѣлъ. Дядя мой сказывалъ, что это было очень смѣшно».

Неудавшаяся шутка В. Л. Пушкина могла подать поводъ къ очень забавной сценѣ въ біографіяхъ и мемуарахъ—охотно тому вѣримъ; но если характеристическія черты поэтовъ должны были ограничиваться подобными анекдотами, то очень легко понять, что никому не приходило охоты тратить на нихъ время и бумагу.

Не г. Дмитріева также вина, если онъ гораздо подробнѣе, нежели о другихъ писателяхъ, говоритъ о графѣ Хвостовѣ и наивномъ В. Л. Пушкинѣ, надъ которыми всѣ подшучивали—историкъ рассказываетъ о томъ, что занимало людей извѣстной эпохи, и что же дѣлать, если въ эпоху, описываемую г. М. Дмитріевымъ, литераторы чрезвычайно занимались болѣе или менѣе

остроумными насмѣшками надъ бѣднымъ гр. Хвостовымъ и простодушнымъ В. Л. Пушкинымъ. Прочтемъ слѣдующее мѣсто:

«Вотъ какъ принимали въ члены Арзамасскаго Общества Василія Львовича Пушкина. Пушкина ввели въ одну изъ переднихъ комнатъ, положили на диванъ, и навалили на него шубы всѣхъ прочихъ членовъ. Это значило, что новоприняемый долженъ вытерпѣть, какъ первое испытаніе, *шубное прѣнне*, то есть *прѣть* подъ этими *шубами*. Второе испытаніе состояло въ томъ, что лежа подъ ними, онъ долженъ былъ выслушать чтеніе пѣлой французской трагедіи какого-то француза, петербургскаго автора, которую и читалъ самъ авторъ. Потомъ, съ завязанными глазами, привели его въ комнату, которая была передъ кабинетомъ. Кабинетъ, гдѣ были собраны члены, былъ ярко освѣщенъ, а эта комната оставалась темною, и отдѣлялась отъ него яркою огненною зававѣскою. Здѣсь развязали ему глаза, и ему представилось чучело, огромное, безобразное, устроенное на вѣшалкѣ для платья, покрытое простынею. Пушкину объяснили, что это чудовище—*дурной вкусъ*; подали ему лукъ и стрѣлы, и велѣли поразить чудовище. Пушкинъ (надобно вспомнить его фигуру: толстый, съ подзобкомъ, задыхающійся и подагрикъ) натянулъ лукъ и упалъ, пустивъ стрѣлу, потому что за простыней былъ скрытъ мальчикъ, который выстрѣлилъ въ него изъ пистолета холостымъ зарядомъ и новалилъ чучело. Потомъ ввели Пушкина за зававѣску, и дали ему въ руку эмблему Арзамаса, мерзлаго арзамаскаго гуся, котораго онъ долженъ былъ держать въ рукахъ во все время, пока ему говорили длинную привѣтственную рѣчь. Рѣчь эту говорилъ, кажется, Жуковский. Все это происходило въ 1816 или 1817 году».

„Такъ забавлялись въ то время люди, которые были уже не дѣти, но „всѣ люди извѣстные—прибавляетъ г. М. Дмитріевъ.—Никто не считалъ „въ то время предосудительнымъ шутить и быть веселымъ; тогда не считали „нужнымъ педантическую важность, убивающую природную веселость!“ Все это прекрасно и интересно, но зачѣмъ г. М. Дмитріевъ, рассказывая подобные анекдоты, прибавляетъ, что въ то время болѣе уважали литературу, нежели нынѣ, что даже Гоголь не пользуется нынѣ такою извѣстностью, какою прежде пользовался кн. Шаликовъ, потому что „тогда смотрѣли на словесность, какъ „на самое благородное занятіе, а нынче смотрятъ, какъ на гаерство пустыхъ „людей?“ Графъ Хвостовъ главное лицо въ воспоминаніяхъ г. Дмитріева, очень вѣрно отражающихъ тогдашнюю литературную жизнь: нашъ авторъ не менѣе десяти разъ возвращается къ гр. Хвостову; начнетъ говорить о какомъ нибудь литераторѣ, напишетъ нѣсколько строкъ—и видитъ, что безъ гр. Хвостова никакъ нельзя обойтись, потому что литераторъ, котораго хочетъ изобразить почтенный авторъ „Мелочей“, болѣе всего любилъ говорить о гр. Хвостовѣ, всего лучше острилъ надъ гр. Хвостовымъ! Потому безъ воспоминаній о гр. Хвостовѣ нѣтъ воспоминаній о русской литературѣ до Пушкина. Говоришь ли объ Арзамасскомъ Обществѣ—нельзя не сказать, что „въ рѣчахъ, произносимыхъ членами, много упоминался извѣстный гр. Хвостовъ“—слѣдуютъ анекдоты о немъ. Говоришь ли о журналѣ „Другъ просвѣщенія“—опять нельзя не упомянуть о томъ, какъ гр. Хвостовъ сѣлъ въ карету вмѣстѣ съ слушателемъ, бѣжавшимъ отъ чтенія его стиховъ. Говоришь ли о Дмитріевѣ—опять надобно сказать, какъ правдиво и вмѣстѣ деликатно высказывалъ онъ гр. Хвостову свое мнѣніе о его произведеніяхъ: „ваша ода ни въ чемъ не уступаетъ старшимъ сестрамъ своимъ!“ Говоришь ли о Мерзляковѣ—не

обходимо упомянуть, что онъ поссорился съ Дмитріевымъ, принявъ на свой счетъ эпиграмму

Подзобокъ на груди, и подогнувъ колѣна
Нашъ Вавій говорить, любуясь самъ собой:
Отнынѣ будетъ всёмъ поэтамъ моднымъ смѣна:
Всѣ классики уже переводимы мной! и т. д.

и объяснить, что „хотя этотъ портретъ былъ похожъ на Мерзлякова, кото-
рый тогда переводилъ греческихъ классиковъ, но эпиграмма написана была
на гр. Хвостова, который переводилъ французскихъ классиковъ“. Однимъ
словомъ, безъ Хвостова не существуетъ ничто въ старинной литературѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, литература того времени была болѣе забавою, чѣмъ
дѣломъ. Нѣсколько человѣкъ, одаренныхъ талантомъ, писали потому, что чув-
ствовали призваніе писать; но этихъ людей, если не ошибаемся, нельзя на-
считать много въ теченіе ста лѣтъ, прошедшихъ отъ Кантемира до Пушкина.
И даже изъ этихъ немногихъ не всѣ понимали, что литературная дѣятель-
ность—высокое призваніе служить на пользу общую. Что остается затѣмъ?
Сумароковъ и другіе труженники, не имѣвшіе даже викакого таланта, но
имѣвшіе самолюбіе, и желавшіе пріобрѣсть знаменитость стихами, какъ другіе
пріобрѣтали знаменитость роскошными обѣдами, свѣтскостью, причудами. Но,
повторяемъ, литература ни для кого, кромѣ немногихъ, не была цѣлью жизни.
Это было сказано очень давно, и часто повторялось до тѣхъ поръ, пока „не
разорвалась (по выраженію г. М. Дмитріева) цѣпь преданій“, между пре-
жними и нынѣшними критиками, пока не было отыскано въ старой русской
литературѣ и самостоятельности, и занимательности, и всѣхъ тѣхъ качествъ,
которыми она никогда и не думала хвалиться. Отъ писателей перейдемъ къ
публикѣ. Смотрѣла ли въ старину публика на литературу какъ на дѣло
серьезное, имѣющее существенную важность? Была ли хотя просто привычка
къ чтенію? Гораздо менѣе, нежели теперь. Этимъ сказано ужъ очень многое
для людей, которые въ самомъ дѣлѣ чувствуютъ, что литература сдѣлалась
существенною потребностью ихъ жизни. Всѣхъ русскихъ писателей, начиная
съ Кантемира и Ломоносова до Пушкина и Гоголя включительно не разо-
шлось у насъ столько экземпляровъ, сколько Шиллера или Вальтеръ-Скотта
между ихъ соотечественниками. Не слишкомъ гиперболически выразились бы мы,
сказавъ, что каждая русская книга есть библиографическая рѣдкость; библио-
маны перепечатаваютъ старинныя книги, сдѣлавшіяся очень рѣдкими, въ
числѣ десяти или двадцати пяти экземпляровъ. Всѣ русскія изданія имѣютъ
этотъ характеръ. Русская литература могла бы носить имя, которое Жуков-
скій избралъ заглавіемъ одному изъ собраній своихъ стихотвореній: „Для
немногихъ“. Что же было пятьдесятъ, семьдесятъ лѣтъ тому назадъ? Рус-
ская публика состояла изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Имѣла ли какое ни-
будь вліяніе старая русская литература на общество? Въ отвѣтъ приведемъ
слова кн. Вяземскаго (изъ его сочиненія о Фонъ-Визинѣ): „Напрасно ста-
рался я—говорить онъ—отыскать какіе нибудь слѣды вліянія комедій Фонъ-
Визина на общество: этого вліянія рѣшительно не существовало“. Мы выбрали
Фонъ-Визина какъ самый рѣзкій примѣръ. Ощутительно вліяніе литературы

на общество началось только съ „Московского Телеграфа“ — каковы бы ни были недостатки этого журнала, нещадно поражаемые г. М. Дмитриевымъ, должно признаться, что онъ знакомилъ своихъ читателей съ современными понятіями въ наукѣ и литературѣ. До того времени, если на публику нашу (повторяемъ, тогда чрезвычайно малочисленную) имѣли какое нибудь вліяніе книги, то не оригинальныя, а переводныя. Исторія переводной литературы, къ сожалѣнію представляющая въ настоящее время очень много затрудненій, по необработанности матеріаловъ, была бы едва ли не интереснѣе исторіи оригинальной литературы стараго времени.

Однимъ словомъ, русская литература не занимала серъбно публики, очень малочисленной; узкость кружка писателей въ свою очередь была чрезвычайно; удивительно ли послѣ того, что она оставила о себѣ мало извѣстій? Въ лѣтописи вносится только то, чѣмъ интересуется общество. Говоря это, мы не думаемъ утверждать, что изслѣдованія о старинной литературѣ, которыми занялись теперь съ большею ревностью, нежели когда нибудь, недостойны величайшаго вниманія. Каково бы ни было наше понятіе о настоящемъ положеніи русской литературы, нѣтъ сомнѣній въ томъ, что она стала предметомъ, интересующимъ очень многихъ, получила нѣкоторую важность для общества, стала занимать нѣкоторое мѣсто въ исторіи націи. А какъ скоро извѣстное явленіе становится достойно вниманія исторіи, логическая необходимость требуетъ, чтобъ изслѣдованы были всѣ предыдущія степени его развитія, отъ самыхъ первыхъ его зачатковъ. Сами по себѣ періоды эти, быть можетъ, и не заслуживали бы особеннаго вниманія, но значительность послѣдующаго развитія заставляетъ изслѣдовать его зародыши. Такъ дѣтство замѣчательнаго человѣка становится предметомъ нашего любопытства, хотя само по себѣ не представляетъ ничего замѣчательнаго.

Какъ бы то ни было, исторія русской оригинальной литературы до Жуковского и Пушкина должна занимать, вмѣстѣ съ характеристикой развитія переводной литературы, чрезвычайно важное мѣсто въ исторіи русскаго просвѣщенія вообще, въ исторіи общественныхъ нравовъ и понятій. Нельзя отказать многимъ писателямъ XVIII вѣка въ почетномъ мѣстѣ — въ общей анекдотической исторіи русскаго общества, потому что въ числѣ ихъ были люди очень замѣчательные по благородству и энергіи характера. Память нѣкоторыхъ нашихъ писателей прошлаго вѣка всегда будетъ намъ также священна, какъ память другихъ дѣятелей на пользу просвѣщенія и другихъ благъ національной жизни. Во всякомъ случаѣ, изслѣдованія о старыхъ нашихъ писателяхъ не могутъ не имѣть большой важности, не могутъ не приносить очень большой пользы, хотя бы даже результатомъ ихъ были вовсе не тѣ выводы, какихъ надѣются достигъ многіе изыскатели, хотя бы обстоятельное изслѣдованіе всѣхъ этихъ 9,934 сочиненій и изданій, означенныхъ въ Каталогѣ Смирдина, и привело насъ къ тѣмъ же мыслямъ, какія возбуждаются чтеніемъ „Мелочей“ г. М. Дмитриева. Вопросъ возбужденъ, слѣдовательно, требуетъ полнаго и основательнаго разъясненія, и чѣмъ ревностнѣе будутъ надъ нимъ трудиться, тѣмъ болѣе выиграетъ истина, хотя и нельзя думать, чтобъ изслѣдованія открыли какія нибудь сокровища, неизвѣстныя историкамъ русской литературы, говорившимъ, что все, бывшее до Пушкина,

было только приготовленіемъ къ литературѣ въ настоящемъ смыслѣ слова, что существенное значеніе оригинальной литературной дѣятельности нашей до двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія состояло въ приготовленіи читателей, въ образованіи нѣкоторой массы публики, съ нѣкоторою любовью къ чтенію, съ нѣкоторымъ эстетическимъ чувствомъ. Такъ или нѣтъ, вопросъ объ этомъ теперь сильно затронуть, и чѣмъ скорѣе и обстоятельнѣе разрѣшится онъ, тѣмъ лучше. Потому, повторяемъ, нельзя не благодарить людей, которые, подобно г. М. Дмитріеву, дѣлятся съ нами матеріалами для его разрѣшенія.

Счастливое семейство, или полезное чтеніе для дѣтей. Сочиненіе
Л. Ярцовой. Часть первая. Спб. 1854 *).

Заглавіе довольно странное. Что значить счастливое семейство, или полезное чтеніе? Къ чему это *или?*..

Но дѣло вотъ въ чемъ:

А. С. Шишковъ, въ бытность свою президентомъ Россійской Академіи, замѣтивъ съ прискорбіемъ недостатокъ дѣтскихъ книгъ въ Россіи, возложилъ на г-жу Ярцову обязанность написать въ *нравственномъ смыслѣ* и въ русскомъ духѣ какую нибудь повѣсть для дѣтскаго чтенія. Г-жа Ярцова исполнила это лестное порученіе и написала дѣтскую книжку, подъ названіемъ: *Счастливое семейство*, которую А. С. Шишковъ переименовалъ въ *Полезное чтеніе для дѣтей*.

Это полезное чтеніе издано было впервые въ 1835 году на счетъ бывшей Россійской академіи; кромѣ того за него получила сочинительница отъ этой Академіи медаль, а отъ Академіи Наукъ—Демидовскую премію за хорошее изложеніе и понятное толкованіе нѣкоторыхъ ученыхъ предметовъ, простымъ языкомъ, безъ употребленія техническихъ словъ.

Выпуская нынѣ въ свѣтъ второе изданіе своего сочиненія, г-жа Ярцова хотѣла соединить свое собственное заглавіе съ заглавіемъ, даннымъ ей книгѣ А. С. Шишковымъ. Вотъ какимъ образомъ объясняется это странное *или*.

Сочиненіе г-жи Ярцовой, увѣнчанное двойнымъ академическимъ вѣнкомъ, говоритъ само за себя. Нѣсколько устарѣлая форма и немного тяжеловатый языкъ этого сочиненія не мѣшаютъ ему занимать, однако, почетное мѣсто среди дѣтскихъ сочиненій, которыя составлять весьма не легко, замѣтимъ мимоходомъ.

*) Соврем. 1855, № 1.

Знахари. Историческій романъ въ двухъ частяхъ. *В. Н. Савинова.*
Спб. 1855 *)

Критики съ высокоразвитымъ эстетическимъ вкусомъ, съ тонкими художественными требованіями прочтуть романъ г. Савинова до конца; и чѣмъ долѣе они будутъ читать, тѣмъ сильнѣе будетъ пробуждаться въ нихъ эстетическій гнѣвъ. И, по прочтеніи послѣдней строки, сурово и грозно возьмутся они за карающее перо, докажутъ по пунктамъ, что „Знахарямъ“ не было знакомо ни одно эстетическое требованіе, и беспощадно осудятъ историческій романъ въ двухъ частяхъ.

Мы не можемъ послѣдовать ихъ примѣру, потому что прочитали одну только первую часть, не касаясь второй — чтеніе первой убѣдило насъ въ бесполезности продолжать трудъ — слѣдовательно нашъ эстетическій гнѣвъ не могъ возвыситься до безусловнаго осужденія. Скажемъ даже болѣе: пока мы читали первую часть, мы ощущали нѣкоторую неприязнь къ роману; но дочитавъ ее и положивъ романъ въ сторону, мы почувствовали живѣйшее благо-расположеніе духа, и пишемъ подъ влияніемъ этого расположенія. Насъ, быть можетъ, назовутъ за это пристрастными; но мы повинемся голосу сердца, и кто насъ можетъ обвинить за то? Неужели надобно писать не то, что чувствуешь? А мы теперь твердо убѣждены, что должны быть признательны г. Савинову, должны хвалить его романъ. Безтрепетно исполняемъ эту обязанность, внушаемую голосомъ сердца.

Будемъ признательны г. Савинову и за то, что онъ не принадлежитъ къ числу „извѣстныхъ нашихъ беллетристовъ“ или „даровитыхъ нашихъ рассказчиковъ“ или „лучшихъ нашихъ писателей“. Ахъ, какъ облегчаетъ рецензента это обстоятельство, по видимому, не имѣющее вліянія на сущность дѣла. Г. Савиновъ написалъ плохой романъ, и всякій прямо можетъ сказать, что г. Савиновъ написалъ плохой романъ. И никто никого не осудитъ за такое сужденіе. Но чтѣ дѣлать рецензенту, если какой нибудь „даровитый рассказчикъ“ или „извѣстный беллетристъ“ напишетъ плохой романъ? (Случай, не столь рѣдкій, какъ желательно было бы предполагать). Неужели можно тогда сказать, что „романъ извѣстнаго беллетриста и даровитаго рассказчика плохъ“? Никакъ, ни подъ какимъ видомъ! „Рецензентъ не уважаетъ талантовъ; рецензентъ хочетъ пощеголять рѣзкостью своихъ мнѣній; рецензентъ не имѣетъ вкуса; рецензентъ близорукъ и смотритъ въ очки; рецензенту недостаетъ способности понимать вещи“. Впрочемъ эти упреки еще ничего не значатъ. Гораздо неприятнѣе то обстоятельство, что съ плохимъ романомъ „даровитаго рассказчика“ нельзя поступить такъ, какъ съ „Знахарями“ — надобно дочитывать его до конца. Судить о трудности подобнаго упражненія въ терпѣніи можетъ только тотъ, кто подвергалъ себя ему; а кто не подвергалъ, тому дадимъ понятіе о дѣлѣ, сказавъ, что гораздо вкуснѣе кушать прѣсный супъ, нежели по обязанности читать прѣсныя страницы. Но этимъ

*) Современ. 1855, № 2.

не кончается пріятность, доставляемая „извѣстностью автора“ — его плохое произведеніе будетъ почти всюду расхвалено — новый источникъ занимательнаго чтенія. И тутъ еще не конецъ дѣлу — нѣтъ, только начало: „извѣстный писатель“, ставъ послѣ этихъ похвалъ еще „извѣстнѣе“ и „даровитѣе“, дастъ своему перу еще болѣе безконтрольный размахъ — и каждый плохой романъ приноситъ обильный плодъ послѣдующихъ, усовершенствованныхъ произведеній въ томъ же родѣ. Ахъ, какъ признательна должна быть литература „не даровитымъ рассказчикамъ“, „не извѣстнымъ беллетристамъ“ за то, что они не „даровитые“ и не „извѣстные!“

Нельзя также не похвалить г. Савинова за то, что „Знахари“ не психологическій романъ. Оцѣнить вполнѣ всю великость такой заслуги могутъ только тѣ немногіе несчастливцы, которымъ суждено дочитывать до конца психологическіе романы. Она увидѣла его на балѣ; онъ сказалъ ей: „я желалъ бы любить, но не вѣрю любви“; она сказала ему: „мнѣ жаль васъ“ — этого достаточно для составленія трехъ главъ въ психологическомъ романѣ: какъ подробно, тонко и вѣрно будутъ анализированы въ этихъ длинныхъ главахъ всѣ оттѣнки, всѣ переливы чувствъ! Но кто въ состояніи изобразить оттѣнки и переливы тоскливой скуки, которую производятъ онѣ въ читателѣ? Никто, ни даже самъ авторъ психологическаго романа.

У г. Савинова нѣтъ описаній природы, которыя бы занимали болѣе двухъ миньютюрныхъ страничекъ — это также достоинство немаловажное. Романъ начинается тѣмъ, что герой ѣдетъ по дорогѣ — развѣ г. Савиновъ не могъ написать, на примѣръ, слѣдующаго:

«Поддень, палящій огнѣсными лучами, заставляетъ все живое укрываться подъ тѣнью. Это часъ всеобщаго отдохновенія въ русской природѣ. Не пылитъ дорога, въ лѣсу ни листокъ не шелохнется. Прохожіе садятся подъ густыя вѣтви или спятъ на травѣ, которая сохраняетъ свою зелень только подъ защитою тѣнистыхъ деревьевъ. Все умолкаетъ; все дремлетъ; одни кузнечики шумятъ и т. д.»

Не подумайте, что этотъ отрывокъ — сочиненіе какого нибудь „неизвѣстнаго беллетриста“: — нѣтъ, мы выписали строки, вами прочитанныя изъ недавно вышедшей книги, которая, вѣроятно, всеми будетъ похвалена за „прекрасный“ слогъ.

Ничего подобнаго не дѣлаетъ г. Савиновъ — онъ пишетъ плохой романъ безъ притязаній на различныя высшія достоинства слога, психологіи, юмора и т. д. — развѣ это не есть своего рода заслуга?

Камчатка и ея обитатели. Спб. 1855 *).

Книжка эта, очень тоненькая, заслуживаетъ благосклоннаго вниманія читателей, потому что написана краснорѣчиво, хотя и несовсѣмъ грамотно. На примѣръ, приводя стихи Грибоѣдова:

*) Современ. 1855, № 2.

Въ Камчатку сосланъ былъ,
Вернулся Алеутомъ

Авторъ объясняетъ ихъ такъ: „этими словами поэтъ вполнѣ обрисоваль современныя понятія, въ которыхъ заключалось даже примѣшивалось, что-то заколдованное, превращающее“.

Путевыя записки русскаго художника. И. Захарова. Вторая часть. Спб. 1855 *).

Разбирая первую часть „Путевыхъ Записокъ“ г. Захарова, „Современникъ“ и другіе журналы отдали справедливость простотѣ разсказа и занимательности многихъ страницъ этихъ воспоминаній, замѣчая въ тоже время, что языкъ „Путевыхъ Записокъ“ очень нуждается въ исправленіи. Вторая часть написана языкомъ несовершенно удовлетворительнымъ, но уже гораздо болѣе правильнымъ, и потому можетъ быть прочитана гораздо легче, нежели первая. Небольшая книжка, изданная теперь г. Захаровымъ, рассказываетъ — очень подробно — одинъ только анекдотъ, правда, анекдотъ занимательный и даже романическій, такъ что походить болѣе на беллетристическое произведеніе, нежели на записки путешественника. Любимая одалыска султана Махмуда II, Биби-Сагида, поѣхавъ однажды покупать себѣ наряды, влюбилась въ молодого купца, грека Констаки. Долго влюбленные видались въ лавкѣ Констаки; наконецъ Биби-Сагида замѣтила, что гаремныя соперницы подозрѣваютъ ея любовь. Оставалось одно средство спасенія — бѣгство. Констаки нанялъ греческое судно и увезъ Биби-Сагиду въ Грецію. На пути открылось, что Биби Сагида племянница капитана Леонида, гречанка, Марія, похищенная пиратами и проданная на константинопольскомъ рынкѣ. Разсказъ г. Захарова можно, какъ мы замѣтили, упрекнуть въ растянутости, но простота его вознаграждаетъ до нѣкоторой степени этотъ недостатокъ. Приключенія Констаки, Биби-Сагиды и Леонида такъ походятъ на романъ, что анекдотъ, переданный г. Захарову евнухомъ Сарай-бурнусскаго гарема, можно было бы считать прикрашеннымъ, еслибъ самъ г. Захаровъ не видѣлъ потомъ въ Триестѣ героиню этого событія. Ея жизнь текла тогда (въ 1850 году) самымъ прозаическимъ образомъ — бывшая любимица Махмуда содержала гостиницу. Блестящіе глаза еще говорили о прежней красотѣ этой женщины.

*) Соврем. 1855, № 2.

1854 годъ. Стихотворенія А. Н. Майкова. Спб. *).

«Бывало, уловить изъ жизни мигъ случайный
И въ стихъ его облечь—блаженство для меня!
Меня гармоніи тогда плѣняли тайны
И самъ своихъ стиховъ заслушивался я.
Я ими тѣшился, ихъ мѣрно повторяя
Украдкой, какъ скупецъ, который по ночамъ
Червонцы по столу горстями пересыпая,
Какъ бы невѣдомымъ внимаеътъ голосамъ.
Теперь не служить стихъ мнѣ праздною забавой.
Онъ рвется отъ души, какъ откликъ боевой
На зовъ торжественный отечественной славы.»

Въ этихъ немногихъ строкахъ находится полное объясненіе того направленія, которое въ послѣднее время приняла Муза г. Майкова, вдохновеніе котораго въ прежнія времена преимущественно обращалось къ древнему міру, или подобно большинству русскихъ прозаиковъ трудилось надъ рѣшеніемъ сложной задачи о современномъ человѣкѣ (какъ напримѣръ, въ „Двухъ Судьбахъ“). Такъ, „теперь стихъ уже не служить поэту праздною забавой“, по его собственному выраженію, съ которымъ, впрочемъ, мы несомнѣнно согласны, ибо никогда не согласимся признать „праздную забавой“ нѣсколько превосходныхъ стихотвореній, которыми поэтъ обязанъ прежнимъ предметамъ своего вдохновенія. Но таковы поэты; они часто любятъ крайности. Чрезмѣрное самоувичиженіе и пылкое сознаніе своего значенія быстро смѣняются въ ихъ душѣ; г. Майковъ, отнимая всякую цѣну у своихъ прежнихъ произведеній, такъ характеризуетъ свои послѣднія стихотворенія:

Мой стихъ есть тоже мечъ,
Я чувствую, что въ немъ есть сила, какъ въ молитвѣ;
Въ немъ блещетъ идеалъ Россіи молодой.

Онъ въ поэтическомъ восторгѣ говоритъ, что у него одно непоколебимое убѣжденіе:

Одно въ той вѣрѣ величавой,
Что Русь живетъ въ моей груди;
Что есть за мной ужъ много славы
И больше будетъ впереди (стр. 40).

Публика конечно будетъ безпристрастнѣе, и, отдавая должную справедливость новымъ произведеніямъ г. Майкова, не будетъ называть прежнихъ „праздную забавою“.

Новое направленіе, одушевляющее лиру г. Майкова, отголосокъ того чувства, которымъ нынѣ проникнуто сердце всякаго русскаго патріота; оно вызвано справедливымъ убѣжденіемъ нашего поэта, что

*) Соврем. 1855. № 3. *Примѣчаніе издателя.* Первые строки статьи писаны Некрасовымъ.

Неполны воинскіе лавры
Безъ звона неподкупныхъ лиръ,

Что наше время требуетъ своего Державина:

«Что слышу? что сердца волнуетъ?
Что веселится Царскій домъ?..
Опять Россія торжествуетъ!
Опять гремятъ Кагульскій громъ!
Опять времянь Екатерины,
Я слышу, встали исполины...
Но мой восторгъ не полонъ! нѣтъ!
Нашъ вѣкъ великъ, могучъ и славенъ;
Но гдѣ-жь, Россія, твой Державинъ?
О гдѣ пѣвецъ твоихъ побѣдъ?»

И гдѣ кимваль его, литавры,
Которыхъ громъ внималъ весь міръ?..
Неполны воинскіе лавры
Безъ звона неподкупныхъ лиръ!
Кто двесь стихомъ монументальнымъ
Прозвѣстятъ потомкамъ дальнымъ,
Что мы все тѣ же какъ тогда...»

Въ самомъ дѣлѣ, какой русскій не желалъ бы нынѣ стать поэтомъ, чтобы откликнуться на громкій вызовъ великихъ событій современности? Кто не хотѣлъ бы возвысить свой голосъ противъ враговъ отечества,

Къ нимъ стать лицомъ, поднять забрало
И грянуть рѣчью громовой?

Г. Майковъ созналъ, что на немъ, какъ на поэтѣ, равнаго которому въ настоящее время едва ли имѣеть Россія, прямымъ образомъ лежитъ обязанность сдѣлаться органомъ общаго чувства. Онъ смѣло приступилъ къ исполненію этой обязанности и послѣ нѣсколькихъ стихотвореній, разсѣянныхъ въ журналахъ, дарить намъ небольшую книжку съ заглавіемъ „1854“, къ событіямъ котораго относится ея содержаніе. Это заглавіе заставляетъ предполагать, что подобныя книжки будутъ повторяться ежегодно. „Современникъ“, всегда считавшій своимъ долгомъ передавать на своихъ страницахъ явленія, вызванныя современностью, особенно когда само имя, подписанное подъ произведеніемъ, отвѣтствуетъ за его содержаніе и достоинство, уже познакомилъ русскую публику съ новымъ направленіемъ г. Майкова; такъ въ изданной теперь книжкѣ читатели найдутъ „Арлекина“, помѣщеннаго въ январскомъ номерѣ нашего журнала. Но большая часть стихотвореній, въ ней напечатанныхъ, являются въ публикѣ въ первый разъ. Въ числѣ ихъ есть два стихотворенія, свидѣтельствующія и самою формою о томъ, какъ вѣрно понимаетъ г. Майковъ требованія своего новаго направленія. Для выраженія истинно народныхъ чувствъ необходимъ народный языкъ, и мы считаемъ долгомъ указать стихотворенія „Отставной солдатъ Перфильевъ“ и „Пастухъ“, написанныя въ совершенно новомъ для г. Майкова родѣ, но, по нашему

мнѣнію, столь же счастливыя въ этомъ родѣ, какъ „Клермонскій Соборъ“ въ своей классической обработкѣ. Вотъ небольшой отрывокъ изъ „Пастуха“:

«Охъ дорога-ль моя, ты дороженька!
 Какъ пришло тебѣ твое времечко
 Не дорогой ты, стала удицей.
 Разлетѣлися галки, вороны,
 По березничку въ сторонѣ сидятъ:
 Сѣрый зайчика въ кустикъ спрятался,
 Приложилъ ушки, самъ дрожить какъ листь;
 Господа-ль катягъ, шестерикъ валить,—
 Въ сторонѣ и тѣ дожидаются;
 Тройка-ль бойкая несетъ купчика,
 Пьянъ ямщикъ стоитъ, гонить что есть силъ,—
 Да и ты, купецъ, поворачивай:
 Ровно птицы снуютъ все фельдъегеря.
 Только утро-свѣтъ замечется
 Ужъ скрипучъ обозъ безъ конца ползеть,
 Все добро везутъ, кладъ казенную.
 Вслѣдъ полки идутъ,—ѣдетъ конница,
 Кони фыркаютъ, сабли звякаютъ,
 Усачи сидятъ, подбоченились,
 Говорятъ-шумятъ добры-молодцы,
 Пастуха корятъ рохлей-увальнемъ,
 Дураку кричатъ: «на быбылу сядь,
 Сядь на пѣгу, да лицомъ къ хвосту,
 Мы съ собой возьмемъ, прямо въ вахмистры!»
 А потомъ идетъ артиллерія;
 Пушки мѣдныя, все сердитыя,
 Фуры крашены съ сизымъ порохомъ;
 Офицеръ идетъ хоть молоденькій
 Только быстрый взглядъ, носикъ вздернутый.
 Пастуха опять дразнятъ молодцы,
 Дурака корятъ рохлей-увальнемъ,
 И съ собой зовутъ позабавиться:
 «Эй, деревня, слышь! зубки бѣличьи!
 Погрызи поди въ сласть и до сыта—
 У насъ фуры вонь все съ орѣшками.
 Все съ орѣшками все съ чугуными.»
 Имъ пѣхота вслѣдъ: впередъ музыка,
 Съ запѣвалами, съ пляской, съ гиканьемъ;
 Ружья—что твой лѣсъ! каски мѣдныя,
 Полы загнуты, сапоги въ пыли:
 Идутъ—стонеть долъ! Чуешь—сила валить.
 Проучила меня зѣвать конница,
 Проучила глазѣтъ артиллерія:
 Ужъ пѣхотѣ я въ поясъ кланялся,
 Съ головы скидалъ шапку старую,
 Заслужилъ пастухъ слово доброе.
 Враль я удали, заговариваль,
 Провожалъ солдатъ семь и восемь верстъ;
 Разузналъ отъ нихъ, на чемъ свѣтъъ стоять,
 Сколько въ свѣтѣ есть городовъ и селъ,
 И которые христіанскіе,

И которые басурманскіе,
 Какъ задумали злые нехристи,
 Полонить пришли землю Русскую,
 Наругаться пришли надъ иконами,
 Обижать пришли Царя Бѣлаго,
 Да легко сказать, надо съ бою взять,
 А на то пошло—такъ не выдадимъ:
 Съ нами Богъ и Царь, дѣло правое.
 Охъ дорога-ль моя, ты дороженька!
 Ты не долго была битой улицей.
 И прошло твое красно времечко,
 Поосѣла пыль, позатихла молвь,
 Тишина легла безотвѣтная.
 Пріосиѣлился заяцъ, выглянулъ
 На дороженьку, стали осянку драть;
 Галки, вороны почали скакать,
 И одинъ пастухъ одинешенекъ,
 При дороженькѣ сиротинушка...»

Эти прекрасные опыты въ чисто-народномъ духѣ показываютъ намъ, что талантъ г. Майкова столь же гибокъ, какъ и силенъ. Но въ какой мѣрѣ соотвѣтствуетъ этотъ талантъ тому роду, который поэтъ избралъ въ послѣднее время, положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ произносить теперь, когда новая дѣятельность поэта только-что начинается, полагаемъ, было бы рано. Теперь одно можно сказать съ полнымъ убѣжденіемъ, что если стихъ г. Майкова прибавилъ хотя единую искру одушевленія къ той массѣ патріотическаго энтузіазма, которымъ преисполнены русскія сердца, то поэтъ, измѣнивъ направленіе согласно требованіямъ современности, поступилъ прекрасно и благородно—даже и въ такомъ случаѣ, еслибъ эта перемѣна послужила въ ущербъ его таланту. Но о художественной сторонѣ новыхъ стихотвореній г. Майкова мы предоставляемъ себѣ въ послѣдствіи поговорить подробнѣе.

Въ книжкѣ г. Майкова находится девять стихотвореній, изъ которыхъ нѣкоторыя довольно значительны по объему.

Вотъ названія всѣхъ 9 стихотвореній: „Бывало уловить изъ жизни мигъ случайный“, „Памяти Державина“, „Клермонтскій Соборъ“, „Послание въ лагерь“, „Отставной солдатъ Перфильевъ“, „Пастухъ“, „Молитва“, „Москвѣ“, „Арлекинъ“.

Нѣтъ сомнѣній, что любители поэзіи поспѣшатъ пріобрѣсть эту книжку, имѣющую въ настоящее время двойной интересъ, какъ произведеніе даровитаго поэта и какъ задушевное выраженіе общаго чувства патріотизма.

Цвѣтокъ на могилу пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ, сочиненіе
А. Левлева. С.-Петербургъ. 1854 *).

Умомъ и чувствомъ и душою
Меня Создатель надѣлилъ,
Какъ *своей* милостью святою,
И, благо Податель одарилъ
По всемогущей своей волѣ
Взамѣнъ богатой, красной доли
Умѣнемъ мыслить, разсуждать,
Умѣнемъ душой забавляться,
Любви и чувству предаваться
И сладко плакать и мечтать.

Этотъ списокъ дарованій автора приводитъ къ тремъ замѣчаніямъ:
1) Нельзя не радоваться, что г. Левлевъ надѣленъ и одаренъ такъ щедро;
2) къ числу его дарованій по собственному его перечню не принадлежитъ даръ писать порядочные стихи; 3) онъ подноситъ „цвѣтокъ“ не столько памяти „Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ“, сколько собственнымъ дарованіямъ.

Экономическіе очерки Александра Аплечева. О монетѣ. Спб.
1855 *).

Брошюра г. Аплечева заключаетъ въ себѣ не менѣе 30 страничекъ.
Прочитавъ ихъ, вы не узнаете, что такое монета, если не знали прежде;
а если знали, то чтеніе брошюры не уменьшитъ вашего знанія. Слѣдова-
тельно сочиненіе г. Аплечева очень удовлетворительно достигаетъ своей
цѣли доставить удовольствіе автору, не принося вреда читателямъ, кото-
рыхъ, впрочемъ, и не будетъ имѣть.

**Очеркъ исторіи императорскаго гатчинскаго сиротскаго инсти-
тута.** Составленъ П. Гурьевымъ, инспекторомъ классовъ при томъ же заве-
деніи. Спб. 1854 *).

Очеркъ этотъ чрезвычайно замѣтно проводитъ рѣзкую черту между
состояніемъ учебной части института до 1848 и съ 1848 года.

*) Соврем. 1855, № 3.

*) Современ. 1855, № 3.

*) Соврем. 1855, № 4.

Объясняется это приложеннымъ къ нему спискомъ подь буквою В.: „списокъ инспектораъ классовъ Гатчинскаго института“... 4, надв. сов. Гугель, съ 1830 по 1841 годъ, 5, надв. сов. Станкевичъ, съ 1841 г. по 1848. 6, колл. сов. Гурьевъ, съ 1848 по настоящее время“.

Къ этому прибавить можно только, что Гугель былъ одаренъ истинно замѣчательными педагогическими способностями, какъ извѣстно всѣмъ, и что если можно говорить о его недостаткахъ, то лучше всего предоставить другимъ говорить о собственныхъ нашихъ достоинствахъ.

Зурна, закавказскій альманахъ. Изданіе Е. А. Вердеревскаго. Тифлисъ. 1855 **).

Прежде всего намъ должно знать, что такое *зурна* и какихъ звуковъ можно ожидать отъ этого мусикійскаго орудія.—Предисловіе альманаха понимаетъ необходимость такого вопроса отъ читателей, не имѣвшихъ еще случая наслаждаться зурною, и очень удовлетворительно отвѣчаетъ на него: „Зурною въ Грузіи называется собственно духовой инструментъ, играющій господствующую роль въ грузинскомъ туземномъ оркестрѣ“, и самый оркестръ грузинскій.—„Назвать *зурною* первый закавказскій литературный сборникъ—прибавляетъ откровенное предисловіе—казалось приличнымъ потому, что... какъ отъ азіатской зурны нельзя ожидать полной музыкальной стройности, такъ и отъ перваго закавказскаго альманаха несправедливо было бы требовать совершенной стройности въ литературномъ отношеніи. Поэтому-то самая смиренная скромность побуждаетъ издателя заранѣе просить снисхожденія критики и читателей, если настоящій тифлисскій литературный оркестръ на первый разъ покажется имъ нѣсколько *зурноватъ*“.—Прямота, рѣдкая и похвальная, и несмотря на „зурноватость“ Зурны, мы радуемся ея появленію, потому что оно свидѣтельствуетъ объ усиленіи литературной дѣятельности или по крайней мѣрѣ стремленія къ литературной дѣятельности за Кавказомъ,—служить проявленіемъ факта,—во всякомъ случаѣ отраднаго, каковы бы ни были на первый разъ посильныя произведенія тифлискихъ писателей.

Альманахъ состоитъ изъ прозы и стиховъ. Въ стихахъ господствуютъ звуки двухъ зурнъ—зурны графа Сологуба и Вердеревскаго. Оба эти писателя принадлежать Петербургу болѣе, нежели Тифлису—извѣстность ихъ пріобрѣтена сочиненіями, напечатанными въ „Сѣверной Пальмирѣ“; потому интересно взглянуть, какое вліяніе на ихъ таланты имѣлъ поэтическій край, куда перенеслась ихъ литературная дѣятельность. Прислушаемся сначала къ стихамъ. Вотъ одно изъ поэтическихъ произведеній, внушенныхъ графу Сологубу тифлискою жизнью:

**) Соврем. 1855, № 7.

М. П. КОЛОБЯКИНУ.

(при посылкѣ чернильницы).

Примите сей презентъ, у Гютиха добытый;
Подарокъ не казистъ, ни видомъ, ни цѣной,
Но тайный онъ родникъ, колодезь онъ закрытый
Всей мудрости земной.

Источникъ онъ наукъ и писанныхъ законовъ;
Онъ рѣчи плоть даетъ, и—вѣстникомъ молвы—
Гремящій онъ языкъ газетныхъ тѣхъ трезвонновъ,
Что любите такъ вы.

Онъ ключъ добра и зла, ключъ вѣщаго познанья;
Хоть черные подъ часъ родятся въ немъ грѣхи,
За то находятъ въ немъ—любовь, свои признанья,
Поэзія—стихи.

Значеніемъ ничто сравниться съ нимъ не можетъ!
Отрада и пріютъ взыскательныхъ сердець,
Онъ счастье замѣнить, разлуку уничтожить,
Онъ славу дастъ вѣнецъ.

Итакъ, мой даръ богатъ, хотя не для показа;
Взгляните же въ него, особенно тогда,
Когда историка тревожнаго Кавказа.
Не будетъ здѣсь слѣда.

Рѣшившись на письмо въ угоду нашей дружбы,
Чернильницу возьмите за бока,
И тихо молвите: «А что же, почему-жь бы
Не вспомнить старика?»

Поэтический востокъ живительно подѣйствовалъ на поэзію автора „Тарантаса“—какой петербургскій, московскій, нижегородскій или кіевскій поэтъ могъ бы найти источникъ поэтического вдохновенія въ такомъ, по видимому, незначительномъ случаѣ, какъ подарокъ или „презентъ“ „неказистой“ чернильницы? Но на Востокъ все облачается поэтической формой, гармоническими стихами, цвѣтущими выраженіями, остроумными и граціозными оборотами... Счастливы поэты, которыхъ благосклонная судьба переноситъ на Востокъ! Они, „взглянувъ“, по совѣту графа Сологуба, въ свою чернильницу и „взявъ ее за бока“ найдутъ въ ней неизсякаемый ключъ прелестныхъ стиховъ, какихъ никогда не удастся написать поэту, живущему въ нашихъ прозаическихъ городахъ.

Прозанческое произведеніе графа Сологуба носитъ еще болѣе очевидныя слѣды животворнаго вліянія восточной поэтической природы. Пьеса его „Ночь передъ свадьбой“, составляющая лучшее украшеніе „Зурны“, показываетъ силу фантазіи, необычайную для насъ, жителей холоднаго сѣвера. Графу Сологубу угодно называть эту пьесу „Шуткою“ и говорить, съ обыкновенною авторскою скромностью, что она не имѣетъ литературнаго достоинства. Читатели не повѣрятъ этому: можетъ ли авторъ „Тарантаса“, „Аптекариши“ и столькихъ произведеній, блестящихъ умомъ и прекрасною мыслью, напечатать что нибудь—не имѣющее замѣчательнаго литературнаго

достоинства. И читатели не ошибутся въ своемъ ожиданіи: „Ночь передъ свадьбою“ произведеніе очень замѣчательное, какъ убѣдить ихъ уже самый бѣглый очеркъ этой пьесы. Первая сцена предст. авляетъ видъ нынѣшняго Тифлиса à vol d'oiseau. На первомъ планѣ пируетъ съ друзьями грузинецъ Кайхосро, женихъ прелестной Кетеваны. Пріятели, потягивая вино, толкуютъ о свадьбѣ, назначенной завтра, о просвѣщеніи, желѣзныхъ дорогахъ и воздушныхъ шарахъ — изъ пьесы графа Сологуба мы узнаемъ, что воздушные шары и желѣзныя дороги чрезвычайно интересуютъ грузинъ. Послѣ того пріятели расходятся, остается на сценѣ одинъ Кай хосро, и видъ сцены измѣняется: она представляетъ Тифлисъ, какимъ онъ будетъ черезъ тысячу лѣтъ; со всѣхъ сторонъ возникаютъ дворцы, колоннады, статуи; видны также желѣзные дороги — и вдругъ является бесѣдовать съ Кай хосро — кто бы, вы думали? — Шамиль (!!).

— Молчите, говорить онъ, обращаясь къ Кайхосро: — или я васъ застрѣлю.

— Кто вы такой? спрашиваетъ Кайхосро.

— Я Шамиль, сынъ Чеченскаго дворянскаго предводителя (предупреждаемъ читателей, что мы выпишемъ слово въ слово).

К а й х о с р о .

Да вы татаринъ, лезгинъ, нехрестъ.

Ш а м и л ь .

Нѣтъ, я, слава Богу, русскій.

К а й х о с р о .

Да какъ же по газетамъ Шамиль нашъ первый врагъ?

Ш а м и л ь .

Я студентъ Душетскаго университета. Мое призваніе живопись. Въ прошлое воскресенье я былъ въ театрѣ, въ Кукахъ. Давали новую пьесу, Руставель и Тамара...

Шамиль объясняетъ, что онъ видѣлъ тамъ „безцѣнную Кетевану“, узналъ, что отецъ хочетъ выдать ее замужъ, и явился теперь помѣшать свадьбѣ. Кайхосро сердится, Шамиль привязываетъ его къ трубѣ, на шумъ выходитъ Кетевана, и Шамиль объясняется ей въ любви. Кетевана говоритъ, что согласна бѣжать съ нимъ.

Ш а м и л ь .

Что я слышу! О Кетевана, о счастье мое! убѣжимъ! (*поетъ*).

Да, убѣжимъ на край вселенной,
Тамъ, радость свѣтлая, вдвоемъ
Въ любви торжественно-блаженной
Мы жизнью сердца заживемъ!
Ничто насъ тамъ не потревожитъ,
Не въ силахъ счастья погубить...

Кетевана.

Лишь если мужъ мой вѣчно можетъ

Шамиль.

Когда жена моя вѣкъ можетъ

(Вмѣстѣ).

Кетевана и Шамиль (вмѣстѣ).

Меня любить, меня любить!

Они уходятъ. Является трубочистъ, отвязываетъ Кайхосро отъ трубы и благодаритъ его за то, что онъ согласился принять такую услугу. Потомъ является Карапетъ, отецъ Кетеваны; Кайхосро жалуется ему, что Кетевана хочетъ бѣжать съ Шамилемъ. Карапетъ хладнокровно подчуеъ табакомъ раздраженнаго Кайхосро и уходитъ. Потомъ опять входятъ Шамиль и Кетевана; Шамиль бьетъ Кайхосро и кричитъ:

„Извощикъ! извощикъ!“—два воздушные шара влетаютъ на сцену и одинъ изъ извощиковъ за два цѣлковыхъ везетъ влюбленныхъ бѣглецовъ въ Парижъ. Вбѣгаетъ Карапетъ, и видя, что дочь улетаетъ съ Шамилемъ, поетъ:

Какое приключенье
Купца сразило тутъ!
Свершилось похищенье,
Любовники бѣгутъ,
Летятъ за Океаны!
Гдѣ сыщется ихъ слѣдъ?
Лишился Кетеваны
Несчастный Карапетъ!

Во второмъ дѣйствиіи приключенія становятся еще запутаннѣе. Кайхосро ѣдетъ искать Кетевану и освѣдомляется о бѣглецахъ у засѣдателя, который оказывается не мужчиной, а дѣвицею; засѣдатель сначала грозитъ отрубить уши Кайхосро, потомъ влюбляется въ него, и начинается слѣдующая сцена:

Засѣдатель

Да ненячъ же, не отчаявайся, я не могу видѣть плачущаго человѣка. Чтожъ? свѣтъ созданъ: одна обманетъ, другая утѣшитъ!

Кайхосро.

Кто меня утѣшитъ?

Засѣдатель.

Разсѣйся, пойдемъ въ духанъ (т. е. въ трактиръ). Пойдемъ, мы засгавимъ тебя позабыть про твою вѣроломную,—пойдемъ же туда.

Тамъ подъ снѣю духана
Приходи къ намъ отдохнуть;
Тамъ разсѣйся отъ обмана

И невѣсту позабуди—
Вѣрность мечтанье пустое,
Объ невѣрой что жалѣть!..
Отомстимъ ей лучше вдвое
И на зло ей ставемъ пѣть.
Тра ла ла!

Кайхосро.

Тра ла ла!

Засѣдатель и Кайхосро (*вмѣстѣ*).

Да, пойду подѣ сѣнь духана
И приду къ вамъ отдохнуть

Кайхосро.

Такъ разсѣюсь отъ обмана
Только милостива будь!

Кайхосро.

Да, если вы захотите меня утѣшить, такъ я... я... съ особеннымъ удовольствіемъ.

Засѣдатель.

Ну, вотъ видѣшь ли? Давно бы такъ... Ты думаешь, что въ меня можно влюбиться?

Кайхосро.

Очень, очень можно... Какъ она мила!

Засѣдатель.

Какъ онъ хорошъ!

Новые влюбленные идутъ „отдыхать подѣ сѣнь духана“, то есть, трактира; туда являются и всѣ остальные дѣйствующія лица. Кайхосро и засѣдатель начинаютъ бить Шамиля; являются горцы защищать своего предводителя, даютъ залпъ и убѣгаютъ; декораціи опять перемѣняются и представляютъ современный видъ Тифлиса, Кайхосро просыпается—онъ спалъ, какъ видимъ—и отправляется вѣнчаться съ Кетеваню, которая и не думала измѣнять ему для Шамиля. Уходя со сцены, онъ поетъ публикѣ:

Я видѣлъ многое во снѣ,
Но главное мнѣ то казалось,
Что вы, смѣясь, внимали мнѣ,
Что наша шутка удавалась.

Надобно согласиться, что только „Сонъ въ лѣтнюю ночь“ Шекспира можетъ быть поставленъ на ряду съ шуткой гр. Сологуба по фантазмаго-

рической игривости великолѣпной фантазій, создавшей Шамила, Кайхосро и засѣдателя. О, какъ живительно дѣйствуетъ Востокъ на воображеніе! Могъ ли бы гр. Сологубъ напечатать свою прелестную шутку въ Петербургѣ? Никогда здѣсь не создалъ бы онъ ничего подобнаго.

Но въ стихотвореніяхъ другого корифея „Зурнѣ“, г. Вердеревскаго, мы не находимъ ничего особенно грузинскаго; г. Вердеревскій пишетъ въ Тифлисъ совершенно такіе же стихи, какіе нѣкогда писалъ въ Петербургѣ, и подобные которымъ часто случается видѣть въ печати.

Затѣмъ должны мы сказать нѣсколько словъ и о помѣщенныхъ въ „Зурнѣ“ произведеніяхъ собственно тифлисскихъ поэтовъ и литераторовъ. Къ нимъ согласны мы примѣнить ту справедливую снисходительность, которой въ правѣ ожидать первыя литературныя посылки людей, только что начинающихъ пробовать свои силы въ сочинительствѣ. Гр. Сологубъ и г. Вердеревскій — люди, получившіе полное литературное образованіе, и должны поддерживать извѣстность, которую пріобрѣли прежде, особенно первый. Но къ гг. П. Θ. Бобылеву, мирзѣ Фетъ-Али-Ахундову, гг. Гранкину, Шишкову, Кержаку-Уральскому, М. Щ-ну, Г. Г. Г., Дункель Веллингу, Цискарову, Берзенову, князю Эристову, графу Стенбоку, мы не должны быть строги. Все, что они напишутъ, заслуживаетъ полнаго участія и одобренія, какъ зародышъ и залогъ болѣе удовлетворительнаго развитія тифлисской литературы въ будущемъ. Мы должны даже сказать, что ихъ произведенія и придаютъ „Зурнѣ“ право на сочувствіе критики. Стихотворенія тифлисскихъ литераторовъ написаны вообще гладкими и легкими стихами; прозаическія произведенія — вообще языкомъ чистымъ и правильнымъ. Чего же болѣе желать, чего требовать отъ первыхъ опытовъ? Мы радуемся, что между коренными тифлисскими жителями являются люди, имѣющіе наклонность къ литературнымъ занятіямъ; пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ — и между ними нѣкоторые будутъ писать гораздо лучше, иные, быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ прекрасно. Съ этой точки зрѣнія мы радуемся появленію грузинской романистики, которая пишетъ, право, недурнымъ слогомъ. Разбирать всѣ эти произведенія съ тою взыскательностью, которая необходима для критики, было бы неумѣстно; и мы прощаемся съ „Зурною“ въ надеждѣ, что черезъ нѣсколько времени Тифлисъ дастъ намъ другіе сборники и произведенія, которые будутъ въ состояніи съ честью выдержать литературный разборъ.

Полное собраніе сочиненій русскихъ авторовъ. Стихотворенія *И. Козлова*. Изданіе А. Смирдина. Двѣ части. Спб. 1855 *).

Это изданіе перепечатка прежняго, вышедшаго лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Прежнее изданіе, какъ было уже доказано въ свое время, не отличалось совершенною полнотою и, между прочимъ, пропустило одно изъ до-

*) „Соврем.“ 1855, № 7.

вольно значительныхъ произведеній Козлова, въ которомъ поэтически разсказывается жизнь Байрона. Такимъ образомъ, для желающаго открывается полная возможность пуститься въ мелочные розыски о пропущенныхъ и старымъ и новымъ изданіями стихотвореній автора „Чернеца“. Открывается и другое поле для новыхъ разысканій по случаю новаго изданія сочиненій Козлова—подробной біографіи его не существуетъ; всѣмъ извѣстно только, что онъ сдѣлался поэтомъ, когда имѣлъ несчастіе ослѣпнуть. Но если можно, то мы не знаемъ, для чего нужно было бы вдаваться въ подобныя изслѣдованія. Конечно, каждый можетъ по доброй волѣ избирать себѣ предметъ занятій; не будетъ ничего худаго, если кто нибудь составитъ большое біографически-библіографическое сочиненіе о Козловѣ—оно будетъ прочитано двумя или тремя людьми, которые, быть можетъ, замѣтятъ въ немъ, между тысячами ни мало не нужныхъ ни на что мелочей, одинъ или два факта, если не слишкомъ важныхъ, то и не бесполезныхъ для исторіи литературы. У насъ это дѣлается въ послѣднее время иначе. Думаютъ, будто бы каждое вновь отысканное стихотвореніе какого нибудь стариннаго второстепеннаго поэта, каждая вновь найденная бібліографическая мелочь—такія драгоценности, о которыхъ надлежитъ тотчасъ же повѣщать всю публику, безъ различія пола и возраста. На первый взглядъ можетъ казаться, что это увлеченіе, объясняемое молодостью нашей бібліографіи, безвредно и отчасти даже хорошо съ извѣстной точки зрѣнія, какъ хорошъ вообще энтузіазмъ къ труду, каковъ бы ни былъ предметъ его. Но должно припомнить, что есть занятія, которыя бывають полезны и почтенны только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы не входили они въ моду, а оставались исключительною участію немногихъ сильныхъ и ревностныхъ тружениковъ. Либихъ очень хорошо дѣлаетъ, что занимается анализомъ удобреній,—а хорошо ли было бѣ, если бы всѣ, желающіе чѣмъ нибудь завятыся, начали избирать предметомъ своихъ изслѣдованій анализъ удобреній? И хорошо ли было бѣ, если бѣ свои кубы и реторты, изъ которыхъ вѣтъ различными сѣрнисто-водородными газами, вынесли они на общественное гулянье, или хотя бы въ собраніе какого нибудь ученаго общества, хотя бы общества сельскихъ хозяевъ? Нѣтъ, эти работы должны производиться въ уединенной лабораторіи, да и то при запертыхъ дверяхъ. У насъ до сихъ поръ часто не хотятъ замѣчать различія между черновыми бумагами, экскерптами и коллекціями мелкихъ замѣтокъ, которымъ мѣсто только на письменномъ столѣ самого изслѣдователя, и тѣми статьями, которыя долженъ онъ предлагать публикѣ. Впрочемъ, надобно замѣтить, что мода на печатаніе черновыхъ бумагъ уже проходитъ. Но остается еще слѣдствіе впечатлѣнія, какому поддались авторы этихъ экскерптовъ и которое успѣли они передать многимъ изъ остальныхъ собратій нашего литературнаго міра. Трудолюбивые собиратели бібліографическихъ данныхъ чувствовали необходимость выставить какой нибудь „резонъ“, чтобы возбудить въ публикѣ вниманіе къ своимъ—вообще сухимъ—изслѣдованіямъ, и, къ сожалѣнію, придумали „резонъ“ не совсѣмъ точный и удачный. Они имѣли неосторожность сказать, что исторія русской литературы съ Ломоносова до Пушкина, предметъ новый, необъясненный, никѣмъ до того времени неизслѣдованный основательно; что всѣ прежнія сужденія о достоинствахъ нашихъ писателей, о значеніи ихъ сочиненій, о ходѣ и развитіи нашей литературы—по-

верхностны и ошибочны; что потому цѣль и важность болѣе или менѣе мелочныхъ изслѣдованій, которыми они (т. е. авторы новыхъ анализовъ литературнаго удобренія исторической почвы) предлагаютъ наслаждаться публикѣ,—стоитъ въ томъ, что ими приготавлиются основательныя понятія объ исторіи русской литературы—понятія, которыхъ напрасно будемъ искать въ прежнихъ разсужденіяхъ объ этомъ дѣлѣ, несправедливыхъ по недостатку основательнаго знакомства съ предметомъ. Собственно говоря, улики и доказательства не было на это представлено ровно никакихъ; должно также прибавить, что сухіе труды, имѣвшіе, по мнѣнію авторовъ, столь важную цѣль, не дали еще ни одного результата, замѣтнаго хотя бы въ микроскопъ. Но статьи были переполнены тьмочисленными цитатами, заглавіями книгъ и именами; нѣкоторые изъ ихъ составителей дѣйствительно были люди трудолюбивые, владѣвшіе значительнымъ запасомъ эксерптовъ—и потому люди, которые сами не рылись въ старыхъ книгахъ, должны были повѣрить имъ на слово, будучи поражены ученою виѣшностью статей, и начали повторять, что исторія русской литературы съ Ломоносова (за старинную литературу московскихъ временъ,—предметъ дѣйствительно неизслѣдованный—никто не думалъ тогда приниматься)—ждетъ еще своей оцѣнки, потому что прежнія сужденія о ней несправедливы. Прежній библиографическій жаръ уже значительно остылъ, но возбужденные имъ голословные толки о необходимости подвергать нашу литературу новой оцѣнкѣ, о неосновательности прежнихъ сужденій и т. д. все еще продолжаются—потому неизлишне возразить на нихъ фактами. Русскимъ писателямъ остается еще такъ много сдѣлать для удовлетворенія нуждамъ настоящаго, что всякая трата времени и мыслей на передѣлку того, что уже прекрасно сдѣлано ихъ предшественниками, приноситъ положительный ущербъ литературѣ. Нива настоящаго—выражаясь фигуральнымъ языкомъ—нуждается въ дѣятеляхъ, а не бесплодные пустыри прошедшаго, поле котораго (мы говоримъ объ исторіи русской литературы) давно изслѣдовано, на сколько требовалось и допускалось имъ изслѣдованіе.

Мы хотимъ доказать это фактами—и, пользуясь случаемъ, избираемъ для примѣра сочиненія Козлова. О немъ не было написано обширныхъ статей, какъ о важнѣйшихъ нашихъ поэтахъ—Державинѣ, Батюшковѣ, Жуковскомъ, Пушкинѣ; не было даже говорено о немъ столько, какъ о другихъ спутникахъ послѣдняго изъ этихъ корифеевъ, напримѣръ, о Баратынскомъ, Полежаевѣ, Языковѣ и проч. Потому, казалось бы, если о комъ можно и должно сказать что нибудь новое и основательное, то именно о Козловѣ; если кто нибудь изъ поэтовъ нуждается въ новой оцѣнкѣ, то именно онъ. Но мы приведемъ сужденіе о сочиненіяхъ Козлова, которое дѣлаетъ совершенно бесполезными всякія дальнѣйшія изслѣдованія о ихъ достоинствахъ и значеніи для русской литературы. Изъ какого журнала или какой книги взята нами эта выписка, не говоримъ, потому что она должна быть памятна всѣмъ занимающимся исторіею нашей литературы,—а кто не помнитъ ея, тотъ долженъ скромно сказать о себѣ, что не вполне знакомъ съ прежними трудами, о которыхъ потому и не долженъ отзываться презрительно, пока не узнаетъ ихъ лучше—тогда онъ будетъ и говорить о нихъ не такимъ тономъ, какъ говорить вошло нынѣ въ привычку.

Слава Козлова была создана его «Чернецомъ». Нѣсколько лѣтъ эта поэма ходила въ рукописи по всей Россіи прежде, чѣмъ была напечатана. Она взяла обильную и полную дань слезъ съ прекрасныхъ глазъ; ее знали наизусть и мужчины. «Чернецъ» возбуждалъ въ публикѣ не меньшій интересъ, какъ и первыя поэмы Пушкина, съ тою только разницею, что его совершенно понимали: онъ былъ въ уровень со всеми натурами, всеми чувствами и понятіями, былъ по плечу всякому образованію. Это второй примѣръ въ нашей литературѣ, послѣ «Вѣдной Лизы» Карамзина. Каждое изъ этихъ произведеній прибавило много единицъ къ суммѣ читающей публики и пробудило не одну душу, дремавшую въ прозѣ положительной жизни. Влестящій успѣхъ при самомъ появленіи ихъ и скорый конецъ — совершенно одинаковы: ибо, повторяемъ, оба эти произведенія совершенно одного рода и одинаковаго достоинства: вся разница во времени ихъ явленія и, въ этомъ отношеніи, «Чернецъ», разумѣется, гораздо-выше.

«Содержаніе «Чернеца» напоминаетъ собою содержаніе байронова «Джяура»; есть общее между ними и въ самомъ изложеніи. Но это сходство чисто внѣшнее: «Джяуръ» не отражается въ «Чернецѣ» даже и «какъ солнце въ малой каплѣ водѣ» хотя «Чернецъ» и есть явное подражаніе «Джяуру». Причина этого заключается сколько въ степени талантовъ обоихъ пѣвцовъ, столько и въ разности ихъ духовныхъ натуръ. «Чернецъ» полонъ чувства, пассивно проникнутъ чувствомъ—и вотъ причина его огромнаго, хотя и мгновеннаго успѣха. Но это чувство только тепло, не глубоко, не сильно, не всеобъемлюще. Страданія «Чернеца» возбуждаютъ въ насъ состраданіе къ нему; а его терпѣніе привлекаетъ къ нему наше расположеніе, но не больше. Покорность волѣ Провидѣнія (Resignation) великое явленіе въ сферѣ духа; но есть безконечная разница между самоотреченіемъ голубя, по натурѣ своей неспособнаго къ отчаянію, и между самоотреченіемъ льва, по натурѣ своей способнаго пасть жертвою собственныхъ силъ: самоотверженіе перваго только неизбежное слѣдствіе несчастья, но самоотреченіе втораго—великая побѣда, свѣтлое торжество духа надъ страстями, разумности надъ чувственностію. Вотъ почему даже лютое отчаяніе, если оно является въ формѣ несокрушимой силы духа, горделиво и презрительно несущей свое несчастье,—въ тысячу разъ сильнѣе и обаятельнѣе дѣйствуетъ на нашу душу, чѣмъ безильное смиреніе, тихо льющее сладкія слезы примиренія. Примиреніе—самый торжественный актъ духа, но только тогда, когда онъ совершается собственною силою человѣка. Глубокъ и великъ тотъ, въ комъ лежитъ возможность не одного примиренія, но и вѣчнаго разрыва.

«Тѣмъ не менѣе, страданія Чернеца, высказанныя прекрасными стихами, дышащими теплою чувствомъ, плѣнили публику и возложили мѣртвый вѣнокъ на голову слѣпца-поэта. Собственное положеніе автора еще болѣе возвысило цѣну этого произведенія. Онъ самъ особенно любилъ его передъ всеми своими созданіями.

«И въ самомъ дѣлѣ, двѣ другія поэмы Козлова: «княгиня Наталья Борисовна Долгорукая» и «Безумная», уже далеко не то, что «Чернецъ.» Въ нихъ, особенно въ первой, есть прекрасныя поэтическія мѣста, но въ нихъ нѣтъ никакого содержанія почему онѣ растянуты и скучны въ цѣломъ. Въ «Безумной» даже нѣтъ никакой истины: героиня—нѣмка въ овчинномъ тулупѣ, а не русская деревенская дѣвка. Кромѣ того, обѣ эти поэмы, не смотря на разность содержанія ихъ, суть ничто иное, какъ повтореніе «Чернеца»: «слова другія, но мотивъ тотъ же, а одно и тоже утомляетъ вниманіе, перестаетъ возбуждать участіе. Вотъ почему двѣ послѣднія поэмы не имѣли никакого успѣха, тогда какъ успѣхъ «Чернеца» былъ чрезвычайный. Какъ цѣлое, эта поэма уже нѣма для нашего времени; но многія частности и теперь еще прочтутся съ наслажденіемъ. Первая часть этого третьяго изданія сочиненій Козлова заключаетъ въ себѣ три его поэмы, о которыхъ мы сейчасъ говорили; извѣстное его посланіе «Къ другу В. А. Ж., интересное, какъ поэтическая исповѣдь слѣпца-поэта; балладу «Венгерскій Лѣсъ»; байронову «Абидосскую Невѣсту», Крымскіе Советы» и «Сельскій Субботній Вечеръ въ Шотландіи.» Что до баллады—кромѣ хорошихъ стиховъ, она не имѣетъ никакого значенія, ибо принадлежитъ къ тому ложному роду поэзіи, который избрѣгаетъ небывающую дѣйствительность, выдумываетъ Веледь, Извѣдовъ, Остановъ, Свѣжановъ, никогда не существовавшихъ, и изъ славянскаго міра создаетъ нѣмецкую

фантастическую балладу. Переводъ «Абидосской Невѣсты»—весьма замѣчательная попытка; но сжатости, энергіи молніеносныхъ очерковъ оригинала въ немъ нѣтъ и тѣни.—Также замѣчательнъ переводъ и «Крымскихъ Сонетовъ»; но отношеніе его къ оригиналу точно такое же, какъ и перевода «Абидосской Невѣсты» къ ея подлиннику.—Одно уже то, что иногда 16-ю, 18-ю и 20-ю стихами Козловъ переводитъ 14 стиховъ, показываетъ, что борьба перавная.—«Сельскій Субботній Вечеръ въ Шотландіи» есть не переводъ изъ Борнса, а вольное подражаніе этому поэту. Жаль! потому что эту превосходную пьесу Козловъ могъ бы перевести превосходно; а какъ подражаніе—она представляетъ собою что-то странное.

«Съ большимъ удовольствіемъ обращаемся ко второй части стихотвореній Козлова. Она вся состоитъ изъ мелкихъ лирическихъ пьесъ и изъ отрывочныхъ переводовъ; но въ нихъ-то поэтической талантъ Козлова и является съ своей истинной стороны и въ болѣе блестящемъ видѣ. Конечно, не всѣ лирическія стихотворенія Козлова равны хороши: на половину наберется посредственныхъ, есть и совершенно неудачныя; даже большая часть лучшихъ—переводы, а не оригинальныя произведенія; наконецъ, и изъ самыхъ лучшихъ многія не выдержаны въ цѣломъ и отличаются только поэтическими частностями; но тѣмъ не менѣе, самобытность замѣчательнаго таланта Козлова не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Его нельзя относить къ числу художниковъ: онъ поэтъ въ душѣ, а его талантъ былъ выраженіемъ его души. Посему, талантъ его тѣсно былъ связанъ съ его жизнію. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ то, что безъ потери зрѣнія Козловъ прожилъ бы весь вѣкъ, не подозрѣвая въ себѣ поэта. Ужасное несчастье заставило его познакомиться съ самимъ собою, заглянуть въ таинственное святилище души своей и открыть тамъ самородный ключъ поэтическаго вдохновенія. Несчастье дало ему и содержаніе, и форму, и колоритъ для пѣсенъ; почему всѣ его произведенія однообразны, всѣ на одинъ тонъ. Таинство страданія, покорность волѣ Провидѣнія, надежда на лучшую жизнь за гробомъ, вѣра въ любовь, тихое уныніе, кроткая грусть,—вотъ обычное содержаніе и колоритъ его вдохновеній. Присовокупите къ этому прекрасный, мелодическій стихъ—и муза Козлова охарактеризована вполне, такъ что больше о немъ нечего сказать. Впрочемъ, его музѣ не чужды и звуки радости и роскошныя картины жизни, наслаждающейся самой собою.

«Ночь весенняя дышала
Свѣтло-южною красой;
Тихо Брента протекала;
Серебримая луной;
Отраженъ волной огнистой
Влескъ прозрачныхъ облаковъ,
И восходитъ паръ душистый
Отъ зеленыхъ береговъ.
Сводъ лазурный, томный ропоть
Чуть дробимыя волны,
Померанцевъ, миртовъ шопоть
И любовный свѣтъ луны,
Упоенья аромата
И цвѣтовъ и свѣжихъ травъ,
И вдали напѣвъ Торквата
Гармоническихъ октавъ;—
Все вливаетъ тайно радость,
Чувствамъ снится дивный миръ,
Сердце бьется, мчится младость
На любви весенній пиръ.
По водамъ скользятъ гондолы;
Искры брызжутъ подъ весломъ;
Звуки вѣжной баркаролы
Вѣютъ логкимъ вѣтеркомъ...

Но густѣ тѣнь ночная;
И красоть цвѣтущій рой,
Въ нѣгѣ страстной утопая,
Покидаетъ пирь ночной.
Стихли пышныя забавы;
Все спокойно на рѣкѣ,
Лишь торкватовы октавы
Раздаются вдалькѣ».

«Какая роскошная фантазія! Какіе гармоническіе стихи! что за чудный колоритъ — полупрозрачный, фантастическій! И какъ прекрасно сливается эта выписанная нами часть стихотворенія съ другою—унылою и грустною, и какое поэтическое цѣлое составляютъ онѣ обѣ!..

«Многіе удивлялись въ Козловѣ вѣрности его картинъ, яркости ихъ красокъ,—ничего нѣтъ удивительнаго: воспоминаніе прошедшаго сильнѣе въ насъ при лишеніи настоящаго; чего страстно желаемъ мы, то живо и представляемъ себѣ, а чего сильнѣе желаетъ слѣпецъ, какъ не созерцанія картинъ и формъ жизни?..

Козловъ поэтъ чувства, точно такъ же, какъ Баратынскій поэтъ мысли. Поэтому не ищите у Козлова художественныхъ созданій, глубокихъ и мірообъемлющихъ созерцаній; ищите въ немъ одного чувства,—и вы найдете въ его двухъ книжкахъ много прекраснаго, едва ли не на половину съ посредственнымъ. Отъ этого всѣ переводы его отличаются однимъ колоритомъ—тѣмъ же самымъ, какъ и его оригинальныя произведенія...“

Кто читалъ сочиненія Козлова, тотъ согласится въ вѣрности и полнотѣ сужденія, приведеннаго нами. Что же можно прибавить къ этимъ словамъ, сказаннымъ уже давно? Развѣ новыя изслѣдованія о различныхъ редакціяхъ „Чернеца“, или новыя, подробнѣйшія сличенія „Безумной“ съ „Чернецомъ“ и перевода „Абидосской невѣсты“ съ оригиналомъ? Или разысканія о томъ, въ какомъ журналѣ въ первый разъ напечатано то или другое стихотвореніе? Или разсужденія съ цѣлью доказать, что „Венгерскій лѣсъ“ не есть подражаніе, а твореніе самостоятельное, высокое значеніе котораго доселѣ не было объяснено? Можно, если угодно, дѣлать и это; но прежде должно подумать о томъ, не лучше ли употребить время и трудъ на что нибудь болѣе важное.

О весьма замѣчательномъ употребленіи именъ числительныхъ два, три, четыре въ русскомъ языкѣ. Новгородъ 1855.

Деньга, Кабакъ, Набатъ. Новгородъ 1855.

Историческія записки дирекціи Новгородской губерніи. Новгородъ 1855 *).

Всѣ три статейки перепечатаны отдѣльными оттисками изъ „Новгородскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“. Чтобы дать понятіе о характерѣ первыхъ двухъ статей, едѣлаемъ небольшую выписку изъ первой, „посвященной изслѣдователямъ русскаго слова“. По русски говорится „два стола, три, четыре стола“—вмѣсто обыкновеннаго множественнаго (столы) здѣсь употребляется особенная форма, въ которой филологи видятъ остатокъ стариннаго двойственнаго числа, именительный падежъ котораго въ словахъ мужескаго рода совпадалъ по формѣ съ родител. пад. единств. числа. Авторъ брошюры несогласенъ съ этимъ объясненіемъ, которымъ совершенно довольны славянскіе филологи и думаетъ, что въ выраженіи „два стола“ — стола не есть особенная форма именит. пад. принадлежавшая старинному двойственному, а просто нынѣшій родит. пад., единств. числа, и видитъ въ этомъ „глубокую мудрость“. Уже въ Индіи, говоритъ онъ, были Брама, Вишну и Шива; у грековъ были три парки; во многихъ языкахъ различаются три времени и три рода и т. д.

«Наконецъ почти всѣ разные главные члены человѣческаго тѣла состоятъ, сверхъ общаго названія, изъ трехъ частей; такъ напр., глазъ состоитъ изъ 1, бѣлка, 2, радужной оболочки и 3, зрачка; ухо изъ 1, ушной раковины, 2, трубочки, 3, барабанной перепонки. Когда мы всѣ эти вышеупомянутые и подобные имъ предметы поближе разбираемъ, и представляемъ себѣ въ видѣ сектора круга, то выходитъ собственно четыре предмета, которые составляютъ единство. Изъ нихъ главный предметъ, заключающій въ себѣ прочіе (1) или знаменатель, имѣющій бытъ склопьяемымъ, непремѣнно долженъ быть поставленъ въ имен. пад. единств. числа, а прочіе (2,3,4) принадлежаніе какъ части къ единству его, должны быть поставлены въ родит. падежѣ, чтобы выразить принадлежность ихъ къ единству.

«На этомъ основаніи ввелъ древній мудрецъ (установитель русскаго языка) это употребленіе родит. падежа единств. числа при числительныхъ два три, четыре.

«Вотъ мое убѣдительное мнѣніе. Пусть оно докажетъ моимъ читателямъ, съ какимъ рвеніемъ и съ какою прозорливостію я привыкъ изслѣдовать темныя филологическія истины.

Объясненіе, чрезвычайно замѣчательное и прозорливое. Но мы увѣрены, что у не многихъ изъ филологовъ достанетъ прозорливости, чтобы понять его „убѣдительность“.

Въ третьей брошюркѣ представлены нѣкоторыя свѣдѣнія о состояніи училищъ Новгородской губерніи по 1803 годъ.

К р и т и к а.

Морской Сборникъ, издаваемый Морскимъ Ученымъ Комитетомъ. Годъ 1855. Книжки 1—9 (январь—сентябрь) *).

Заслуженное уваженіе, которымъ началъ въ послѣднее время пользоваться „Морской Сборникъ“ и многія, въ высокой степени интересныя особенности этого изданія, поставляютъ въ обязанность каждому журналу, желающему бесѣдовать съ своими читателями объ истинно важныхъ явленіяхъ нашей литературы, посвятить разбору „Морскаго Сборника“ особенную и подробную статью. Въ самомъ дѣлѣ, по общему мнѣнію всѣхъ, внимательно слѣдившихъ за „Морскимъ Сборникомъ“ съ конца прошедшаго года, онъ составляетъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій нашей литературы,—быть можетъ, самое замѣчательное во многихъ отношеніяхъ. И достаточно хотя въ легкомъ очеркѣ указать основанія, по которымъ произносится такое сужденіе, чтобы убѣдить въ его справедливости тѣхъ читателей, которые сами еще не имѣли случая познакомиться съ достоинствами изданія, о которомъ мы говоримъ.

Мы должны начать съ того замѣчательнаго факта, которому должно приписывать самое благопріятное и сильное вліяніе на качества, сообщившія этому изданію особенную важность. Этотъ фактъ —высское покровительство и, скажемъ болѣе, руководительство Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, дающаго направленіе Морскому Министерству по званію Генераль-Адмирала, носимому Его Высочествомъ, Которому угодно обращать Свою высокую заботливость и на усовершенствованіе ученаго изданія, принадлежащаго Его министерству.

Только при этомъ Высокомъ покровительствѣ, „Морской Сборникъ“ могъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ онъ сдѣлался, по согласному мнѣнію публики: то есть, замѣчательнѣйшимъ изъ нашихъ специальныхъ журналовъ и по учено-литературному достоинству статей и по высокой важности помѣщаемыхъ въ немъ официальныхъ документовъ.

Быстрое совершенствованіе замѣчалось въ „Морскомъ Сборникѣ“ уже довольно давно; но особенно почетное мѣсто въ нашей литературѣ занялъ онъ съ нынѣшняго года, когда официальный отдѣлъ его расширился вслѣдствіе извѣстій о подвигахъ и судьбѣ защитниковъ Севастополя, между которыми столь блестящимъ образомъ отличались наши черноморскіе моряки, а

*) Современ. 1855, № 10.

неофициальная часть приобрѣла нѣкоторые новые отдѣлы, и существовавшій прежде учено-литературный отдѣлъ обогатился многими прекрасными статьями.

Слѣдуя порядку программы „Морскаго Сборника“ и оставляя какъ независимый отъ редакціи журнала чисто - административный *первый* отдѣлъ его (постановленія и распоряженія правительства), отличаеый и внѣшнимъ образомъ отъ остальной части изданія римскими цифрами въ нумераціи страницъ, мы начинаемъ обзорѣніе „Морскаго Сборника“ за первые девять мѣсяцевъ текущаго года разсмотрѣніемъ его второй рубрики, носящей заглавіе; „Официальная статья и извѣстія“. Это одинъ изъ тѣхъ отдѣловъ, которые отличаются особенно превосходнымъ характеромъ, и наиболѣе содѣйствовали возбужденію сочувствія къ „Морскому Сборнику“ во всѣхъ его читателяхъ. То направленіе, которое указалъ журналу его Выскаій Руководитель, непосредственно выразилось въ составѣ и духѣ отдѣла, о которомъ теперь мы говоримъ. Кто подумалъ бы, что здѣсь преобладаетъ однообразный и сухой тонъ, который многимъ кажется необходимымъ спутникомъ официального изложенія, ошибся бы въ настоящемъ случаѣ: большая часть отчетовъ и донесеній, напечатанныхъ въ „Морскомъ Сборникѣ“, представляютъ для внимательнаго человѣка чтеніе поучительное. Мы не говоримъ о письмахъ „Сестеръ Крестовоздвиженской Общины“, предполагая, что всѣ наши читатели уже достаточно знакомы съ ихъ высокимъ интересомъ, потому что газеты постоянно перепечатавали извлеченія изъ этихъ писемъ, равно замѣчательныхъ по живости и точности разсказа о различныхъ эпизодахъ страшной и славной осады Севастополя, о положеніи раненыхъ геройскихъ защитниковъ этой крѣпости, по скромности и правдѣ, съ которою сестры говорятъ о своихъ неутомимыхъ попеченіяхъ на спасеніе и успокоеніе страждущихъ. Мы не говоримъ также о донесеніяхъ гг. Мансурова и Доргобужина, на которыхъ возложена обязанность заботиться о раненыхъ морякахъ — они также представляютъ самую вѣрную картину нашихъ севастопольскихъ госпиталей и служатъ лучшимъ свидѣтельствомъ челоѣколюбивой заботливости Морскаго Управленія о своихъ подчиненныхъ — эти донесенія мы также предполагаемъ извѣстными читателю. Но, чтобы продолжать перечень статей, относящихся къ защитникамъ Севастополя, упомянемъ о „спискахъ раненыхъ нижнихъ чиновъ Черноморскаго флота, постоянно помѣщаемыхъ въ „Морскомъ Сборникѣ“: доселѣ мы знали только общія цифры, здѣсь въ первый разъ было введено прекрасное правило сохранять для памяти имена не только офицеровъ, но и простыхъ воиновъ, пострадавшихъ за отечество, и передавать для свѣдѣнія родственникамъ извѣстія о ихъ положеніи. Нѣтъ надобности распространяться о впечатлѣніи, которое производятъ на читателя эти списки:

Да, мужественные защитники родныхъ укрѣпленій, принадлежащіе къ Морскому вѣдомству, ваши имена не остались безвѣстными, они внесены въ лѣтопись той осады, которая, благодаря вашей безпредѣльной храбрости, вынудила у самыхъ враговъ признаніе о доблестяхъ русскаго воина. Вслѣдъ за этими списками читатель постоянно находитъ многочисленныя извѣстія о мѣрахъ начальства къ призрѣнію матросовъ, оправившихся отъ ранъ. Всѣ они были спрашиваемы, въ чемъ теперь состоятъ ихъ желанія, которыя по

возможности будутъ выполнены Правительствомъ. И сколько скромности, самоотверженія было выказано этими страдальцами!—Вообще, они сохраняли убѣжденіе, что жертвуя своею кровью, только исполнили свой долгъ, и не считали себя имѣющими какія либо особенныя права на благодарность и пособія; нужно было настоятельно требовать, чтобъ они высказали свои желанія—иначе они молчали, не думая просить ни о чемъ; да и будучи настоятельными разспросами принуждены говорить, большая часть изъ этихъ воиновъ ограничивали свои желанія—возвращеніемъ на бастионы или общимъ, скромнымъ препорученіемъ себя милостивой заботливости начальства... Вотъ, напримѣръ, каковы были отвѣты 653-хъ раненыхъ матросовъ, о которыхъ извѣстія передаются въ январской книжкѣ „Морскаго Сборника“:

«Херсонской губерніи, Александрійскаго уѣзда. Деревни Байдаловки. 17-го рабчаго экипажа мастеровой Прокофій Алименко. На 10 бастионѣ, 10 октября, ядромъ оторвало лѣвую ногу. Нога отнята выше колѣна. Выздоровливаетъ.—Деревни Чистополь. Матросъ 32 го флотскаго экипажа Михаилъ Горкушъ, на 4-мъ бастионѣ 22-го октября, осколкомъ бомбы равенъ въ голову. Рана заживаетъ. Почти здоровъ...»

«На вопросы, въ чемъ состоятъ ихъ нужды, чего желаютъ для себя или для родныхъ, они почти всѣ единогласно отвѣчаютъ: «Батюшка Царь не оставитъ насъ, а мы жел емъ, если Господь поможетъ выздоровѣть, то поскорѣе явиться къ товарищамъ на бастионы, отплатить врагамъ». При настоятельномъ же требованіи отъ нихъ указанія на способы пособія, выразили желаніе:

Отправиться на родину	31
Получить денежное пособіе для семействъ .	3
Освободить дѣтей изъ кантонистовъ . . .	8
Выкупить сестру изъ крѣпостнаго состоянія	1
Не въ силахъ были говорить	5

«Изъявили вообще упованіе на милосердіе начальства 228; остальные 377 человекъ просили одной милости—дозволить имъ вернуться на бастионы и въ команды.»

Сколько мыслей родятъ эти строки, запечатлѣнныя такою поразительною правдою! Изъ 653-хъ человекъ только 43, да и то единственно по повторенному требованію, изъявляютъ опредѣленныя желанія и надежды, — и какъ скромны эти желанія! Остальные—говорятъ только, что поручаютъ себя милости начальства—пусть оно само чѣмъ нибудь наградитъ ихъ, если находитъ достойными награды... А большая часть не произносятъ даже и этихъ словъ... Какъ ярко обрисовывается однимъ такимъ фактомъ жизнь русскаго воина, умирающаго за Отечество, не ожидая воздаяній! Какъ хорошо обрисовывается ими жизнь русскаго простолюдина вообще!—Но морское начальство, какъ видимъ изъ „Сборника“, хочетъ, чтобы вѣрная служба отечеству не осталась безъ воздаяній для этихъ людей, столь чуждыхъ даже мысли о воздаяніи. И „Морской Сборникъ“, исполняя эту цѣль правительства въ литературной сферѣ, передаетъ намъ достойныя памяти имена всѣхъ нижнихъ чиновъ его вѣдомства, пролившихъ кровь за родину, и прилагаетъ къ своимъ книжкамъ портретъ и краткую біографію то одного, то другаго изъ этихъ скромныхъ, но истинныхъ героевъ. Такъ при мартовской книжкѣ находимъ портретъ унтеръ-офицера Круглова, при іюньской—квартирмейстера

Полукарова, при июльской — боцмана Буденко, при первой августовской — квартирмейстера Карасикова, при первой сентябрьской — боцмана Ананьина.

Многіе изъ отчетовъ по различнымъ частямъ Морскаго управленія, напечатанные въ „Сборникъ“, представляютъ читателю очень важный интересъ, заключающій въ себѣ не только изложеніе фактовъ, но и выводы, замѣчательные по своей полнотѣ и точности, и вмѣстѣ съ тѣмъ служа убѣдительнѣйшими доказательствами неунышной ревности Морскаго Министерства объ усовершенствованіяхъ по всемъ частямъ подвѣдомственныхъ ему учреждений. Не перечисляя всехъ такихъ отчетовъ, чтобы не утомлять читателей слишкомъ длиннымъ спискомъ, назовемъ, въ примѣръ, только отчеты по медицинской части, по ревизіонному управленію и по Коммиссаріатскому Департаменту. Для ознакомленія читателей, еще не имѣвшихъ подъ руками „Морскаго Сборника“, съ характеромъ этихъ официальныхъ документовъ, позволимъ себѣ привести здѣсь небольшую выписку изъ заключительныхъ замѣчаній „отчета Директора Коммиссаріатскаго Департамента за 1854 годъ“.

«Усиленная дѣятельность Коммиссаріатскаго Департамента въ прошедшемъ году, вынужденная обстоятельствами, не осталась безплодною. Она обнаружила многія хорошія и дурныя стороны разныхъ частей управленія, и приобретенный опытъ будетъ служить основаніемъ дальнѣйшихъ усовершенствованій.

Усиленіе состава флота, вооруженіе всехъ трехъ дивизій, назначеніе шестимѣсячной кампаніи, формированіе запасныхъ ротъ и морского ополченія, — все эти обстоятельства застали Департаментъ такъ сказать, въ располхъ, ибо не могли быть предварены никакими приготовительными распоряженіями, и притомъ въ такое время года, когда все подряды и контракты заключены, и всякая медленность въ заготовленіяхъ отнимала возможность успѣха.

«Сложность учрежденія хозяйственнаго управленія представилась первымъ препятствіемъ къ успѣшнымъ дѣйствіямъ. Необходимость заставила департаментъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ праступать къ исполненію распоряженій, не ожидая утвержденія оныхъ высшими инстанціями. Въ послѣдствіи, съ Высочайшаго соизволенія, предоставлено было Директору Департамента въ нѣкоторыхъ случаяхъ распоряжаться непосредственно и такимъ образомъ дана была возможность неупустительно принимать мѣры къ полному обезпеченію флота необходимыми потребностями.

„Обыкновенные способы заготовленій, посредствомъ подряда и гласныхъ публичныхъ торговъ, во многихъ случаяхъ оказались неудобными; ибо всякое объявленіе, ранѣе сдѣланное, возвышало цѣну на требуемый предметъ и отнимало возможность приобретать его изъ первыхъ рукъ. Поэтому департаментъ вынужденъ былъ хозяйственнымъ образомъ, чрезъ агентовъ, дѣлать нѣкоторыя закупки на биржѣ и у фабрикантовъ, и такимъ образомъ вошелъ въ непосредственное сношеніе съ лицами, которыя до сего времени не имѣли обыкновенія вступать въ обязательство съ казною.

«Въ истекшемъ году опыты заготовленій разныхъ матеріаловъ и продуктовъ изъ первыхъ рукъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ, ибо почти все произведенныя такимъ образомъ закупки, не смотря на снѣжасть, обошлись казнѣ дешевле, чѣмъ заготовленіе чрезъ посредство подставныхъ подрядчиковъ, и особенно отличались превосходнымъ качествомъ приобретенныхъ продуктовъ.

«Но произведенный опытъ убѣдилъ также департаментъ и въ той истинѣ, что полезное улучшеніе не можетъ ограничиться однимъ привлеченіемъ къ участію въ дѣлахъ людей благонадежныхъ, ибо это участіе обуславливается необходимыми преобразованіями подвѣдомственныхъ департаменту управленій. Все усилія департамента возбудить въ честныхъ торговцахъ и фабрикантахъ желаніе имѣть съ казною дѣло, останутся тщетными до тѣхъ поръ, пока управленія, отъ которыхъ зависигъ приемъ товаровъ, не получаютъ образованіе, болѣе согласное съ цѣлію ихъ учрежденія.

«Существенный недостатокъ въ опредѣлительныхъ и точныхъ штатахъ отдѣльныхъ командъ и отсутствие свода таблицъ обмундированія крайне затрудняли и продолжаютъ затруднять департаментъ, при повѣркѣ требованій командировъ, по предметамъ комиссаріатскаго довольствія. Департаментъ въ теченіе всего истекшаго года старался собрать всѣ необходимыя свѣдѣнія, чтобы привести въ ясность сію важную часть. Но огромный трудъ свода таблицъ обмундированія и штатовъ не могъ быть конченъ, хотя часть его уже готова. Въ теченіе нынѣшняго года департаментъ надѣется представить на утвержденіе начальства всѣ свои предположенія на счетъ правильнаго устройства и упрощенія порядка довольствія командъ мундирными матеріалами. Въ настоящее время должно сознаться, что неопредѣленность требованій, замѣченная и устраненная въ смѣтѣ Комиссаріатскаго департамента, еще вполне существуетъ въ требованіяхъ командировъ и отпускахъ комиссаріата.

«Необыкновенно продолжительная кампанія прошедшаго года обнаружила ясно всѣ недостатки существующаго порядка отчетности командировъ и всѣ затрудненія, съ которыми сопряжено точное соблюденіе всѣхъ предписанныхъ формъ оной. Въ видахъ улучшенія сей важной части, составленъ уже департаментомъ проектъ совершенно новаго устройства отчетности по расходу морской провпзій, и проектъ этотъ, ежели будетъ утверждать высшимъ начальствомъ, будетъ приведенъ въ исполненіе въ кампанію нынѣшняго года.

«По волѣ Его Императорскаго Высочества Управляющаго Морскимъ Министерствомъ, всѣ гг. Дивизіонные командиры представили замѣчанія свои о недостаткахъ по комиссаріатской и провіантной частямъ, замѣченныхъ ими въ продолженіе кампаніи прошедшаго года» *).

Кромѣ нечисленныхъ нами разнообразныхъ и въ высокой степени важныхъ донесеній, отчетовъ и списковъ по различнымъ отраслямъ Морскаго управленія, въ „отдѣлѣ оффиціальныхъ статей и извѣстій“ находимъ въ каждомъ номерѣ „Сборника“ по нѣскольку научнаго содержанія, изъ которыхъ назовемъ отчеты о опытахъ надъ Прикшинскимъ каменнымъ углемъ (№ 4-й, отд. II и № 8, вторая часть, отд. II); историко-статистическія описанія Ижорскихъ (№ 5-й, отд. II) и Александровскаго заводовъ (№ 7-й, отд. II), статья о Морскихъ бібліотекахъ Севастопольской (№ 3-й, отд. II) и Кронштадской (№ 6-й, отд. II).

Опыты, произведенные по приказанію Его Императорскаго Высочества Генераль-Адмирала Контръ-Адмираломъ фонъ Шанцемъ надъ Новгородскимъ прикшинскимъ каменнымъ углемъ, приводятъ къ слѣдующему выводу: „съ высушеннымъ Прикшинскимъ углемъ можно, въ случаѣ нужды, производить самыя простыя кузнечныя работы, не требующія сварки. Употребленіе его (сравнительно съ англійскимъ углемъ) сопряжено съ лишнею тратою времени и самаго топлива. Кромѣ того, Прикшинскій уголь можетъ производить на обрабатываемое желѣзо до нѣкоторой степени вредное вліяніе“ (№ 4, отд. II, стр. 310). При вопросѣ о распространеніи употребленія русскаго угля, возбужденномъ въ послѣднее время, выводы эти очень важны.

„Описаніе Адмиралтейскихъ Ижорскихъ заводовъ“, составлено г. подполковникомъ Швабе. На мѣстѣ нынѣшнихъ Ижорскихъ заводовъ были въ 1714 г., по указу Петра Великаго, устроены пыльные мельницы. Но объемъ этихъ заводовъ оставался незначительнымъ до начала текущаго столѣтія, когда положено основаніе настоящему ихъ устройству. Нынѣ Ижорскіе заводы

*) Морск. Сбор. 1855 г. № 2, отд. 11, стр. 227.

состоять изъ 13 различныхъ отдѣленій, какъ-то: мелотовые заводы, мѣдно-литейный и плющильный заводъ, якорный заводъ и проч.

Александровскій пушечный заводъ (въ Петрозаводскѣ) основанъ также Петромъ Великимъ, и сначала изготовлялъ ежегодно орудій по 40 тысячъ пудовъ, и снарядовъ до 60 тысячъ пудовъ. Нынѣ же производитъ онъ вдвое большее количество.

Морская Севастопольская библіотека была основана въ 1821 году командиромъ Черноморскаго флота, адмираломъ Грейгомъ. Въ 1834 году адмиралъ Лазаревъ предложилъ офицерамъ пожертвовать по одному проценту изъ жалованья на постройеніе для этой библіотеки отдѣльнаго зданія; предложеніе было единодушно принято, и на значительный капиталъ, составившійся такимъ образомъ, было построено, при пособіи отъ покойнаго Государя Императора Николая I, прекрасное зданіе, открытое въ 1844 году. Но черезъ восемь мѣсяцевъ послѣ открытія оно сгорѣло; тогда покойный Государь Императоръ благоволилъ пожаловать 52,000 р. сер. на постройеніе новаго зданія библіотеки, которое и было открыто въ 1850 году. Въ октябрѣ прошедшаго года библіотека содержала 8,300 сочиненій, на разныхъ языкахъ, въ 15,334 томахъ. На приобрѣтеніе новыхъ книгъ и поддержаніе заведенія употреблялось ежегодно до 5,600 р. сер. Она была средоточіемъ жизни всѣхъ офицеровъ въ Севастополѣ. Съ открытіемъ осады великолѣпное зданіе начало страдать отъ бомбъ, изъ которыхъ одна, пробивъ крышу, произвела пожаръ, который съ трудомъ былъ потушенъ. Тогда постоянный покровитель библіотеки, покойный Государь Императоръ, вновь благоволилъ пожаловать 25,000 р. сер. на ея исправленіе.

Флотская библіотека въ Кронштадтѣ, существующая съ 1832 года, составилось и поддерживается, подобно Севастопольской, вычетомъ одного процента изъ жалованья флотскихъ офицеровъ, ею пользующихся. По словамъ отчета, „съ появленіемъ въ Кронштадтѣ библіотеки, образъ жизни морскихъ офицеровъ много измѣнился: чтеніе и дѣльныя умственные занятія начали содѣлываться необходимою потребностію для молодыхъ людей, ее посѣщающихъ“. Къ 1 января текущаго года, библіотека эта заключала сочиненій на русскомъ языкѣ 7907; на французскомъ 1607; на англійскомъ 814 и на нѣмецкомъ 1560, на другихъ 44, всего 11,995 сочиненій и кромѣ того, богатую коллекцію географическихъ картъ.

Третій отдѣлъ „Сборника“,—Гидрографическій, введенъ въ это изданіе съ нынѣшняго года, и предназначенъ замѣнить собою „Записки Гидрографическаго Департамента“, издававшіяся прежде отдѣльнымъ журналомъ. Одна изъ рубрикъ этого новаго отдѣла, „Лоцманскія замѣтки“, также замѣняетъ собою издававшіяся прежде отъ Гидрографическаго Департамента отдѣльными книжками „Извѣстія о перемѣнахъ по Лоци“. Черезъ это соединеніе съ журналомъ, представляющимъ общій интересъ, статьямъ гидрографическимъ дается большій кругъ читателей, а „Лоцманскія извѣстія“, постоянно печатаемая въ изданіи, выходившемъ прежде ежемѣсячно, а въ послѣднее время (съ августа) даже по двѣ книжки въ мѣсяцъ, приобрѣтаютъ возможность своевременнѣе доходить до людей, которымъ необходимы эти свѣдѣнія.

Обширѣйшая изъ помѣщенныхъ въ гидрографическомъ отдѣлѣ статей—

„Карты лейтенанта Мори“ (№ 6, 7, 8). Въ нашихъ литературныхъ журналахъ довольно часто упоминалось объ этихъ картахъ, чрезвычайно важныхъ и для мореплаванія и для физической географіи; но „Морской Сборникъ“ первый сообщилъ о нихъ подробныя извѣстія. „Карты вѣтровъ и дождей“ лейтенантъ Мори успѣлъ издать пока еще только для Атлантическаго океана отъ экватора до 60° сѣверной широты. Поверхность океана раздѣлена въ нихъ на квадраты по 5° географической широты и долготы и для каждаго такого квадрата показано, какіе вѣтры и какъ часто дуютъ на этомъ пространствѣ въ теченіе каждаго изъ мѣсяцевъ года, какъ часто господствуютъ штилы, туманы, случаются бури и т. д. На основаніи этихъ картъ составлены для каждаго мѣсяца года „Лоцманскія карты“, по которымъ корабль, идущій изъ Европы въ Америку или обратно, можетъ, смотря по эпохѣ года, къ которой относится его плаваніе, выбрать для себя выгоднѣйшій путь, по которому найдетъ наиболѣе благопріятныхъ и наименѣе противныхъ вѣтровъ, избѣжить тумановъ и бурь, однимъ словомъ, быстрѣе и безопаснѣе, нежели по другимъ направленіямъ, достигнетъ своей цѣли. Сколько пользы приносятъ эти карты, уже доказано опытомъ; такъ, напримѣръ, корабли, слѣдующіе ихъ указаніямъ, сокращаютъ себѣ плаваніе отъ Соединенныхъ-Штатовъ до экватора во многихъ случаяхъ на цѣлыя двѣ недѣли. Еще значительнѣйшую пользу принесутъ приготовляемая къ изданію карты южной половины Атлантическаго океана и Тихаго океана. Не менѣе важны изданныя лейтенантомъ Мори карты пассатныхъ вѣтровъ, также морскихъ теченій и температуры воды на поверхности океана. Изъ соединенія фактовъ, указываемыхъ всѣми этими картами, составлены лейтенантомъ Мори общія „Путевыя карты“ для кораблей, переплывающихъ Атлантическій океанъ. Болѣе частное назначеніе имѣютъ его „Китоловныя карты“, указывающія, въ какіе мѣсяцы года и въ какихъ мѣстахъ океана наиболѣе встрѣчаются киты различныхъ породъ. Непосредственная цѣль всѣхъ этихъ трудовъ—польза мореплаванія; но съ тѣмъ вмѣстѣ они приводятъ къ многочисленнымъ выводамъ, имѣющимъ большую цѣну и для науки.

Въ первой половинѣ девятаго нумера помѣщенъ переводъ статьи самого лейтенанта Мори о лучшемъ средствѣ предотвратить столкновенія между кораблями на пути между Европою и Америкою; онъ предлагаетъ избрать отдѣльные пути для париходовъ, идущихъ изъ Европы и изъ Америки—тогда они будутъ внѣ опасности встрѣчаться между собою; а парусныя суда, которыя будутъ ходить въ полосѣ, лежащей между дорогами париходовъ, будутъ безопасны отъ встрѣчи съ ними.

Какъ бы введеніемъ къ изложенію трудовъ лейтенанта Мори служить статья „Новѣйшіе успѣхи гидрографіи“ (№ 6-й), излагающая преимущественно теорію теченій и приливовъ.

Кромѣ того, въ гидрографическомъ отдѣлѣ помѣщены слѣдующія статьи: Описаніе восточнаго берега Кореи (№ 1); Карта полуострова Кореи (№ 4); Замѣчанія о сѣверномъ Китайскомъ морѣ (№ 5); Портъ Сан-піо-Квинто на островѣ Камигупинѣ (№ 2); пояснительная записка въ картѣ низовьевъ Сыр-Дары (№ 2); Очеркъ береговъ Каспійскаго моря, г. Ивашинцова (№ 3); гидрографическіе труды Θ. Θ. Беллингаузена на Черномъ морѣ, г. Соко-

лова (№ 6); изслѣдованіе шторма, бывшаго на Черномъ морѣ 14 ноября 1854 г. (№ 8), г. Ивашинцова. Нѣкоторыя изъ этихъ статей, особенно Описанія Кореи, Низовьевъ Сыръ-Дарьи, Сѣверной части Китайскаго моря, и Каспійскаго моря и приложенныя къ нимъ карты имѣютъ несомнѣнную важность для науки. Изъ описанія „Библіотеки Гидрографическаго Департамента“ (№ 4) мы узнаемъ, что это богатое собраніе заключаетъ въ себѣ нынѣ до 11,189 сочиненій, въ 40,000 томахъ, и въ томъ числѣ много сочиненій, замѣчательныхъ по своей рѣдкости.

Четвертый отдѣлъ „Морскаго Сборника“ — учено-литературный, заключаетъ въ себѣ статьи, наиболѣе занимательныя для большинства читателей, и мы будемъ говорить о нихъ съ болѣе подробностями, нежели о статьяхъ гидрографическаго отдѣла, чисто специальныхъ. Въ девяти нумерахъ „Морскаго Сборника“ нами разсматриваемыхъ находимъ по этому отдѣлу очень много и очень разнообразныхъ сочиненій. Изъ біографическихъ разсказовъ о дѣятельности замѣчательныхъ сановниковъ нашего флота, мы назовемъ „Воспоминаніе о жизни и службѣ адмирала А. П. Авинова“ (№ 1); „Вице-адмиралъ М. И. Ратмановъ“ (№ 3); „Адмиралъ А. И. фонъ-Крузъ“ (№ 6); „Бригадиръ М. Л. Леонтьевъ“ (№ 8), „Адмиралъ Нахимовъ“ (№ 8), наконецъ очень подробную и интересную біографію адмирала Д. Н. Сенявина, составленную г. Арцимовичемъ (№№ 4 и 8). Начало этой біографіи особенно интересно потому, что въ нее внесены цѣлыя страницы изъ записокъ самого Сенявина о своей жизни. Приводимъ два или три небольшіе отрывка изъ этихъ записокъ:

«Батюшка самъ отвезъ меня въ (Морской) корпусъ, прямо къ майору Г—ву; они скоро ознакомились и скоро подгуляли. Тогда (около 1773 г.) было время такое, безъ хмѣльнаго ничего не дѣлалось. Распрощавшись межъ собой, батюшка сѣлъ въ сани, я поцѣловалъ его руку; онъ перекрестилъ меня, и сказавъ: „Прости, Митюха! спущень корабль на воду, отдавъ Богу на руки—пошелъ!“—и въ мигъ съ глазъ скрылся.

Мальчикъ началъ шалить и лѣниться, такъ что три года просидѣлъ въ одномъ классѣ; но пріѣхалъ въ Кронштадтъ его дядя, и принялъ мѣры къ исправленію 14-лѣтняго племянника: взявъ его къ себѣ, объяснилъ ему вредъ лѣности, а—

«Въ заключеніе криквулъ людей съ розгами, положилъ меня на скамейку, и высѣкъ препорядочно, прямо какъ родной; право, и теперь то помню, вѣчная ему память и вѣчная за то благодарность. Послѣ обласкавъ меня по прежнему, подарилъ конфетами и самъ проводилъ меня въ корпусъ, рѣшительно подтвердивъ на прощанье, чтобъ я выбралъ себѣ любое; либо учиться, либо каждую недѣлю будутъ мнѣ такія же сѣканціи. Возвратясь въ корпусъ, я призадумался; уже и рѣзвость на умъ нейдетъ, пришелъ въ классы, выучилъ скоро мои уроки; и дѣло пошло пзрядно.»

Но вотъ юноша произведенъ въ офицеры, и опредѣленъ на эскадру, крейсирующую у Португальскихъ береговъ. Она зимуетъ въ Лиссабонѣ, и молодой офицеръ припятъ въ хорошемъ обществѣ — здѣсь ожидаетъ его первая любовь:

«Въ этихъ собраніяхъ были всякій разъ двѣ сестры англичавки, по фамиліи П. Меньшая называлась Нанси; ей было около 15-ти лѣтъ. Мы другъ другу очень

правились. Я всегда просилъ ее танцовать; она ни съ кѣмъ почти не танцовала, кромя какъ со мной. Къ столу идти—я къ ней подхожу, или она ко мнѣ подбѣжитъ, и всегда вмѣстѣ. Она выучила по русски нѣсколько привѣтливыхъ словъ, и говорила со мной; я на другой разъ, выучивъ по англійски, отвѣчалъ ей прилично; и мы такъ свыклись, что послѣдній разъ на прощаньи очень и очень скучали, чуть ли не плакали.»

Черезъ нѣсколько времени Сенявинъ былъ уже адъютантомъ при адмиралѣ Макензи, которому помогаль въ работахъ при построеніи первыхъ укрѣпленій и здаій въ Севастополь. Приводимъ изъ его записокъ отрывокъ о посѣщеніи новооснованнаго порта и флота Императрицею Екатериною II.

«При вступленіи на катеръ, Государыня милостиво привѣтствуя людей, изволила сказать: «здравствуйте, друзья мои! Какъ далеко я ѣхала, чтобъ только видѣть васъ!» Тутъ матросъ Жаровъ (который послѣ былъ лучшей шкиперъ во флотѣ) отвѣтствовалъ ей: «Отъ Евдакой Матушки Царицы чего не можетъ статься!» (какъ хотите, такъ и разбирайте отвѣта матроса, едва знающаго читать да писать). Государыня оборотясь къ графу Войновичу сказала по французски, съ большимъ, какъ казалось, удовольствіемъ: «Кавіе ораторы твои матросы!» Гребцы были подобраны, какъ говорится, молодецъ къ молодцу: росту были не менѣе каждый десяти вершковъ, прекрасные лицомъ и собою, на правой стороны всѣ были блондины, а на лѣвой всѣ брюнеты. Одежда ихъ была: ранжевые атласные широкіе брюки, шелковые чулки, въ башмакахъ, тонкія полотняныя рубашки, галстухъ тафтяный того же цвѣта, пышно завязанъ; а когда люди гребли, тогда узелъ галстуха съ концами закинуть былъ на спину; фуфайка ранжевая тонкаго сукна, выложена разными узорами чернаго шнура (цвѣта ранжевый и черный означаютъ гербъ Императорскій); шляпа круглая съ широкимъ галуномъ съ кистями, и султаномъ страусовыхъ перьевъ. Катеръ блестѣлъ отъ позолоты и лаку. Прочіе капитанскіе катера выкрашены также наилучшими красками подъ лакъ. Гребцы были одѣты въ тонкія синяго сукна фуфайки; брюки шелковые полосатые; розовый платокъ или галстухъ и шляпы съ пезументами. Люди на ряяхъ поставлены были въ лѣтнемъ платьѣ: фуфайки и широкіе брюки бѣлые, шелковый галстухъ, круглыя шляпы и въ башмакахъ; кушаки были, по кораблямъ, разныхъ цвѣтовъ, на подобіе лентъ георгіевскихъ, владимірскихъ. За единообразіемъ въ то время, не гнались, было бы только пристойно и хорошо. Лишь только катеръ съ Государыней отвалилъ отъ берега и показался штандартъ, въ то самое время съ судовъ всего флота и крѣпостей салютовано съ каждаго по 101 выстрѣлу. Потомъ Государыня прибыла противу середины флота, салютовано въ другой разъ. Наконецъ по прибытіи Императрицы къ пристани, во снятіи штандарта, салютовано въ третій разъ по стольку же выстрѣловъ. День ясный, клонился къ вечеру; теплота воздуха охлаждалась легкимъ вѣтромъ съ моря и все это вмѣстѣ привѣтствовало шествіе Государыни навеликолѣпнымъ образомъ. По прибытіи Ея Величества во дворецъ, Генералитетъ, Штабъ и Оберъ офицеры были представлены и всѣ удостоены руки Ея Величества. Я нахотился въ это время на кораблѣ и былъ занятъ нѣкоторыми распоряженіями и потому представленъ часа съ два спустя, особо. Когда я цѣловалъ руку Государыни, тогда князь Григорій Александровичъ сказалъ нѣсколько словъ въ пользу мою; Ея Величество изволила подать мнѣ другую руку и сказала: «Вотъ ему въ другой разъ и другая рука за хорошую его службу.» Я не могу выразить тогдашній мой восторгъ, а скажу только, всѣ послѣдующія въ жизни моей награжденія никакъ уже сравнятся съ нимъ не могли.»

Во время осады Очакова, Сенявинъ былъ отправленъ къ Синопу, чтобъ этою диверсіею отвлечь турецкій флотъ на южную часть Чернаго моря; потомъ, въ ту же вторую турецкую войну, съ успѣхомъ дѣйствовалъ противъ

турокъ въ Архипелагѣ. Но громкую славу приобрѣли ему смѣлые подвиги у итальянскихъ береговъ въ войну съ французами 1805 года. Въ разсказѣ г. Арцымовича сообщены о нихъ нѣкоторыя новыя подробности, заимствованныя изъ официальныхъ донесеній, хранящихся въ архивѣ Морского Министерства.

Кромѣ біографій, въ „Морскомъ Сборникѣ“ помѣщено много статей, относящихся къ исторіи нашего флота. Изъ нихъ значительнѣйшія: „Плѣнь въ Англіи корвета Спѣшный и транспорта Вильгельмина“, г. Шульца (№ 1). „Обзоръ дѣйствій на морѣ въ теченіе настоящей войны“, г. Шестакова (№ 2). „Очеркъ плаванія транспорта Нѣманъ“, г. Шульца (№ 3); „Исторія русскихъ призовъ“, кн. Дм. Эр. (№ 6, 7, 8 и 9); „Артиллерійское дѣло при устьѣ Наровы, 6-го іюня 1855 года“, г. Лаврова (№ 9); „Нѣсколько свѣдѣній объ основаніи Кронштадта“, г. Стрещеля (№ 8); „Храмъ Богоявленія, существовавшій въ Кронштадтѣ“ (№ 8); „Объ учрежденіи и измѣненіяхъ въ устройствѣ Адмиралтействъ-Коллегіи“, гр. Д. Толстаго (№ 6); „Охтенскія адмиралтейскія селенія“ г. Мансурова (№ 2). Изъ этихъ статей особенно интересна исторія Адмиралтействъ-Коллегіи.

По регламенту, изданному въ 1722 году, члены этой коллегіи выбирались „изъ старыхъ или увѣчныхъ флагъ-офицеровъ, которые мало удобны уже къ службѣ воинской“. На половину это были иностранцы, незнавшіе русскаго языка—обстоятельство, вынуждавшее у нихъ иногда очень оригинальныя признанія. Такъ, напримѣръ, вице-президентъ коллегіи, вице-адмиралъ Крюйсъ, далъ оберъ-секретарю Тормасову слѣдующее формальное предписаніе: „Всѣ письма, которыя въ докладъ благородному Коллегію надлежатъ, смотрѣть самому (т. е. Тормасову), дабы все управлять, какъ Его Царскаго Величества указъ повелѣваетъ; понеже я (т. е. Крюйсъ) руссійскому языку недоволенъ, а и чрезъ письменный переводъ мнѣ пользы не будетъ, для того, что я приказному поведенію незаобычаенъ; того ради вамъ всѣ дѣла напередъ прочитать и о томъ тебѣ самому докладывать, а мимо тебя другимъ ни же съ какими дѣлами къ намъ не подходить; а которые указы, приговоры и выписки противны Его Царскаго Величества указу явятся, и въ томъ тебѣ меня хранить; и... ежели какія дѣла хотя въ маломъ чемъ явятся противны Его Царскаго Величества указамъ, регламентамъ и регуламъ, а я въ невѣдѣніи оныя въ несмотрѣніи твоемъ закрѣплю, то взыщется на васъ. И сей указъ записать въ книгу“. Несмотря на преобразование Коллегіи въ 1732 году, прежній порядокъ дѣлъ, по которому, за старостію членовъ коллегіи, всѣмъ управляли низшіе чиновники, продолжалъ существовать до Екатерины II, какъ видимъ изъ списка членовъ, составленнаго для Императора Петра III по запросу: „кто изъ нихъ въ службѣ быть способенъ, и кто зачѣмъ неспособенъ?“ Отвѣты были такого рода: о президентѣ Коллегіи, князѣ Голицынѣ: „За старостію лѣтъ и болѣзнями, болѣе трехъ лѣтъ въ коллежское присутствіе не пріѣзжаетъ, и по своему чину должности отправлять уже не въ состояніи“; объ адмиралѣ Мишуковѣ: «Нынѣ собранію Коллегіи объявилъ, что за старостію на морѣ служить не можетъ; а въ адмиралтейскомъ регламентѣ напечатано: въ Коллегіи члены обыкновенно выбираются изъ старыхъ или увѣчныхъ, ко-

торые мало удобны уже къ службѣ воинской, по силѣ котораго и слѣдовало бы ему присутствовать въ Коллегіи; но за глубокою старостию и дряхлостію и ту должность отправлять признается не въ силахъ» и т. д. При Екатеринѣ составъ Адмиралтейской Коллегіи былъ упрощенъ; со времени же учрежденія Морскаго Министерства (1805) она сдѣлалась только совѣщательнымъ собраніемъ при министрѣ.

По теоріи кораблестроенія и мореходства помѣщено въ учено-литературномъ отдѣлѣ «Морскаго Сборника» болѣе десяти статей, изъ которыхъ назовемъ: «Проектъ комплекта гребныхъ судовъ для 80-пушечнаго корабля», контръ-адмирала фонъ-Шанца (№ 7); по части исторіи и теоріи военнаго искусства «Объ ударныхъ трубкахъ для разрывныхъ артиллерійскихъ снарядовъ», г. Константинова (№ 2) и «Послѣдовательныя усовершенствованія ручнаго огнестрѣльнаго оружія», его же (№ 7). Изъ послѣдней заимствуемъ подробности, относящіяся къ штуцерамъ.

При гладкоствольномъ оружіи (т. е. безъ нарѣзокъ въ стволѣ) необходимо значительный зазоръ (т. е. пустое пространство между пулею и стѣнками ствола); по причинѣ зазора, пуля подвергается не центральному давленію пороховыхъ газовъ: часть газовъ, которая прорывается между поверхностью пули и внутреннею поверхностью канала ствола, производитъ вращательное движеніе пули, неправильность котораго усиливается толчками пули о стѣны канала ствола, и послѣ вылета ея изъ ствола увеличивается сопротивленіемъ воздуха отъ неправильной формы пули, въ которой центр тяжести не совпадаетъ съ центромъ фигуры. Такимъ образомъ пуля на полетѣ перевертывается и мѣняетъ свое направленіе самымъ неправильнымъ образомъ. Для предотвращенія этихъ неправильностей, ослабляющихъ силу выстрѣла и дѣлающихъ невозможнымъ вѣрный прицѣлъ, единственное средство — сообщить пулѣ правильное винтообразное движеніе по оси, которая совпадаетъ съ линіею полета ея. Съ этою цѣлью еще въ концѣ XV вѣка вѣнскій оружейникъ Гаспаръ Цоллеръ сталъ нарѣзывать въ стволѣ винтовья дорожки, которыя сообщаютъ пулѣ винтообразное круженіе и доставляютъ слѣдующія выгоды: ими отстраняется всякая неправильность вращенія пули на полетѣ, и пуля правильно вертятся вокругъ оси своего полета, становится какъ бы совершенно правильно выточенною, такъ что на полетѣ центръ ея тяжести совпадаетъ съ центромъ ея фигуры, вокругъ котораго она вертится; кромѣ того, по отсутствію зазора, сила пороха не тратится, и пуля летитъ сильнѣе и дальше. Но заряданіе такого оружія (винтовокъ) требовало столькихъ хлопотъ и времени, что оно доселѣ употреблялось только для охоты и стрѣльбы въ цѣль; въ битвахъ, гдѣ нужно заряжать легко и поспѣшно, винтовки могли только затруднять солдата. Но пуля, придуманная французскимъ капитаномъ Минье, устранила это неудобство: ея ружье съ внутренними нарѣзками заряжается такъ же легко и удобно, какъ простое ружье простою пулею. Она, какъ извѣстно, имѣетъ коническій видъ, и на толстомъ (заднемъ) концѣ ея сдѣлано углубленіе, въ которое вставляется чашечка изъ листового желѣза. Сила выстрѣла вгоняетъ эту чашечку внутрь углубленія, и довольно тонкія стѣнки пули, образующія это углубленіе, расширяются отъ напора чашечки, такъ что самымъ плотнымъ образомъ вдавливаются въ нарѣзки ствола и при-

легаютъ къ его стѣнкамъ, между тѣмъ, какъ до этого расширенія пуля могла двигаться по стволу свободно, и слѣдовательно, зарядить ея ружье было совершенно легко. Это простое, но важное изобрѣтеніе дало возможность вооружить войска нарѣзнымъ оружіемъ, имѣющимъ всѣ достоинства охотничьихъ винтовокъ, но могущимъ посылать одинъ выстрѣлъ за другимъ такъ же быстро, какъ прежнія простыя ружья.

Намъ остается теперь, упомянувъ о прекрасномъ описаніи Пулковской Обсерваторіи г. Савича (№ 8), перейти къ рассказамъ о путешествіяхъ, принадлежащимъ къ числу лучшихъ статей «Морскаго Сборника». Оригинальныя статьи этого содержанія, помѣщенныя въ книжкахъ нынѣшняго года, почти всѣ относятся къ плаванію экспедиціи, которую снаряжало Русское Правительство съ цѣлью убѣдить японцевъ открыть свои порты европейской торговлѣ. Введеніемъ къ ряду этихъ интересныхъ отрывковъ служить прекрасная статья Зибольда «Дѣйствія Россіи и Нидерландовъ къ открытію Японіи для торговли всѣхъ народовъ» (№ 3); карта Японіи, приложенная къ этой статьѣ, очень любопытна потому, что есть снимокъ съ карты, составленной и гравированной японскими учеными. Въ слѣдующихъ нумерахъ «Сборника» помѣщены три статьи г. Гончарова: «Замѣтки на пути отъ Мавиллы до береговъ Сибири» (№ 5); «Изъ Якутска» (№ 6) и «Русскіе въ Японіи» (№ 9). Хвалить эти статьи, написанныя съ всегдашнимъ талантомъ автора «Обыкновенной Исторіи», мы считаемъ совершенно излишнимъ, точно также какъ и замѣчать, что литературныя достоинства ихъ возвышаются малозвѣстностью тѣхъ странъ, которыя описываетъ г. Гончаровъ. Корея, о которой преимущественно говорится въ первомъ отрывкѣ изъ записокъ русскаго путешественника, была посѣщаемая европейцами едва ли не рѣже, нежели даже самая Японія; а Якутскъ, о которомъ рассказываетъ г. Гончаровъ въ другой статьѣ, извѣстенъ, кажется, гораздо менѣе Нагасаки. Мы позволяемъ себѣ привести здѣсь одинъ отрывокъ изъ прекрасныхъ записокъ г. Гончарова, — рассказъ о визитѣ къ нагасакскому губернатору для торжественной передачи депешъ.

«Что это? откуда я? гдѣ быть, что видѣлъ и слышалъ? Прожилъ ли одинъ часъ изъ тысячи одной ночи, просидѣлъ ли въ волшебномъ балетѣ, или такъ мелькнулъ передъ нами одинъ изъ тѣхъ калейдоскопическихъ узоровъ, которые мелькнутъ разъ въ воображеніи, поразятъ своею яркостью, невозможностью, и пропадутъ безъ слѣда?

«Вы конечно бывали во всевозможныхъ балетахъ, видали много картинъ въ восточномъ вкусѣ, и потомъ забывали, какъ минутную мечту, какъ вздорный сонъ, прервавшій строгую думу, оторвавшій васъ отъ настоящей жизни? Ну, а еслибъ вдругъ вамъ сказали, что этотъ балетъ, эта мечта, узоръ, сонъ — не балетъ, не мечта, не узоръ и не сонъ, а чистѣйшая дѣйствительность? — «Гдѣ нибудь на островахъ, у Излера?» возразите вы. Да, на островахъ конечно, но не у Излера, а у Овосавы Вунгоно Камн Сама, Нагасакскаго губернатора. Мы сейчасъ отъ него. Не подумайте, чтобъ тамъ поразила насъ какая нибудь пелѣная пестрога, отъ которой глазамъ больно, груди яркихъ тканей, драгоценныхъ камней, ковровъ, арабески, все, что называютъ восточною роскошью, — нѣтъ, этого ничего не было. Напротивъ все просто, скромно, даже бѣдно, но все страшно, ново; что шагъ, то небывалое для насъ.

«Еще 5, 6 и 7 сентября ежедневно ѣздили къ намъ гокейны договариваться о церемоніалѣ нашего посѣщенія. Вы тамъ, въ Европѣ, хлопчете въ эту минуту о томъ,

быть или не быть, а мы цѣлые дни блись надъ вопросами — сидѣть или не сидѣть, стоять или не стоять, потому какъ и на чемъ сидѣть и т. п. Японцы предложили сидѣть по своему, на полу, на пяткахъ. Ставьте на колѣни и потомъ садьте на пятки—вотъ это и значить сидѣть по японски. Попробуйте, увидите, какъ ловко: пяти минутъ не просидите,—а японцы сидятъ по нѣскольку часовъ. Мы объявили, что не умѣемъ, такъ сидѣть, а вотъ не хочетъ ли губернаторъ сидѣть по нашему, на креслахъ. Но японцы тоже не умѣютъ сидѣть по нашему, а кажется, чего проще?— съ непривычки у нихъ затекаютъ ноги. Припомните какъ угощали другъ друга *Журавль и Лисица* — это буквально одно и тоже. На другой день, рано утромъ, явились японцы, среди дня опять японцы и къ вечеру они же. То и дѣло прѣзжаетъ ихъ длинная, широкая лодка, съ шелковымъ хвостомъ на носу, съ разрубленной кормой. Это младшіе *толки* ѣдутъ сказать, что сейчасъ будутъ старшіе *толки*, а тѣ возвращаются уже о прибытіи *гокейнсовъ*. Зачѣмъ еще? «Да все о церемоніаль!» — «Опять?» — Мѣтніе губернатора привезли.» — Ну?» — «Губернаторъ просить, нельзя ли на полу-то вамъ посидѣть?..» началъ со смѣхомъ и ужимками Кичибе.

«Онъ воротясь изъ Едо, куда былъ посланъ, кажется, чтобы присутствовать при переговорахъ съ американцами, замѣнилъ Льюда и Садагору, какъ старшій.— „Ахъ, ты, Боже мой! вѣдь сказали, что не сядемъ, не умѣемъ, и платя у насъ не такъ шиты, и тяжело намъ сидѣть на пяткахъ...“ — «Да вы садьте хоть не на пятки, а прогните ноги куда нибудь въ сторону...» — «Не оставятъ ли ихъ на фрегатѣ?» ворчали у насъ и наконецъ разсердились. Мы объявили, что привеземъ свои кресла и стулья и сядемъ на нихъ, а губернаторъ пусть сидитъ, на чемъ и какъ хочетъ.—Кичибе, Льюда и Садагора, всѣ поникли головой, но потомъ согласились. Все это говорили они намъ въ капианской каютѣ. Адмиралъ объявилъ имъ утромъ свой отвѣтъ и, узнавъ, что они вечеромъ прѣхали опять съ пустяками, съ объясненіями о томъ, какъ сидѣть, уже ихъ не принялъ, а поручилъ разговаривать съ ними намъ. „Да вотъ еще, просили они: губернаторъ желалъ бы угостить васъ, такъ просить принять завтракъ.“ — «Съ удовольствіемъ», приказалъ сказать Адмиралъ.—» Послѣ разговора о дѣлахъ, продолжалъ Кичибе, губернаторъ поѣдетъ къ себѣ *отдохнуть*, и вы тоже пойдете отдохнуть въ другую комнату, прибавилъ онъ, вертясь на стулѣ и судорожно смѣясь, да и.. позавтракаете.» — «Одни? спросили его: вы никакъ съ ума сошли? У насъ въ Европѣ этого не дѣлается.» — «По японски это весьма употребительно, сказали они, мы такъ всегда»... Но кажется глали: они хотѣли подражать Адмиралу, который велѣлъ приготовить въ первое свиданіе завтракъ для гокейнсовъ и поручилъ намъ угощать ихъ, а самъ не присутствовалъ.—Боже мой, сколько просьбъ, моленій! Кичибе вертѣлся, суетился, судорожно хохоталъ у него по вискамъ лились потоки испарины. Льюда кланялся, улыбался, какъ только могъ хуже. Суровый Садагора, и тотъ ослабилъ. Но мы были непреклонны. Всѣ *толки* опечалились. Со вздохомъ перешли они потомъ къ другимъ вопросамъ, напримѣръ къ тому, въ чьихъ шлюпкахъ мы поѣдемъ, и опять начали усердно предлагать свои, говоря, что они этимъ хотятъ выразить намъ уваженіе. Но мы уклонились и сказали, что у насъ много своихъ. Опять упрашиванья съ ихъ стороны, отказъ съ нашей; у нихъ вытянулись лица. Все это такія мелочи, о которыхъ странно бы было спорить, еслибъ онѣ не вели за собой довольно важныхъ послѣдствій. Уступка ихъ настояніямъ въ пустякахъ могла дать имъ поводъ требовать уступокъ и въ серьезныхъ вопросахъ и пожалуй, въ нѣкоторой заносчивости въ сношеніяхъ съ нами.»

«У насъ стали думать, чѣмъ бы оказать имъ вниманіе, чтобы смягчить отказы, и придумали шить легкіе полотняные или коленкоровые башмаки, чтобы надѣть ихъ сверхъ сапогъ, входя въ японскія комнаты. Это—восточный обычай скидать обувь, и японцамъ конечно должно понравиться, что мы не хотимъ топтать ихъ пола, на которомъ они ѣдятъ, нуютъ и лежатъ. Пошла суматоха. Надо было въ сутки шить, разумѣется на живую нитку, башмаки. Всѣхъ заняли, кто только умѣлъ держать въ рукахъ иглу. Судя потому, какъ плохо были шиты мои башмаки, я подозреваю, что ихъ шилъ самъ Оадѣвевъ, хотя онъ и обѣщаль дать шить паруснику. Нѣкоторые изъ насъ подумывали было ѣхать въ калошахъ, чтобы было что снять при входѣ въ ком-

нату, но для одисобразія, послѣдовали общему примѣру. Впрочемъ я, пожалуй не прочь бы и сапоги снять, даже съѣсть на полъ, лишь бы присутствовать при церемоніи. Вечеромъ, видимъ опять ѣдутъ японцы. — Который это разъ! «За чѣмъ?» — «Да все о церемоніаль.» — Что еще?» — «Губернаторъ проситъ, нельзя ли вамъ угоститься безъ него: такъ выходитъ хорошо по японски, говоритъ Кичибе. «А по русски не выйдигъ», отвѣчаютъ ему. Начались поклонны и упрощиванья. «Ну хорошо, скажите имъ, приказалъ объявить Адмиралъ, узнавъ, за чѣмъ они пріѣхали:—что пожалуй они могутъ подать чай, такъ какъ это ихъ обычай, но чтобъ о завтракъ и помину не было.» Японцы обрадовались и тому, особенно Кичибе: видно, ему приказано отъ губернатора непременно устроить, чтобъ мы приняли завтракъ; губернатору конечно предписано отъ Горочю, а этому отъ Сіогуна.—«Еще губернаторъ, началъ Кичибе, проситъ на счетъ шлюпокъ: нельзя ли вамъ ѣхать на нашей...» — «Нельзя», коротко и сухо отвѣчено ему. Стали потомъ договариваться о свитѣ, о числѣ людей, о караулѣ, о носилкахъ, которыхъ требовали для всѣхъ офицеровъ непременно, и обо всемъ надо было спорить почти до слезъ. О музыкѣ они не сдѣлали, противъ ожидавша, никакого возраженія: вѣроятно всѣмъ, въ томъ числѣ и губернатору, хотѣлось послушать ее. Уѣхали. На другой день, 8-го числа, явились опять, попробовали, по обыкновенію, настоять на угощеніи завтракомъ, также на томъ, чтобъ ѣхать на ихъ шлюпкахъ, но напрасно. Имъ очень хотѣлось настоять на-этомъ, конечно за тѣмъ, чтобъ показать народу, что мы *не ѣдемъ сами а насъ везутъ*, словомъ, что чужіе въ Японіи воли не имѣютъ. Потомъ переводчики попросили изложить по голландски всѣ пункты церемоніала и отдать бумагу имъ, для доставленія губернатору. Имъ сказано, что бумага къ вечеру будетъ готова и чтобъ они пріѣхали за ней, но они объявили, что лучше подождутъ. Я ушелъ обѣдать, а они все ждали, потомъ легъ спать, опять пришелъ, а они не уѣзжали, и такъ прождали до ночи. Имъ дали на ютѣ обѣдать и П. обѣдалъ съ ними. Нужды нѣтъ, что у нихъ не ѣдятъ мяса, а они ѣли у насъ пирожки съ говядиной и супъ съ курицей. Велѣли привести съ лодокъ и свой обѣдъ, между прочимъ рыбу, жареную, *пресованную* и разрѣзанную правильными-кусочками. К. Н. П. говоритъ, что это хорошо. Не знаю, правдали: онъ, въ дѣлѣ гастрономіи, такой снисходительный. Они уѣхали сказавъ, что свиданіе назначено завтра, 9 числа, что *рентмейстеръ* первый послѣ губернатора чиновникъ въ городѣ, и два губернаторскихъ секретаря пріѣдутъ извѣстить насъ, что губернаторъ готовъ принять. Мы назначили ему 10 часовъ утра. Тутъ они пустились въ разговоры, какъ примемъ, гдѣ посадимъ чиновниковъ.—«На креслахъ, на диванѣ, на полу: пусть садутъ гдѣ хотять, на право, на лѣво, пусть влѣзутъ хоть на столъ, сказано имъ.—«Нельзя ли нарисовать, какъ они будутъ сидѣть?» сказалъ Кичибе. Ну, сдѣлайте милость: скажите, что дѣлать съ такимъ народомъ? А надо говорить о дѣлѣ: дай Богъ терпѣніе! Вотъ что значить запереться отъ всѣхъ: незамѣтно въ дѣтство впадешь. Настало вожделенное утро—мы цѣлый мѣсяцъ здѣсь: знаемъ подробно японскихъ свиней, оленей, даже раковъ, не говоря о самихъ японцахъ, а о Японіи еще ничего сказать не могли.

«Но я забылъ, что насъ ждетъ Овосава Бунгона Ками Сама, Нагасакскій губернаторъ. Мы остановились на крыльцѣ, а караулъ и музыканты на дворѣ. Въ сѣняхъ, или первой комнатѣ, устланой бѣлыми цыновками, мы увидѣли и нашихъ переводчиковъ. Впереди всѣхъ былъ Кичибе. Ужъ онъ маялся отъ нетерпѣнія, ему, повидимому, давно хотѣлось очнуться отъ своей неподвижности, посуетиться, подвигаться, пошумѣть и побѣгать. Только что мы на крыльцо, онъ вскочилъ, началъ кланяться, скалилъ зубы и усердно показывалъ рукой на амфиладу комнатъ, приглашая идти. Тутъ началась церемонія надѣванья коленкоровыхъ башмаковъ. Мы натаскивали, натаскивали съ Өадѣвымъ, едва натащили. Я не узналъ Өадѣва: весь въ красномъ, въ лавреѣ, въ стоячемъ воротникѣ, а лицо на сторону—неподражаемъ. Онъ числился при адмиральской каютѣ, съ откомандированіемъ, для прислуги, ко мнѣ.

Мы пошли по комнатамъ: съ одной стороны заклеенная, вѣсто стеколъ, бумагой рама доходила до полу, съ другой подвижныя бумажныя разрисованныя, и всяма

недурно, или сдѣланныя изъ позолоченной и посеребренной бумаги, ширмы, такъ что не узнаешь, одна ли это огромная зала, или нѣсколько комнатъ. Въ глубинѣ крѣпятся сидѣли, въ нѣсколько рядовъ, тѣсной кучей, на пяткахъ, человѣческія фигуры, въ богатыхъ платьяхъ, съ комическою важностію. Ни бровь, ни глазъ не шевелились. Не слышно и не видно было, дышутъ ли эти фигуры, живыя ли они наконецъ? и сколько ихъ! Вотъ цѣлые ряды въ большой комнатѣ, вотъ двѣ только массивныя фигуры сѣдыхъ стариковъ, въ маленькомъ проходѣ, далѣе опять длинныя шеренги. Тутъ и молодые и старыя, съ густыми и жиденькими косичками, похожими на крысій хвостъ. Какія лица, какія выраженія на нихъ! Ни одна фигура не смотритъ на насъ, не слѣдитъ съ жаднымъ любопытствомъ за нами, а вѣдь этого ничего не было у нихъ 40 лѣтъ, и почти никто изъ нихъ не видалъ другихъ людей, кромѣ подобныхъ себѣ. Между тѣмъ всѣ они устали глаза въ стѣну, или въ полъ, и кажется, побились объ закладъ о томъ, кто сдѣлаетъ гримасу глупѣе. Всѣ болѣе или менѣе, уснѣли въ этомъ, многіе конечно неумышленно. Общій видъ картины былъ невыразимъ. Я былъ, какъ вельзя болѣе, доволенъ этимъ страннымъ, фантастическимъ зрѣлищемъ. Тишина была идеальная. Раздавались только наши шаги. «Башмаки, башмаки!» слышу вдругъ чей-то шепотъ. Гляжу—на мнѣ сапоги. А гдѣ башмаки? «Еще за три комнаты оставилъ», говорятъ мнѣ. Я увлекся и незамѣтилъ. Я назадъ: въ самомъ дѣлѣ башмаки лежатъ на полу. Сидѣвшія въ этой комнатѣ фигуры продолжали сидѣть также смиренно и безъ насъ, какъ при насъ; они и не взглянули на меня. Договаю товарищей, но отсталыхъ не я одинъ: то тотъ, то другой наклонится и подбираетъ башмаки. Наконецъ входимъ въ залу, свѣтлѣе и больше другихъ, съ голыми стѣнами, или ширмами, только справа въ стѣнѣ стоялъ въ нишѣ золоченный большой лукъ. Знакъ ли это губернаторскаго сана, или такъ, украшеніе—я добиться не могъ. Зала, какъ и всѣ прочія комнаты, устлана была до того мягкими пыловками, что идешь какъ по тюфяку. Здѣсь эффектѣ спящихъ на полу фигуръ была еще ярче. Я насчиталъ ихъ тридцать. Въ одно время съ нами показался въ залу и Овосава Вунгоно Ками Сама, высокій, худощавый мужчина, лѣтъ пятидесяти, съ важнымъ строгимъ и довольно умнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Овосава—это имя, Вунгоно—нѣчто въ родѣ фамилии, которая кажется дается, какъ и въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ, отъ владѣній, помѣстьевъ, или земель, по крайней мѣрѣ такъ у высшаго сословія. Частица *но* повторяется въ большей части фамилій и есть, кажется, ничто иное, какъ грамматическая форма. *Ками*—почетное названіе, въ родѣ нашего *и кавалеръ*; *Сама*—господинъ, титулъ прибавляемый сюда именъ всѣхъ чиновныхъ лицъ.

«Мы взаимно расклаивались. Кланаясь, я случайно взглянулъ на ноги—проклятыхъ башмаковъ нѣтъ какъ нѣтъ. Они лежатъ подлѣ сапогъ. Опираясь на руку В. К., которую онъ протянулъ мнѣ изъ состраданія, я съ трудомъ напялил ихъ на ноги. «Не хорошо!» прошепталъ чуть слышно В. и засмѣялся, слышнымъ только мнѣ да ему, смѣхомъ, похожимъ на кашель. Я вмѣсто отвѣта, показалъ ему на его ноги: онѣ были безъ башмаковъ. «Не хорошо», прошепталъ я въ свою очередь. А между тѣмъ губернаторъ, послѣ первыхъ привѣтствій, просилъ передать ему письмо, и, указывая на стоявшій на маленькомъ столикѣ, малевкій же, лакированный ящикъ, предложилъ положить письмо туда. Тутъ бы слѣдовало, кажется, говорить о дѣлѣ, но губернаторъ просилъ прежде *отдохнуть*, Богъ вѣдаетъ отъ какихъ подвиговъ, и потомъ уже возобновить разговоръ, а самъ скрылся. Первая часть свиданія прошла, по уговору, стоя. Въ *отдыхальнѣ*, какъ мы прозвали комнату, въ которую насъ повели и черезъ которую мы проходили, не было никого, сидящія фигуры убралась вонъ. Тамъ стояло привезенное съ нами кресло и четыре стула. Мы тотчасъ же и расположились на нихъ. А кому недостало, тѣ присутствовали тутъ же, стоя. Нечего и говорить, что пришелъ въ *отдыхальню* безъ башмаковъ: они остались въ пріемной залѣ, куда я долженъ былъ сходить за ними. Наконецъ я положилъ ихъ въ шляпу и дѣло такъ и осталось. За нами вслѣдъ, шумной толпой, явились знакомя лица, переводчика, они ринулись на полъ и въ три ряда усѣлись, по своему. Мы завели съ ними разговоръ. «У васъ стеколь нѣтъ вовсе въ рамахъ?» спросилъ К. Н. П. «Нѣтъ». Молчаніе.

«У васъ всё дома въ одинъ этажъ, или бываетъ въ два этажа»? спрашивалъ П. «Бываетъ въ два», отвѣчалъ Кичибѣ и поглядѣлъ на Льоду. «И въ три», сказала тотъ и поглядѣла на Садагору. «Бываетъ тоже и въ пять», сказала Садагору. Мы засмѣялись. «Часто у васъ бываютъ землетрясенія?» спросилъ П. «Да бываютъ», отвѣчала Садагору, глядя на Льоду. «Какъ часто, въ 10, или въ 20 лѣтъ?» — «Да, и въ 10, и въ 20 лѣтъ бываетъ», сказалъ Льода, поглядывая на Кичибѣ и на Садагору. «Горы раздѣляются и дома падаютъ», прибавилъ Садагору. И въ этомъ тонѣ продолжался разговоръ.

Вдругъ изъ дверей явились, одинъ за другимъ, двѣнадцать слугъ, по числу гостей каждый несъ обѣими руками чашку съ чаемъ, но безъ блюдечка. Подойдя къ гостю, слуга ловко падалъ на колѣни, кланялся, ставилъ чашку на полъ, за неимѣнiемъ столовъ и никакой мебели въ комнатахъ, вставалъ, кланялся и уходилъ. Ужасно неловко было тивуться со стула къ полу въ нашемъ платьѣ. Я протягивалъ, то одну, то другую руку, и насилу досталъ. Чай отличный, какъ желтый китайскій. Онъ густъ, крѣпокъ и ароматенъ, только безъ сахара. Опять появились слуги: каждый несъ приборъ, лакированную, деревянную подставку, съ трубкой, табакомъ, малепькой глиняной жаровней, съ горячими углями и пепельницей, и тѣмъ же порядкомъ ставили передъ нами. Съ этимъ еще было труднѣе возиться. Японцамъ хорошо, сидя на полу и въ просторномъ платьѣ, продѣлывать всё эти штуки, набивать трубку, закуривать уголь, вытряхивать пепель, а намъ каково со стула? Я опять вспомнилъ угощенiе *Лисицы* и *Журавля*. Хотя табакъ японскій былъ намъ уже извѣстенъ, но мы сочли долгомъ выкурить по трубкѣ, если только можно назвать трубкѣ эти наперстки, въ которые не помѣстится щепотъ нюхательнаго, не то что курительнаго табаку. Кажется я выше сказалъ, что японскій табакъ чрезвычайнo мягокъ и крошится длинными волокнами. Онъ такъ мелокъ, что въ пакѣ съ перваго взгляда похожъ на кучу какой-то темно-красной пыли. Трудно было нагнуться со стула къ жаровнѣ, стоявшей на полу: я хотѣлъ взять уголь рукой, но роль Сцеволы оказалась не по мнѣ и я уронилъ уголь на цыновку; надо было проворно поднять его, чтобъ не испортить цыновки, и положить въ жаровню, потомъ дуть на пальцы. Я проклялъ журавлинное угощенiе.

«Кичибѣ суетился: то побѣжить въ приемную залу, то на крыльцо, то опять къ намъ. Между прочимъ онъ пришелъ спросить, можно ли позвать музыкантовъ *отдохнуть*. «Хорошо, можно» отвѣчали ему и въ то же время послали офицера предупредить музыкантовъ, чтобы они больше одной рюмки вины не пили.

«Только что мы перестали курить, явились опять слуги, каждый съ деревяннымъ, гладко отесаннымъ и очень красивымъ, хотя и простымъ ящичкомъ. Поставили передъ нами по ящичку: кто постарше, тѣмъ на ножкахъ, прочимъ безъ ножекъ. Открываемъ—конфекты. Вольшой кусокъ чего-то въ родѣ торта, потомъ густое, какъ тѣсто, желе, сложенное въ видѣ сердечка. Далѣе рыбка, изъ дряннаго сахара, крашенная и намазанная какимъ-то масломъ. Наконецъ мелкія сухія конфекты: обсахаренные плоды и между прочимъ морковь. Не правда ли, отчаянная смѣлость въ дѣлѣ кондитерскаго искусства? А ничего, не дурно: если, на основанiи извѣстной у насъ въ народѣ поговорки, можно «съѣсть и обсахаренную подошву», то морковь конечно и подавно! Да, взаперти многого не выдумаешь, или, пожалуй, чего не выдумаешь, начиная отъ вареной въ сахарѣ моркови до пороку включительно!

Наконецъ, не знаю, въ который разъ, вбѣжавшій Кичибѣ объявилъ, что если мы *отдохнули*, то губернаторъ ожидаетъ насъ, т. е. если устали, хотѣлъ онъ вѣрно сказать. Въ самомъ дѣлѣ устали отъ праздности. Это у нихъ называется дѣло дѣлать. Мы пошли опять въ приемную залу и начался разговоръ. Прежде всего сѣли на принесенныя въ залу кресла, а губернаторъ на маленькое возвышенiе на четверть аршина отъ пола. Кичибѣ и Льода оба лежали подлѣ нашихъ стульевъ, касаясь лбомъ пола. Было жарко, крупныя капли пота струились по лицу Кичибѣ. Онъ выслушивалъ слова губернатора, бросая на него съ полу почтительный и, какъ выстрѣлъ, проницательный взглядъ, потомъ приподнималъ голову, переводилъ намъ и опять ложились лбомъ на полъ. Льода лежалъ все время такъ, и только изъ подлѣбья бросалъ такіе

же пронзительные взгляды, то на губернатора, то на насъ. Старшій былъ Кичибе, а Льода присутствовалъ только для повѣрки перевода, и наконецъ, для того, что въ одиночку они ничего не дѣлаютъ. Кругомъ, ровнымъ бордюромъ вдоль стѣвъ, сидѣли на пяткахъ всѣ чиновники и свита губернатора. Вопарилось глубочайшее молчаніе. Губернаторъ вынулъ изъ лакированного ящика бумагу и началъ читать чуть слышнымъ голосомъ, но внятно. Только онъ кончилъ, одинъ старикъ лѣниво всталъ изъ ряда сидѣвшихъ по правую руку, подошелъ къ губернатору, сталъ, или лучше, палъ на колѣна, съ поклономъ принявъ бумагу, пошелъ къ Кичибе, опять палъ на колѣна, безъ поклона подалъ бумагу ему и сѣлъ на свое мѣсто. Послѣ этого вдругъ раздался крикливый, жестокий, какъ карканье вороны, голосъ Кичибе. Смѣяться онъ не смѣлъ, но втягивалъ воздухъ въ себя; гримасамъ и восклицаніямъ не было конца.

«Въ бумагѣ заключалось согласіе Горочью принять письмо. Только было, на вопросъ Адмирала, я разинувъ ротъ отвѣчать, какъ губернаторъ взялъ другую бумагу, такимъ же порядкомъ прочелъ ее, тотъ же старикъ, секретарь, взялъ и передалъ ее, съ тѣми же церемоніями, Кичибе. Въ этой второй бумагѣ сказано было, что «скараго отвѣта на письмо быть не можетъ». Оно покажется не логически, не прочитавши письма, сказать, что скараго отвѣта не можетъ быть. Такъ, но имѣя дѣло съ японцами, надо отчасти на время отречься отъ европейской логики, и помнить, что въѣдъ это крайній востокъ.

«Пока читали бумаги, я всматривался въ лица губернатора и его придворныхъ, занимаясь сортировкой физономій—на смышленные, живыя, вовсе глупыя, или только затупѣлыя, отъ недостатка умственного движенія. Было также нѣсколько загадочныхъ, скрытыхъ и лукавыхъ лицъ. У многихъ въ глазахъ прыгали огонь, хотя они и смотрѣли, по обыкновенію, сонно и вяло. Любопытно было наблюдать эти снѣжія страсти, непробужденныя и нетронутыя желанія, вмѣсто которыхъ выглядывало дѣтское притворство, или крайняя неловкость. У ппхъ, кажется, въ обычаѣ казаться при старшемъ, какъ можно глупѣе, и отъ того тутъ было много лицъ, глупыхъ изъ почтенія. Если губернаторъ и казался умнѣ всѣхъ прочихъ, такъ это, можетъ быть, и потому, что онъ былъ старше всѣхъ. А въ Едо вѣрно и онъ кажется глупъ. Одно лицо забавнѣе другаго. Вонъ и всѣ наши пріятели: Баба Городзаймовъ, напримѣръ. Его узнать нельзя: онъ, изъ почтенія, даже похудѣлъ немного. Чиновники сидѣли, едва смѣя дохнуть, и такъ ровно, какъ будто во фронтѣ. Напрасно я хочу поздороваться съ кѣмънибудь глазами. Ни Самбро, ни Ойе-Саброски, ни переводчики не показываютъ вида, что замѣчаютъ насъ. Впрочемъ, въ ихъ уваженіи къ старшимъ, я не замѣтилъ страха, или подобострастія. Это дѣлается у нихъ какъ то проще, искреннѣе, съ теплотой, почти, можно сказать, съ любовью, и отъ того это не непріятно видѣть. Что касается до лежанья па полу, до неподвижности и комической важности, какую сохраняютъ они въ торжественныхъ случаяхъ, то вѣроятно это, если не комедія, то балетъ въ восточномъ вкусѣ, во всякомъ случаѣ спектакль представленный для насъ. Должно быть и японцы, въ другое время, не сидятъ, точно одурѣлыя, или, какъ фигуры восковаго кабинета, не дѣлаютъ такихъ глупыхъ лицъ и не валяются на полу, а обходятся между собою проще и искреннѣе, какъ и мы не таскаемъ же между собой вездѣ караулъ и музыку. Такъ думалось мнѣ, и малело что мнѣ думалось!

«Еще мнѣ понравилась въ этомъ собраніи шелковыхъ халатовъ, юбокъ и льняныхъ мантилій, отсутствіе яркихъ и рѣзкихъ красокъ. Ни одного цѣльнаго цвѣта, краснаго, желтаго, зеленаго—все смѣсь, нѣжные, смягченные оттѣнки того, другого, или третьяго. Не вѣрете картинкамъ, на которыхъ японцы представлены какими-то попугаями. И простой народъ здѣсь не похожъ костюмами на ту толпу мужчпвъ, женщинъ и дѣтей, которую я видѣлъ на одной плантаціи, въ Сингапурѣ. Тамъ я пораженъ былъ смѣсью яркихъ платьевъ на малайцахъ, и индѣйцахъ, и счелъ ихъ за какое-то собраніе птицъ въ кабинетѣ натуральной исторіи. Здѣсь, въ толпѣ нисаго класса, въ большинствѣ, во первыхъ бросается въ глаза нагота, какъ я сказалъ, а потомъ преобладаетъ какойнибудь одинъ цвѣтъ, но не изъ яркихъ, большею частію синій. Въ платьяхъ же другихъ, вышнихъ классовъ, допущены всѣ смѣшанные цвѣта, но съ большою строгостію и вкусомъ въ выборѣ ихъ. Пробѣгая глазами только по

платьямъ и не добираясь до этихъ бритыхъ головъ, тупыхъ взглядовъ и выдавшихся верхнихъ челюстей, я забывалъ, гдѣ сажу: вмѣсто крайняго востока—какъ будто на крайнемъ западѣ: цвѣта какъ у европейскихъ женщинъ. Я замѣтилъ не болѣе пяти штофныхъ, и то не яркихъ юбокъ, у стариковъ. У прочихъ, у кого гладкая, сѣрая, или дикаго цвѣта юбка, у другихъ темносіяногъ, цвѣта Adelaide, vert de gris, vert de rosmte, словомъ всѣ наши новѣйшіе модные цвѣта, couleurs fantaisie, были тутъ.

«Губернаторъ былъ въ халатѣ и юбкѣ одного цвѣта, pensée, съ темными тоненькими полосками. Мантилья его, покроемъ, отличалась отъ другихъ. У всѣхъ прочихъ спина и рукава гладкіе, послѣдніе у кисти руки широки, все вмѣстѣ похоже на мантильи нашихъ дамъ; у него рукава съ боковъ разрѣзаны и отъ нихъ идутъ какія то надставки, въ родѣ маленькихъ крыльевъ. Это, какъ я узналъ послѣ, полупарадный костюмъ, соотвѣтствующій нашимъ вицъ-мундирамъ. Скажите, думалъ ли я, думали ли вы, что мнѣ придется писать о японскихъ модахъ?»

«Съ какой холодной важностью и строгостью въ лицѣ, съ какимъ достоинствомъ говорилъ губернаторъ, глядя полусурово, но съ любовью и любовью, на насъ, на новыя для него лица, манеры, прически, на шитые золотомъ и серебромъ мундиры, на наше открытое и свободное между собой обращеніе. Мы скрадывали невольныя улыбки, глядя, какъ онъ старался поддержать свое, истинно японское достоинство. Но это длилось не долго. Вдругъ когда онъ сталъ объяснять, почему скоро нельзя получить отвѣта изъ Едо, приводя, между прочими причинами, разстояніе, Адмиралъ сдѣлалъ ему самый простой и естественный вопросъ: «а если мы сами пойдемъ въ Едо моремъ, на своихъ судахъ: дѣло значительно ускорится? Мы, при хорошемъ вѣтрѣ, можемъ быть тамъ въ какуюнибудь недѣлю. Какъ онъ думаетъ?» Какая вдругъ перемена съ губернаторомъ! что съ нимъ сдѣлалось? куда дѣлся торжественный, сухой и важный тонъ и гордая мина? Его японское превосходительство смутилось. Онъ вдругъ снизошелъ съ высоты своего величія, какъ-то иначе сталъ сидѣть, смотрѣть. Потомъ склонилъ немного голову на лѣвую сторону и, съ умилной улыбкой, мягкимъ вкрадчивымъ голосомъ, говорилъ тихо и долго. «Хи, хи, хи!» слышалось только изъ Кичибе, который, какъ груда какаянибудь, образующая фигурой опрокинутую вверхъ дномъ шляпку, лежалъ, судорожно подергиваясь отъ этого, всѣмъ существомъ его произносиваго хи. Губернаторъ говорилъ что «японскому глазу больно видѣть чужіе суда въ другихъ портахъ Японіи, кромѣ Нагасаки, что отвѣта мы тѣмъ не ускоримъ, когда пойдемъ сами», и т. п. Потомъ начались учтивости. Съ обѣихъ сторонъ увѣряли, что очень рады познакомиться. Мы не лгали: намъ въ самомъ дѣлѣ любопытно было видѣть губернатора, тѣмъ болѣе, что мы мѣсяцъ не сходили съ фрегата и во всякомъ случаѣ видѣли въ этомъ развлеченіе. Но за Г. Овосаву можно было поручиться, что въ немъ въ эту минуту сидѣлъ самъ отецъ лжи, дьяволъ, къ которому онъ насъ, конечно, и посылалъ мысленно. Говорятъ, не въ пору гость хуже татарина: въ этомъ смыслѣ Русскіе были для него дѣйствительно хуже татаръ. Овосавъ оставалось всего какихънибудь два мѣсяца до отъѣзда, когда, мы пріѣхали. Событіе это, т. е. нашъ пріѣздъ такъ важно для Японіи, что правительство сочло необходимымъ присутствіе обоихъ губернаторовъ въ Нагасаки. Неправдала, что Овосава Бунгоно имѣлъ причину сѣтовать на наше посѣщеніе?

«Послѣ развѣва учтивостей, губернаторъ всталъ и хотѣлъ было уходить, но Адмиралъ предлагалъ еще нѣкоторые вопросы. Губернаторъ просилъ отложить ихъ до другаго времени, опасаясь конечно всякихъ вопросовъ, на которые, безъ разрѣшенія изъ Едо, не зналъ бы что отвѣчать. Онъ раскланялся и скрылся. Мы пошли назадъ. За нами кинулась толпа чиновниковъ и переводчиковъ. Тутъ былъ и Баба Городзаймонъ. «Здравствуй Баба!» сказалъ я ужъ не помню, на какомъ языкѣ. Онъ привѣтливо кивнулъ головой. Тутъ мы видѣли его, чуть ли не въ послѣдній разъ. Его въ тотъ же день услали съ нашимъ письмомъ въ Едо. Онъ былъ счастливъ: онъ тоже отслужилъ годичный срокъ и готовился уѣхать съ губернаторомъ къ семейству, въ объятія супруги, а можетъ быть и супругъ: у нихъ многоженство не запрещено.

«Проходя черезъ *отдыхальню*, мы были остановлены переводчиками. Они заступили намъ дорогу и просили—покушать. Въ комнатѣ стоялъ большой, прекрасно

сервированный столъ, уставленный блюдами, бутылками всѣхъ формъ, т. е. мадерой, бордо, и чего чего тамъ не было! Все на европейскій ладъ: вѣроятно столъ, посуда и вина, а можетъ быть и кушанья—взяты были у голландцевъ. Адмиралъ приказалъ повторить свое неизбѣжное условіе, т. е. чтобы губернаторъ участвовалъ въ завтракѣ. Кичибе кланялся, разводилъ руки, давился судорожнымъ смѣхомъ и все двигался къ столу, усердно приглашая и насъ. Другіе не отставали отъ него, улыбаясь, присѣдали—все напрасно. Мы покосились на завтракъ, но твердо прошли мимо, не слушая переводчиковъ. Едва мы вышли на крыльцо, музыка заиграла, караулъ отдалъ честь полномочному, и мы, въ приемъ порядкѣ, двинулись къ пристани.

Замѣтимъ еще статью г. Фесуна: «Калла и Лима» (№ 7) — интересную ужъ по одному тому обстоятельству, что со времянь капитана Головинна, посѣтившаго Перу въ 1818 году, въ этой странѣ еще не былъ ни одинъ русскій военный корабль, до фрегата «Авроры», въ числѣ офицеровъ котораго находился авторъ разсказа, представляющаго нѣкоторыя любопытныя подробности о состояніи Перу и столицѣ этого государства.

Изъ множества разнообразныхъ статей, помѣщенныхъ въ «Смѣси», укажемъ постоянныя свѣжія и очень дѣльныя извѣстія о флотахъ важнѣйшихъ морскихъ державъ, особенно Англій и Франціи, о всѣхъ новѣйшихъ улучшеніяхъ въ кораблестроеніи, также выписки изъ статей иностранныхъ газетъ о различныхъ военныхъ дѣйствіяхъ союзныхъ флотовъ въ настоящую войну.

Въ Библиографіи помѣщены рецензіи новѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ сочиненій по морской части; изъ нихъ заслуживаетъ особеннаго вниманія подробный разборъ сочиненія англійскаго генерала Дунсаса «О морской артиллеріи».

Оканчивая нашъ отчетъ о первыхъ девяти книжкахъ «Морскаго Сборника» за текущій годъ, повторимъ, что по общему сужденію всѣхъ своихъ читателей, этотъ журналъ въ настоящее время столько же превосходитъ всѣ остальные наши спеціальныя періодическія изданія по своему достоинству, какъ и по объему. А внимательное разсмотрѣніе его массивныхъ книжекъ убѣждаетъ въ томъ, что редакція, стараясь исполнить Высокую волю Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Константина Николаевича, дѣятельно и успѣшно заботится о всевозможномъ усовершенствованіи «Сборника», успѣвшаго уже занять почетное мѣсто въ русской ученой литературѣ.

Жизнь Жоржа Санда *).

(Histoire de ma vie. Paris. 1854—1856. XIII vol.).

Статья первая.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Едва ли какое нибудь явленіе въ изящной словесности послѣднихъ двухъ или трехъ лѣтъ имѣло столь сильный успѣхъ, какъ мемуары Жоржа Санда. Успѣхъ этотъ былъ вполне заслуженъ. „Современникъ“ почелъ своею обязанностью знакомить русскую публику съ новымъ произведеніемъ этой писательницы, по мѣрѣ того, какъ оно писалось въ фельетонахъ одной изъ парижскихъ газетъ. Четыре статьи, помѣщенныя въ „Современникъ“ 1854 и 1855 годовъ („Исторія моей жизни“, Жоржа Санда. „Современникъ“ 1854, № XII, и 1855, №№ I, III и VI), представляютъ почти полный переводъ одиннадцати главъ первой книги. Но потомъ мы остановились продолженіемъ этихъ статей, увидѣвъ необходимость дожидаться окончанія „Записокъ“ и тогда уже, на основаніи общаго впечатлѣнія, производимаго всѣмъ цѣлымъ, рѣшить, какую форму удобнѣе избрать намъ для передачи ихъ содержанія на русскомъ языкѣ. Такое замедленіе было вынуждено и объемомъ и самымъ тономъ „Записокъ“. Казалось, что Жоржъ Сандъ намѣрена дать имъ громадный размѣръ, безъ разбора печатая всѣ письма своихъ родственниковъ, хотя бы эти письма и не заключали въ себѣ ничего интереснаго для публики, даже ничего относящагося прямо къ ея собственной жизни; кромѣ того, рассказъ прерывался длинными размышленіями и отступленіями, нимало не любопытными для русской публики. Все это вмѣстѣ страшно растягивало біографію. Мы видѣли, что четыре напечатанныя нами статьи не подвинули еще рассказа... не говоримъ: до рожденія автора, — даже до знакомства ея будущихъ родителей между собою. Мы прочитали еще томъ парижскаго изданія, и все еще рѣчь шла о временахъ, предшествовавшихъ рожденію автора; прочли еще томъ, и все еще тянулись письма ея бабушки, отца или матери, длинныя и безчисленныя, тянулись воспоминанія о тѣхъ временахъ дѣтства, о которыхъ, по собственному признанію, авторъ почти ничего не помнитъ; тянулись общія

*) Соврем. 1856, № 4.—Примѣчаніе издателя. Помѣщая здѣсь лишь предисловіе къ этой статьѣ, такъ какъ самая статья относится къ числу переводныхъ, включать которыя въ настоящее изданіе не предполагалось.

размышленія о воспитаніи человѣческой жизни, религіи и т. д. Переводить все это значило бы утомить читателей и безъ пользы для кого бы то ни было пожертвовать сотнями и сотнями страницъ. Мы рѣшились дожидаться окончанія „Записокъ“ и тогда, сообразно большому или меньшему интересу, какой будутъ имѣть онѣ въ цѣломъ, представить читателямъ болѣе или менѣе подробный разсказъ ихъ содержанія. Теперь „Записки“ кончены. Онѣ страшно растянуты, особенно въ первой и самой большой по объему половинѣ, обнимающей время до выхода Авроры Дюпенъ (г-жи Жоржъ Сандъ) замужъ. Цѣлые десятки страницъ наполнены иногда скучными письмами или разсужденіями, которыя хороши были бы, какъ отдѣльныя диссертациі о томъ или другомъ психологическомъ, нравственномъ или юридическомъ вопросѣ, но бесполезно замедляютъ біографическій разсказъ. И такъ, вполнѣ переводить „Записки“ г-жи Жоржъ Сандъ невозможно. Тѣмъ не менѣе, автобіографія заключаетъ въ себѣ очень много интересныхъ фактовъ и прекрасныхъ эпизодовъ. Иначе и быть не могло. Жизнь Жоржа Санда замѣчательна не только высокимъ психологическимъ развитіемъ: она также богата драматическими событіями. Все это вмѣстѣ сообщаетъ ея „Запискамъ“ высокую занимательность. Кромѣ того, Жоржъ Сандъ принимала сильное участіе въ историческихъ событіяхъ, сблизжалась со многими замѣчательными людьми, и ея „Записки“ прекрасно знакомятъ насъ съ нѣкоторыми изъ нихъ. Однимъ словомъ, успѣхъ, какой имѣли ея „Записки“ не въ одной французской, но также въ нѣмецкой и англійской публикѣ, былъ заслуженъ. Двѣ-трети или три-четверти этихъ „Записокъ“ скучны: но въ остальной четверти находимъ много очень интересныхъ сценъ, характеристикъ и очерковъ. Мы постараемся извлечь ихъ для читателя изъ огромной массы утомительныхъ отступленій.

Нѣкоторые отрывки мы будемъ переводить буквально и въ этихъ случаяхъ, конечно, удержимъ „я“ автора. Но большею частію мы должны будемъ пересказывать содержаніе „Записокъ“, говоря о Жоржѣ Сандѣ, въ третьемъ лицѣ. Авторъ пишетъ свою біографію въ такомъ тонѣ, что простое извлеченіе было бы недостаточно: читать „Записки“ Жоржа Санда безъ критики значило бы часто ошибаться относительно характеровъ и событій самымъ простодушнымъ образомъ; представлять всѣхъ людей, о которыхъ она говорить, въ томъ самомъ свѣтѣ, въ какомъ представляются они ей, значило бы вводить въ заблужденіе читателя или возбуждать въ немъ досаду легковѣрную наивностью изложенія.

Въ романахъ Жоржа Санда всегда бываетъ довольно много экзальтаціи, слѣдствіе которой — иногда излишняя мечтательность, въ которой сходятся почти всѣ ея герои и героини, иногда излишняя идеализація природы, людей и событій. Въ романахъ эти качества если и дѣйствуютъ на нѣкоторыхъ, впрочемъ, не очень многихъ, невыгоднымъ образомъ, какъ картина, въ которой слишкомъ много пурпуровыхъ и розовыхъ оттѣнковъ, то на большинство производили сильное и благодѣтельное впечатлѣніе, противодѣйствуя господствующей мелочности, холодности и пошлomu бездушію; потому экзальтація романовъ Жоржа Санда, будучи недостаткомъ съ художественной точки зрѣнія, придавала имъ новую силу для полезнаго дѣйствія на публику — вознагражденіе, слишкомъ достаточное для человѣка, знающаго, что если произведе-

не поэзи ничтожно безъ художественныхъ достоинствъ, то безъ живаго отношенія къ потребностямъ публики оно не будетъ заслуживать особеннаго вниманія даже съ эстетической точки зрѣнія, какъ нѣчто холодное и мертвое.

Но если экзальтація имѣла свою хорошую сторону въ романахъ Жоржа Санда, потому что была тамъ совершенно умѣстна и отчасти даже нужна, то въ автобіографическихъ запискахъ она производитъ на читателя впечатлѣніе рѣшительно невыгодное: потому что историку надобно судить о людяхъ хладнокровно, ему позволительнѣе смотрѣть на нихъ недовѣрчивыми, нежели восторженными глазами. А человѣку, который пишетъ свою собственную біографію, мы скорѣе готовы извинить самолюбіе, потому что оно откровенно, натурально и сообразно съ сущностью его дѣла, нежели экзальтированное самоотрицаніе, которое ведетъ только къ недомолвкамъ и несообразностямъ. Записки Жоржа Санда страдаютъ всѣми недостатками экзальтаціи, набрасывающей на многое какой-то фальшивый колоритъ. О себѣ говоритъ Жоржъ Сандъ—какъ всегда думаютъ о себѣ экзальтированные люди—то съ нѣкоторымъ, прикрытымъ наружностью скромности, самопоклоненіемъ, то (и гораздо чаще) съ искреннимъ, но несправедливымъ самоотрицаніемъ. Бабушку, отца и мать воображаетъ и потому изображаетъ она какими-то идеальными существами. Тою же неосновательною, хотя искренною идеализаціею отуманены портреты многихъ другихъ людей, къ ней близкихъ. Всѣ эти главные лица ея „Записокъ“ не тѣ люди, какіе живутъ на бѣломъ свѣтѣ, а полувоздушныя существа; если довѣрчиво принимать всѣ эпитеты и тирады, къ нимъ относящіяся, то лица, дѣйствующія въ „Запискахъ“ Жоржа Санда, имѣли бы въ себѣ менѣе истины, нежели вымышленные персонажи ея романовъ: Буагибо, Кардонне, Жакъ, Кароль, Индіана, Лукреція Флоріани дѣйствуютъ въ обстановкѣ болѣе или менѣе идеальной, и потому дѣйствія ихъ и отношенія къ другимъ лицамъ повѣсти имѣютъ внутреннее правдоподобіе; это характеры выдержанные, цѣльные, гармонирующие и сами съ собою и съ общимъ колоритомъ міра, которымъ окружилъ ихъ художественный инстинктъ романиста. Но обстановка, въ которой живутъ г-жа Дюпенъ, Морисъ, Викторія Делабордъ, не могла быть измѣнена сообразно требованіямъ художественной гармоніи; вы понимаете, что самое идеальное лицо, среди людей и отношеній, нимало не идеальныхъ, не можетъ дѣйствовать идеально, не можетъ сохранить въ жизни идеальнаго характера, — и на самомъ дѣлѣ въ „Запискахъ“ безпрестанно проглядываютъ черты и подробности, показывающія вамъ, что въ дѣйствительности многіе изъ людей, изображаемыхъ госпожею Жоржъ Сандъ героями и героинями, были не совсѣмъ таковы, какъ ихъ представляетъ себѣ и вамъ авторъ. Особенно надобно сказать это о ея родственникахъ: бабушкѣ, отцѣ и матери. Тутъ идеализація, впрочемъ, очень естественна. Менѣе натурально казалось бы, въ человѣкѣ неэкзальтированномъ, стремленіе выставить или невинными и непорочными, или великими всѣхъ другихъ людей, изъ которыхъ иные, очевидно, были не совсѣмъ чисты и вовсе не велики. Но дѣло въ томъ, что Жоржъ Сандъ хочетъ воображать, будто не должна обвинять ни въ чемъ никого изъ виновныхъ передъ нею: видите ли, она не имѣетъ права ни на кого жаловаться, всѣ люди вредятъ другимъ только по недоразумѣнію или ошибкѣ и т. д. Такія понятія очень благородны, и въ

нихъ есть много правды; но, будучи доведены до крайности, они становятся не совсѣмъ справедливы и придаютъ разсказу птянутость. Прибавимъ, что, если мы будемъ оправдывать всѣхъ и во всемъ, то не успѣемъ оправдать никого ни въ чемъ. И потому читатель, который захотѣлъ бы смотрѣть на г-жу Дюпенъ, ея сына и невѣстку (бабушку и родителей г-жи Жоржъ Сандъ), на г. Дюдевана (ея мужа), на Шопена (знаменитаго композитора) и проч. глазами автора, мало по малу разочаровался бы въ нихъ совершенно, и начавъ тѣмъ, что смотрѣлъ бы на нихъ слишкомъ наивно, кончилъ бы тѣмъ, что назвалъ бы ихъ людьми очень дурными. На самомъ дѣлѣ они были люди такъ себѣ, какъ большинство людей. Мы не обязаны закрывать глаза, чтобы раздѣлять предубѣжденіе автора въ ихъ пользу, и постараемся представить ихъ въ натуральномъ свѣтѣ, основываясь болѣе на фактахъ, представляемыхъ авторомъ, нежели на его мнѣніяхъ. Въ этой болѣе сообразной съ дѣйствительностью обстановкѣ личный характеръ самого автора и его жизнь если и не явятся намъ въ ореолѣ неправдоподобной надъоблачности (которая показалась бы вѣроятна развѣ немногимъ, слишкомъ наивнымъ душамъ), то и не подадутъ повода предполагать основательность клеветъ, которыми чернили эту писательницу: равнодушный разсказъ нашъ, который нельзя упрекнуть въ излишней довѣрчивости, оставляетъ недоразумѣніямъ гораздо меньше мѣста, нежели самыя записки автора, который часто затемняетъ дѣло, отстраняя на второй планъ важнѣйшія обстоятельства излишними разсужденіями о томъ, что или ясно само по себѣ, или не относится къ главному предмету. Надобно вникнуть въ эти существенныя черты, чтобы сквозь обманчивый колоритъ экзальтаціи разсмотрѣть людей, имѣвшихъ вліяніе на развитіе и судьбу Жоржа Санда, въ ихъ истинномъ видѣ. Тогда мы яснѣе поймемъ развитіе ея характера, и личность ея представится намъ именно такою, какою обнаруживалась въ ея поэтическихъ произведеніяхъ: это натура чрезвычайно сильная, которая только отъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ воспитанія и ложнаго положенія, какими окружила ее судьба, получила характеръ отчасти болѣзненной восторженности, впрочемъ, не заглушившей здоровыхъ качествъ этой здоровой и высокой натуры. Такимъ образомъ, личность г-жи Жоржъ Сандъ является намъ полною представительницею лучшей части поколѣнія, воспитаннаго во Франціи отчасти воспоминаніями о Республикѣ и Имперіи, отчасти мистицизмомъ Шатобріана и Ламартина, отчасти романтизмомъ.

Въ нѣсколькихъ словахъ напомнимъ читателю содержаніе переведенной нами части „Записокъ“, положеніе и характеры лицъ, продолжающихъ дѣйствовать въ 12-ой главѣ I книги, съ которой мы начинаемъ.

Если обращать вниманіе только на то, что имѣло вліяніе на будущую судьбу писательницы, содержаніе переведенной нами части разсказа, очень длиннаго, можетъ быть сжато въ немногихъ строкахъ. Разсказъ не доведенъ еще не только до рожденія Авроры Дюпенъ (имя, которое носила г-жа Дюдеванъ до замужества), но и до начала знакомства ея отца, Мориса Дюпена, съ матерью, Викторією-Софією Делабордъ. До сихъ поръ авторъ излагалъ семейныя воспоминанія о своихъ предкахъ—Морицѣ Саксонскомъ (побочною дочерью котораго была г-жа Дюпенъ, мать Мориса) и г. Дюпенѣ, отцѣ Мориса, который былъ откупщикомъ, меценатомъ энциклопедистовъ и другомъ

Ж.-Ж. Руссо. Дюпенъ былъ уже старикомъ, когда женился на молодой дѣвушкѣ, которая жила съ нимъ очень счастливо, но рано осталась вдовою и посвятила себя воспитанію сына. Въ революцію она лишилась большей части своего состоянія, подвергалась опасностямъ во время терроризма, будучи подозрѣваема въ сношеніяхъ съ эмигрантами, потомъ спасшись отъ грозившей гибели, при помощи Дешартра, который былъ гувернеромъ ея сына, Мориса, жила въ своемъ помѣстьѣ Ноганѣ, близъ городка Лашатры.

Г-жа Дюпенъ, которую внука, ея благодѣтельница, представляетъ себѣ чуть не идеаломъ женщины, очень горячо любила своего сына, но до конца жизни хотѣла держать его въ такой строгой зависимости отъ себя, какой могутъ подчиняться только маленькія дѣти.

Морисъ до конца жизни робѣлъ передъ матерью, но тяготился надзоромъ и старался тайкомъ отъ нея наслаждаться свободою, которой не смѣлъ защищать открыто и откровенно. Онъ рано поступилъ въ военную службу и, подчиняясь сначала матери, потомъ женѣ въ домашнемъ быту, былъ храбрымъ солдатомъ на полѣ битвы. Отъ связи съ горничною г-жи Дюпенъ у него былъ побочный сынъ, Ипполитъ. Г-жа Дюпенъ воспитывала ребенка въ своемъ домѣ, прогнавъ мать его.

Викторія Софія Делабордъ, будущая жена Мориса и мать Авроры, была, дочь простолюдина, промышлявшаго обученіемъ и продажею цѣвчихъ птицъ. Рано оставшись безпомощною сиротою, хорошенькая парижанка не устояла противъ соблазновъ, ее окружавшихъ, и потомъ вышла замужъ, скоро овдовѣла и возвратилась къ прежнему образу жизни. Когда началось ея знакомство съ Морисомъ, она имѣла какого-то богатаго покровителя. Отъ перваго брака была у Викторіи дочь Каролина. Женщина благороднаго и рѣшительнаго характера, Викторія-Софія Делабордъ, несмотря на увлеченія своей молодости, едва ли не болѣе своего безхарактернаго мужа и его матери имѣетъ правъ на уваженіе.

Бальзакъ. *)

Въ послѣднихъ книжкахъ *Revue de Paris* мы нашли прекрасную біографію Бальзака, написанную сестрою знаменитаго романиста, Лаурою Сюрвилъ, урожденною Бальзакъ. Особенно интересны эти воспоминанія, согрѣтыя истинною родственною любовью, потому, что изображаютъ намъ въ Бальзакѣ именно тѣ основныя черты характера, которыя обнаруживаются только въ семейномъ кругу, только передъ самыми близкими друзьями. Бальзакъ, подобно почти всеѣмъ талантливымъ писателямъ, имѣлъ много завистниковъ и враговъ, былъ предметомъ ожесточенной клеветы. Люди, имѣющіе свой расчетъ въ томъ, чтобы чернить характеры людей, таланта которыхъ не могутъ помрачить въ глазахъ публики, кричали о Бальзакѣ, какъ о легкомысленномъ и холодномъ эгоистѣ; читатели пасквилей, не знавшіе личности, противъ которой направлена была злоба, и не отгадавшіе низкихъ причинъ, направлявшихъ ее, часто вѣрили этимъ пустымъ выдумкамъ. Намъ чрезвычайно пріятно было въ воспоминаніяхъ сестры Бальзака найти новое подтвержденіе той истины, которая извѣстна по опыту каждому, кого случай ставилъ въ близкія отношенія съ истинно талантливыми писателями: обыкновенно, сердце этихъ людей таково, что заставляетъ или любить, или уважать ихъ какъ людей: поэзія едва ли можетъ жить въ дурномъ сердцѣ. Г-жа Сюрвилъ не скрываетъ слабостей своего брата: она говоритъ о нихъ съ благородною откровенностью, справедливо будучи увѣрена, что прекрасными качествами души ея брата слишкомъ достаточно вознаграждались эти ничтожные недостатки его. Но въ каждой строкѣ ея воспоминаній вы видите отраженіе той нѣжной дружбы къ покойному брату, которую внушаютъ къ себѣ только люди истинно превосходные по душѣ; каждый фактъ убѣждаетъ васъ въ томъ, что Бальзакъ-человѣкъ заслуживалъ такого же уваженія, какъ и Бальзакъ-писатель. О жизни Бальзака у насъ почти ничего не было писано; отъ времени до времени повторялись только жалкіе анекдоты о его причудахъ, о томъ, что у него была цѣлая коллекція тростей, о томъ, какъ отъ тратилъ деньги на фантастическое украшеніе своего загороднаго домика въ Жарди, и т. п. Поэтому переводимъ біографію, написанную

*) Соврем. 1856, № 9. *Примѣчаніе издателя.* Помѣщая здѣсь лишь предисловіе къ этой статьѣ, такъ какъ самая статья относится къ числу переводовъ, включать которые въ настоящее изданіе не предполагалось.

г-жею Сюрвиль, опускаая вѣкоторые эпизоды, служащіе только отвѣтомъ на разныя выходки французскихъ фельетонистовъ: выходки эти почти неизвѣстны нашей публикѣ, потому и разсужденія по поводу ихъ имѣли бы у насъ мало интереса.

Въ заключеніе біографіи, мы, для дополненія и повѣрки той характеристики, которую представляетъ сестра, приводимъ относящійся къ Бальзаку отрывокъ изъ мемуаровъ г-жи Дюдеванъ, дружбу которой Бальзакъ высоко цѣнилъ, какъ говоритъ его сестра.

ЗАМѢТКА

ПО ПОВОДУ ПРЕДЪИДУЩЕЙ СТАТЬИ *) **).

Г. Кулишъ, вѣроятно основывается на отзывѣ многихъ изъ художниковъ, считающихся у насъ первоклассными, говоря, что послѣдняя картина Иванова—произведеніе, нарушающее законы искусства, и потому лишенное достоинства. Я полагаю, что такое мнѣніе составлено имъ по отзывамъ этихъ художниковъ потому, что они, какъ извѣстно, заботились объ распространеніи такого сужденія въ публикѣ, а самъ г. Кулишъ, по его собственнымъ словамъ, не видѣлъ еще картины Иванова, когда писалъ эту статью.

Нѣтъ спора въ томъ, что въ обыкновенныхъ случаяхъ мнѣніе людей, занимающихъ первыя мѣста въ извѣстномъ родѣ ученой или художественной дѣятельности, должно имѣть для публики большой вѣсъ при оцѣнкѣ новыхъ явленій, принадлежащихъ этому роду. Но бываютъ также случаи, когда именно прѣжнія знаменитости менѣе всего могутъ быть справедливыми судьями. Это именно тогда, когда оцѣниваемое произведеніе является попыткою провозвести реформу въ той отрасли науки или искусства, въ которой уже прославились эти знаменитости. Извѣстно, что наши литературные судьи двадцатыхъ годовъ не умѣли оцѣнить Пушкина. Тоже могло повториться и съ Ивановымъ. Общая причина неудовлетворительности такой оцѣнки состоитъ въ томъ, что знаменитости судятъ по старымъ, быть можетъ устарѣлымъ принципамъ о произведеніи, возникшемъ изъ новыхъ принциповъ, чуждыхъ пониманію человѣка, который составилъ себѣ извѣстность, слѣдуя прежнимъ принципамъ. Возможно предположить и другой источникъ невыгодной оцѣнки новаго явленія. Знаменитости—такіе же люди, какъ все остальные люди, слѣдовательно могутъ подчиняться вліяніямъ личныхъ соображеній при произнесеніи того или другаго сужденія. Кому пріятно сходитъ съ извѣстнаго, выгоднаго и почетнаго мѣста, чтобы собственною рукою возвести на это мѣсто другаго человѣка?

*) Мы помѣщаемъ статью г. Кулиша, какъ сборникъ писемъ двухъ чрезвычайно замѣчательныхъ нашихъ художниковъ, но будучи не во всемъ согласны съ выводами, какіе дѣлаетъ авторъ изъ представляемыхъ имъ матеріаловъ, въ особенности не раздѣляя его взгляда на дѣятельность Иванова, мы считаемъ нужнымъ прибавить къ статьѣ г. Кулиша замѣтки, составленныя по нашему желанію однимъ изъ нашихъ сотрудниковъ. *Примѣчаніе редакціи Современника.*

***) Предыдущая статья, помѣщенная въ томъ же № 11 Современника за 1858 г.,—„Переписка Н. В. Гоголя съ А. А. Ивановымъ, П. Кулиша“.—*Примѣчаніе издателя.*

Мы говоримъ это не голословно: съ какими чувствами былъ встрѣченъ Ивановъ въ Петербургѣ, свидѣлствуютъ два факта, извѣстные всѣмъ. Нѣкоторые изъ прежнихъ его сотоварищей не захотѣли даже отдать ему визита, когда онъ посѣтилъ ихъ по своему прїѣздѣ въ Петербургъ. Мы въ Петербургѣ такъ неуклонно соблюдаемъ вишнія формы, что подобное отступленіе отъ нихъ само по себѣ многозначительно. Прибавимъ къ этому вопросъ: многія ли изъ знаменитостей нашего искусства почли нужнымъ удостоить своимъ посѣщеніемъ хотя похороны Иванова?

Изъ этихъ фактовъ мы можемъ заключить, что если прїѣздъ Иванова не слишкомъ порадовалъ нѣкоторыхъ жителей Петербурга, зато внезапная смерть соперника поразила ихъ такъ, что они вѣроятно сами слегли въ постель,—иначе нельзя объяснить ихъ отсутствія на похоронной церемоніи.

Какъ бы то ни было, знаменитости объявили, что послѣдняя картина Иванова очень плоха, ровно инкуда не годится,—и мы, разумѣется, не дерзнемъ противорѣчить ихъ приговору.

Но не отваживаясь говорить о достоинствахъ или недостаткахъ картины въ техническомъ отношеніи, мы представимъ нѣкоторыя замѣчанія о томъ, дѣйствительно ли „сбился съ пути“ несчастный художникъ, и о томъ, какъ смотрѣлъ онъ самъ на искусство вообще и на свою задачу въ исторіи живописи.

Тѣмъ характеромъ, какой имѣетъ искусство теперь, Ивановъ рѣшительно не удовлетворялся; онъ говорилъ, что со временъ своего процвѣтанія въ Италіи въ XVI вѣкѣ, живопись забывала развиваться сообразно прогрессу общественныхъ идей, что художники нашего времени не должны довольствоваться тѣми идеями, которыя дошли до нихъ по преданію эпохи, уже давно превзойденной новыми успѣхами цивилизациі: новое время требуетъ (говорилъ онъ) новаго искусства.—„Идея новаго искусства, сообразнаго съ современными понятіями и потребностями, говорилъ онъ, до сихъ поръ еще не вполне прояснилась во мнѣ. Я долженъ еще долго и неуспѣшно трудиться надъ развитіемъ своихъ понятій; не раньше, какъ черезъ три, четыре года, я самъ отчетливо пойму, что и какъ я долженъ дѣлать; я долженъ разработать свои понятія и долженъ опредѣлить ихъ; раньше той поры, когда опредѣлится во мнѣ идея современнаго искусства, я не начну производить новыя картины. До той поры, я долженъ работать не надъ изображеніемъ своихъ идей на полотнѣ, а надъ собственнымъ своимъ образованіемъ“. Въ чемъ же должно было состоять это пересозданіе искусства, и какъ готовился Ивановъ къ выполненію такой задачи? Отвѣтомъ на то можетъ служить случай, которому я былъ обязанъ сближеніемъ съ Ивановымъ. Художникъ привезъ ко мнѣ новое изданіе одного знаменитаго нѣмецкаго теологическо-философскаго сочиненія и французскій переводъ одного изъ прежнихъ изданій той же книги. „Въ новомъ изданіи, сказалъ онъ, авторъ сдѣлалъ значительныя перемѣны, такъ что опровергъ нѣкоторые изъ выводовъ, на которые соглашался прежде изъ уваженія къ возраженіямъ Неандера. Мнѣ хочется знать, въ чемъ именно состоятъ эти перемѣны. Я васъ прошу слѣдить новое изданіе подлинника съ переводомъ, и перевести для меня измѣненныя авторомъ мѣста“. До той поры, видѣвшійся съ Ивановымъ только раза

два въ обществѣ, я не имѣлъ случая познакомиться съ его понятіями о вещахъ и воображалъ Иванова такимъ, какимъ онъ изображается въ „Перепискѣ“ Гоголя и отчасти въ письмахъ, печатаемыхъ г. Кулишемъ. Я былъ чрезвычайно удивленъ, увидѣвъ у Иванова интересъ къ понятіямъ, которыя совершенно противоположны направленію „Переписки“ Гоголя. „Неужели васъ такъ сильно занимаютъ изслѣдованія этого философа?“ спросилъ я Иванова. „А какъ же? Вѣдь я долженъ знать, какимъ образомъ понимаютъ нынѣ передовые люди нашей цивилизаціи тотъ предметъ, изъ котораго преимущественно беретъ свои сюжеты искусство. Художникъ долженъ стоять въ уровень съ понятіями своего времени“. Я увидѣлъ, что совершенно ошибался въ своемъ мнѣніи о его направленіи. Разговоръ обратился на сочиненіе, привезенное Ивановымъ, и другія изслѣдованія подобнаго рода. Изъ его бесѣды обнаружилось, что онъ основательно изучилъ многія изъ нихъ. О другихъ онъ разспрашивалъ съ живѣйшимъ интересомъ. „Мы, художники, заключаемъ онъ, получаемъ слишкомъ недостаточное общее образованіе,—это связываетъ намъ руки. Сколько силъ у меня достанетъ—буду стараться, чтобы молодое поколѣніе было избавлено отъ недостатка, отъ котораго мнѣ пришлось избавляться такъ поздно. Вотъ теперь я, какъ видите, долженъ узнавать съ большими затрудненіями то, что другіе узнаютъ въ университетѣ. А какъ трудно отдѣлываться въ мои лѣта отъ вкоренившихся понятій!“ Словомъ сказать, въ этомъ и слѣдовавшихъ затѣмъ разговорахъ, Ивановъ являлся человекомъ, по своимъ стремленіямъ принадлежащимъ къ небольшому числу избранныхъ геніевъ, которые рѣшительно становятся людьми будущаго, жертвуютъ всѣми своими прежними понятіями истинѣ, и, приблизившись къ ней уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, не боятся начинать свою дѣятельность вновь, съ самоотверженностью юноши.

Глубокая жажда истины и просвѣщенія составляла одну черту въ характерѣ Иванова. Другою чертою была дивная, младенческая чистота души, трогательная наивность, исполненная невинности и благородной искренности. Мало найдется даже между лучшими людьми такихъ, которые производили бы столь привлекательное впечатлѣніе совершеннымъ отсутствіемъ всякой эгоистической или самолюбивой пошлости. Никто не могъ меньше и скромнѣе говорить о себѣ, нежели онъ.

Однако же, какъ думалъ онъ о себѣ? Какъ смотрѣлъ онъ на свою картину, на всю свою прошедшую дѣятельность, чего ожидалъ отъ себя въ будущемъ? Онъ былъ слишкомъ скромный, чтобы самому говорить объ этомъ. Но я передамъ сущность его бесѣды, изъ которыхъ можно вывести отвѣтъ на эти вопросы.

„У насъ въ Россіи находится много людей, съ прекрасными талантами къ живописи. Но великихъ живописцевъ не выходитъ изъ нихъ, потому что они не получаютъ никакого образованія. Владѣть кистью—этого еще очень мало для того, чтобы быть живописцемъ. Живописцу надобно быть вполне образованнымъ человекомъ. Если я получу какое-нибудь вліяніе на искусство въ Россіи, я прежде всего буду хлопотать объ устройствѣ такой школы живописи, гдѣ молодые люди, готовящіеся быть художниками, получали бы основательное общее образованіе. Руководителемъ въ живописи молодыхъ ху-

дожниковъ съ такимъ приготовленіемъ, я желалъ бы быть. Въ средѣ ихъ могло бы развиться новое направленіе искусства. Я уже старъ, а на развитіе искусства, удовлетворяющаго требованіямъ новой жизни, нужны десятки лѣтъ. Мнѣ хотѣлось бы положить хотя начало этому дѣлу. Буду трудиться, мало по малу научусь яснѣе понимать условія новаго искусства, а потомъ выйдутъ изъ молодаго поколѣнія люди, которые совершатъ начатое мною“.

— Но скажите хотя въ общихъ чертахъ, въ какомъ видѣ представляется вамъ новое направленіе искусства, на сколько оно стало уже понятно для васъ? спрашивалъ я.

— Съ технической стороны, оно будетъ вѣрно идеямъ красоты, которыми служили Рафаэль и его современники итальянцы. Техника доведена ими до высочайшей степени совершенства. Тутъ намъ не остается ничего инаго, какъ быть ихъ послѣдователями. Нынѣ въ Германіи и другихъ странахъ многіе толкуютъ о до-Рафаэлевской манерѣ, у насъ—о византійскомъ стилѣ въ живописи. Такія отступленія назадъ и невозможны и не заслуживаютъ сочувствія. Формою искусства должна быть красота, какъ у Рафаэля, мы должны остаться вѣрны итальянской живописи. Но это со стороны техники. Идей у итальянцевъ XVI вѣка не было такихъ, какія имѣетъ наше время; живопись нашего времени должна проникнуться идеями новой цивилизаціи, быть истолковательницею ихъ. Соединить Рафаэлевскую технику съ идеями новой цивилизаціи.— вотъ задача искусства въ настоящее время. Прибавлю вамъ, что искусство тогда возвратитъ себѣ значеніе въ общественной жизни, котораго не имѣетъ теперь, потому что не удовлетворяетъ потребностямъ людей. Оно будетъ имѣть тогда и враговъ, которыхъ не имѣетъ теперь. Я, знаете ли, боюсь (прибавлялъ Ивановъ, съ своею наивною вѣрою въ проницательность своихъ судей), какъ бы не подвергнуться гоненію,—вѣдь искусство, развитію котораго я буду служить, будетъ вредно для предрасудковъ и преданій,—это замѣтятъ, скажутъ, что оно стремится преобразовывать жизнь,—и знаете, вѣдь эти враги искусства будутъ говорить правду: оно дѣйствительно такъ.

— Ну, этого не опасайтесь,—замѣтилъ я:—смысла долго не пойметъ никто изъ тѣхъ, кому непріятенъ былъ бы смыслъ, о которомъ вы говорите. Васъ будутъ преслѣдовать только завистники, по расчетамъ собственнаго кармана, чтобы вы не отняли у нихъ выгодныхъ работъ и почетныхъ мѣстъ. Да и тѣ скоро успокоятся, убѣдившись, что вамъ неизвѣстно искусство бить по карманамъ и интриговать.

— Да,—замѣчалъ Ивановъ.—Доходовъ у нихъ я не отобью, заказовъ принимать я не хочу. Вотъ, напримѣръ, мнѣ предлагали... (И онъ разсказалъ о двухъ громадныхъ и чрезвычайно выгодныхъ заказахъ)—но я отказался.

— Какъ, отказались? зачѣмъ же?—спросилъ я въ совершенномъ изумленіи, и хотѣлъ убѣждать Иванова измѣнить его рѣшеніе.

— Нѣтъ, не говорите мнѣ этого,—перервалъ меня Ивановъ на первыхъ же словахъ.—Каково бы ни было достоинство моей кисти, я все-таки не могу согласиться, чтобы она служила такому дѣлу, истины котораго я не признаю. При томъ же, я не хочу быть декораторомъ, для этихъ за

казовъ нужна декораторская работа. И вѣдь я уже говорилъ вамъ, что мнѣ теперь надобно работать надъ самимъ собою, а не надъ плотномъ.

Да, жаль, что Ивановъ умеръ такъ рано, жаль не только потому, что мы потеряли въ немъ великаго художника и одного изъ лучшихъ людей, какіе только украшаютъ собою землю, но и потому, что продленіе его жизни было бы выгодно для нравственной репутаціи его соперниковъ: они опытомъ убѣдились бы въ томъ, чему не хотѣли вѣрить, убѣдились бы, что Ивановъ не ищетъ богатства и почетныхъ мѣстъ, не хочетъ перебивать у нихъ заказовъ и должностей; увидѣвъ, что онъ не опасенъ ни для ихъ кармана, ни для лѣваго борта ихъ фраковъ, они навѣрное примирились бы съ нимъ, и русская публика съ умиленіемъ увидѣла бы дружбу знаменитостей съ человѣкомъ, котораго онѣ напрасно сочли было сначала своимъ соперникомъ. Соперничать съ ними въ томъ, чѣмъ онѣ дорожатъ, Ивановъ не хотѣлъ и не умѣлъ. Съ этой стороны онъ, дѣйствительно, былъ очень плохимъ художникомъ.

Ивановъ былъ нѣсколько лѣтъ въ настроеніи духа, подобномъ тому, жертвою котораго сдѣлался Гоголь, оставившій памятникъ своего заблужденія въ „Перепискѣ съ друзьями“. Но, къ счастью, Ивановъ прожилъ нѣсколько долѣе Гоголя, и у него достало времени, чтобы увидѣть свою ошибку, отказаться отъ нея и сдѣлаться новымъ человѣкомъ. Его примѣръ свидѣтельствуешь, что и заблужденіе Гоголя могло быть не безвыходнымъ. Размышленіе, знакомство съ людьми другаго настроенія, наконецъ историческія событія могли бы и на Гоголя подѣйствовать такъ, какъ подѣйствовали на Иванова. Но каково бы ни было дальнѣйшее развитіе Гоголя, объ Ивановѣ мы достоверно знаемъ, что онъ пріѣхалъ въ Петербургъ человѣкомъ заслуживающимъ не только славы по своимъ талантамъ, но и уваженія, и сочувствія всѣхъ благородныхъ людей образомъ мыслей, истинно достойнымъ нашего времени.

Возвращеніе князя Милоша Обрено- вича въ Сербію *).

Въ Сербіи въ теченіе 50 лѣтъ произошло 5 революцій; сообразно съ обычаями сербскаго племени, всѣ эти перевороты имѣли чисто демократическій характеръ.

Сербы, съ оружіемъ въ рукахъ приобрѣли себѣ и свободу политическую,—и съ нею народно-экономическую независимость. Подъ турецкимъ владычествомъ сербы не имѣли своего дворянства. Территоріальное дворянство составляли турки. Съ сверженіемъ ихъ владычества естественнымъ образомъ совпало уничтоженіе этого дворянства и переходъ земли въ руки прежнихъ райевъ. Образовалось сословіе вольныхъ поселянъ, изъ которыхъ каждый завладѣлъ частью оставленныхъ земель, прежнія большія имѣнья раздѣлились. Между тѣмъ какъ въ Молдавіи и Валахіи вся территорія находится въ рукахъ 8.000 боярскихъ семействъ, въ Сербіи средняя величина участковъ не превосходитъ 10—15 десятинъ. Въ Сербіи нѣтъ ни большихъ территоріальныхъ владѣльцевъ **), ни дворянства; и вотъ почему въ Сербіи всякое политическое движеніе должно необходимо быть движеніемъ демократическимъ. Этотъ характеръ основанъ на внутреннихъ экономическихъ причинахъ. Вотъ точка, съ которой надобно смотрѣть на сербскія революціи вообще и на послѣднюю въ особенности. Съ удивленіемъ была вездѣ принята вѣсть о томъ, что народное собраніе безъ всякихъ предварительныхъ мѣръ низложило князя и захватило верховную власть. Но по сербскимъ обычаямъ—это вещь очень натуральная. Въ первое сербское возстаніе противъ турецкаго владычества, въ 1804 году, Георгій Черный считался совершенно равнымъ съ людьми, сражавшимися противъ турокъ подъ его предводительствомъ. Его слушали, какъ самаго храбраго и способнаго, да и то исключительно въ дѣлѣ сопротивленія туркамъ. Въ дѣлахъ внутреннихъ онъ постоянно былъ принужденъ собирать скупштинну. Тоже явленіе мы видимъ и во второе возстаніе противъ турокъ, въ 15-мъ году, подъ руководствомъ Милоша, который, тотчасъ послѣ удаленія Георгія Чернаго изъ Сербіи, счелъ себя въ правѣ занять его мѣсто, по той простой причинѣ, что сознавалъ въ себѣ присутствіе тѣхъ же талантовъ.—Очевидно, что, при такомъ происхо-

*) „Соврем.“ 1859, № 3.

**) Значительнѣйшая часть имѣній немногихъ сербскихъ „богачей“ находится въ Валахіи.

жденіи княжескаго достоинства, верховная власть собственно принадлежит народу, и весьма естественно, что народъ считаетъ себя въ правѣ низложить князя, котораго самъ надъ собой поставилъ. Сербы не могутъ чувствовать къ своему князю того робкаго благоговѣнія, которое является у подданныхъ государства, гдѣ монархическое начало развилось исторически; у нихъ существуетъ цѣлое поколѣніе, которое видѣло, чѣмъ князь былъ прежде, знаетъ, какъ онъ былъ сдѣланъ княземъ, и потому смотритъ на него чрезвычайно просто. Въ 43 году скупщина собственною властью возвела на престолъ Александра Карагеоргіевича;—другая скупщина въ 58 году сочла себя въ правѣ низложить его.

Вторичное избраніе Милоша челоуѣку, знающему причины его изгнанія въ 1842 году, представляется несообразностью. Почему Милошъ былъ принужденъ отречься отъ престола и жить въ изгнаніи? Потому, что онъ противился установленію конституціи и хотѣлъ править на восточный ладъ, какъ христіанскій паша. Какъ же чисто-демократическая скупщина, считающая нарушеніе конституціи княземъ Александромъ достаточною причиною для его низложенія, возвращаетъ теперь власть Милошу? Но эта несообразность разъясняется чувствами сельскаго населенія, господствующаго въ Сербіи. Оно привыкло видѣть въ Милошѣ освободителя его отъ турецкаго ярма и основателя народнаго правительства, оно привязано къ нему, какъ обыкновенно первобытные народы привязываются къ своимъ вождямъ. Конечно, дѣло приняло бы совершенно другой оборотъ, если бы зависѣло отъ тѣхъ сословій, которыя, по прекращеніи совершенно первобытнаго состоянія народа, поднялись надъ его уровнемъ. Во время прежняго владычества Милоша, они вступали съ нимъ въ столкновенія, чтобы оградить себя и первобытное состояніе государства замѣнить стройнымъ порядкомъ. Они составили конституцію (Уставъ), которая должна была ограничить Милоша.—Естественно, что Милошъ, до тѣхъ поръ правившій по своему произволу, не хотѣлъ согласиться на ихъ требованія. Слѣдствіемъ его сопротивленія былъ переворотъ, ловко подготовленный и быстро произведенный тріумвиратомъ, состоявшимъ изъ Вучича, Петроневича и Ефрема Обреновича (брата князя). Милошъ былъ принужденъ отказаться отъ престола въ пользу сына. Какъ и теперь, такъ и тогда, явилась депутація въ Конакъ (княжескій дворецъ) и потребовала отреченіе Милоша. Какъ теперь, такъ и тогда, Вучичъ сказалъ князю: „Господинъ, народъ не хочетъ болѣе имѣть тебя княземъ“. — „Если народъ меня не хочетъ, такъ и я не стану ему навязываться“, — отвѣчалъ Милошъ. Отвѣтъ тѣмъ болѣе замѣчательный, что, пользуясь привязанностью народа, Милошъ легко могъ зажечь междоусобную войну и удержаться на престолѣ.

Захочетъ ли теперь Милошъ, привыкшій руководствоваться произволомъ, терпѣть вмѣшательство скупщины? Милошъ никогда ея не боялся. Во время своего правленія онъ созывалъ ее нѣсколько разъ. Конечно, прежде она имѣла не совсѣмъ тотъ характеръ, какъ теперь, когда она имѣетъ видъ парламента. Прежде народъ, сходясь изъ разныхъ округовъ, собирался подъ открытымъ небомъ; Милошъ являлся къ нему, и пользуясь своимъ извѣстнымъ краснорѣчіемъ и рѣдкимъ знаніемъ народнаго характера, легко убѣ-

ждалъ собраніе соглашаться на всё его предложенія. Теперь скупщина составлена изъ людей правильно выбранныхъ, которые дѣйствительно могутъ быть названы представителями народа. Между ними есть люди, учившіеся въ Гейдельбергъ или въ Парижъ, и проникнутые парламентскимъ духомъ. Они едва ли уступятъ, если Милошъ захочетъ продолжать свой прежній образъ правленія. Но Милошу теперь 80 лѣтъ, и жить ему остается, конечно, не долго, а сынъ его Михаилъ отличается умомъ и образованностью, и на него больше всего надѣются образованные сербы; притомъ 20-лѣтнее изгнаніе, безъ сомнѣнія, сильно измѣнило образъ мыслей стараго князя, и многое, что онъ прежде считалъ необходимымъ совершать съ драконовскою строгостію, теперь, вѣроятно, не повторится.

Чтобы понять характеръ нынѣшнихъ событій въ Сербіи, надобно припомнить главные факты со времени перваго отреченія Милоша. Паденіе Милоша въ 1839 году было произведено происками нѣсколькихъ честолюбивыхъ вельможъ и въ особенности Вучича. Замыселъ ихъ удался, но народъ въ немъ не участвовалъ. Миланъ, старшій сынъ и законный преемникъ Милоша, былъ человекъ больной и умеръ нѣсколько мѣсяцевъ спустя. Зависть вельможъ была главной причиной, помѣшавшей Вучичу овладѣть престоломъ. Тогдашняя каймакамія рѣшилась дать странѣ другаго князя. Чтобы уничтожить въ родѣ Обреновичей право престолонаслѣдія, была созвана скупщина, и уже по ея выбору, а не по праву наслѣдства, престолъ былъ отданъ второму сыну Милоша, Михаилу. Вучичъ и приверженные къ нему вельможи думали было принять на себя роль опекуновъ молодаго князя, но, встрѣтивъ въ немъ замѣчательную энергію и силу характера, рѣшились на новый правительственный переворотъ. Въ ожиданіи этого событія, они призвали въ Сербію Александра Карагеоргіевича, младшаго сына Георгія Чернаго, находившагося тогда въ Валахіи. Ограниченность ума и слабость характера этого человека, казалось, какъ нельзя лучше соотвѣтствовали ихъ планамъ. Михаилъ весьма милостиво и безъ всякихъ подозрѣній взялъ его къ себѣ въ адъютанты. Въ 1842 году планъ Вучича созрѣлъ. Ему удалось свергнуть князя Михаила. Скупщина, созданная Вучичемъ и большею частью состоявшая изъ наемныхъ цыганъ, выбрала княземъ Александра Карагеоргіевича. Послѣ этого переворота Вучичу дѣйствительно удалось захватить власть; Александръ пользовался только титуломъ князя. Во всѣхъ этихъ дворцовыхъ переворотахъ принимали дѣятельное участіе турецкіе комиссары, на долю которыхъ перепалъ не одинъ свертокъ золота изъ оставленной Милошемъ народной запасной казны, которая также снабжала Вучича и его партію. Народъ, утомленный притѣсненіями олигарховъ, не разъ пытался освободиться отъ нихъ и снова вручить власть человеку изъ рода Обреновичей; но подавляющая система Вучича установила наконецъ въ странѣ видимое спокойствіе. Между тѣмъ родственники княгини съ помощью интригъ и деспотизма заняли всѣ важнѣйшія должности и пріобрѣли этимъ перевѣсъ надъ Вучичемъ, котораго вліяніе тогда значительно ослабло. Ненадовичи заняли его мѣсто въ управленіи безхарактернымъ княземъ, стараясь и все государственное устройство привести въ состояніе крайняго расслабленія. Сенатъ, состоявшій преимущественно изъ людей ограниченныхъ, былъ значительно пополненъ

людьми, лишенными всякой самостоятельности. Въ послѣднее время правленію Александра сдѣлалось ржавой машиной, съ помощью которой партія Ненадовичей распоряжалась всѣмъ по произволу и раззоряла казну. Бѣдствія народа постоянно увеличивались. Онъ впалъ въ глубокую апатію, и только событія послѣдняго времени показали, что въ глубинѣ души его еще сохранились неиспорченныя чувства.

Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ нѣкоторые сенаторы думали о низложеніи Александра и о возвращеніи престола Милошу; но планъ ихъ въ самомъ началѣ былъ открытъ Ненадовичами, и они дорого за него заплатились. Вучичъ, надѣявшійся овладѣть престоломъ, скрытно поддерживалъ составителей этого плана. Впослѣдствіи онъ, однако, перемѣнилъ свой образъ дѣйствій, и весною настоящаго года помогъ Александру удержаться на шаткомъ княжескомъ престолѣ. Съ этихъ поръ Вучичъ и его кліенты играли Александромъ, какъ мячикомъ; хотя впрочемъ очевидно было, что рано или поздно послѣдніе возьмутъ верхъ. Вучичу и приверженнымъ къ нему вельможамъ угрожала тогда страшная перспектива сырыхъ подземелій Гургусовацкой кулы (тюрьмы), такъ что они были поставлены въ неспріятную необходимость выбрать одно изъ двухъ: или Александра съ тюрьмой въ перспективѣ, или князя изъ рода Обреновичей, съ которымъ было неразлучно прекращеніе ихъ политическаго владычества. Нѣтъ сомнѣнія, это послѣднее было все-таки лучше; но не легко отказаться отъ власти, и въ умахъ олигарховъ появилась третья мысль, удовлетворявшая всѣмъ имъ требованіямъ, — мысль объ учрежденіи каймаками. Планъ этотъ уже потому не могъ быть приведенъ въ исполненіе, что самые способные изъ олигарховъ мечтали во время междуцарствія овладѣть престоломъ. Эта мысль, явившись одновременно у многихъ, внушила имъ взаимную недовѣрчивость, въ особенности когда въ числѣ претендентовъ явился богатый маіоръ Миша, хлопотавшій вѣроятно въ пользу своего зятя Дѣка Карагеоргіевича. Впрочемъ каждый изъ претендентовъ все еще надѣялся на успѣхъ, и въ первый разъ послѣ десяти лѣтъ была созвана скупщина, съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ формальностей.

Турецкое правительство боялось результатовъ этого движенія, и выборъ депутатовъ уже показывалъ, что народъ хочетъ возвратитъ Милоша Обреновича; но олигархи все еще были убѣждены въ успѣхъ своего дѣла. Они надѣялись посредствомъ скупщины низложить Александра; а потомъ съ помощью городского гарнизона, въ преданности котораго не сомнѣвались, разогнать самую скупщину. Въ высшихъ кругахъ общества не боялись говорить, что существованіе скупщины продолжится на нѣсколько дней въ томъ только случаѣ, если она будетъ вести себя какъ слѣдуетъ, т. е. сообразно съ приказаньями олигарховъ, — а иначе тотчасъ же будетъ она распущена.

Среди такихъ обстоятельствъ приближался день св. Андрея. Представители народа не явились въ этотъ день къ княжескому столу. Это обстоятельство уже должно было навести Александра на мысль объ отреченіи; но жена его и слишкомъ любостыжательные ея родственники не позволили ему удалиться съ честью. 3 декабря скупщина собралась въ первый разъ и назначила своимъ президентомъ маіора Мишу. Этотъ выборъ рассердилъ олигарховъ, но они все еще не теряли надежды. 4 числа (старого стиля)

Александръ въ присутствіи высшихъ должностныхъ лицъ и духовенства открылъ скупштинну. Тронная рѣчь, прочитанная секретаремъ его, была принята холодно: 3—4 голоса робко крикнули: „Живѣ“ (ура)! но тотчасъ же замолкли, не найдя отклика. 5 числа собраніе рѣшилось перемѣнить статутъ скупштины. Президентъ изъявилъ желаніе отложить это дѣло; но бѣлградскій депутатъ Милованъ Янковичъ и Чупріяджи Стаменковичъ отговорили собраніе отъ принятія его мысли. Для измѣненія различныхъ пунктовъ статута назначили особую комиссію, которая тотчасъ принялась за дѣло.

По новому уставу, принятому скупштиною, правленіе Сербією изъ рукъ олигархическаго сената совершенно переходило въ руки собранія народныхъ представителей и княжество рѣшительно становилось въ рядъ конституціонныхъ государствъ; вотъ главные постановленія новаго устава о скупштинахъ:

Скупштина *) одно изъ древнѣйшихъ и священнѣйшихъ учрежденій Сербской земли. Она законная выразительница воли сербской націи. Кто противится законному и свободному дѣйствію скупштины, тотъ измѣнникъ сербскому народу. Скупштина принимаетъ все мѣры, нужныя для общаго блага. Никакой законъ относительно правъ князя, сената, министерства и скупштины не можетъ быть изданъ или измѣненъ безъ предварительнаго согласія скупштины. Скупштина имѣетъ право именемъ націи требовать отмѣненія каждаго неудобнаго закона и каждаго противнаго національнымъ выгодамъ учрежденія. Нельзя заключать ни займа, ни какого другаго обязательства безъ позволенія скупштины. Она можетъ именемъ націи отдавать подъ судъ министровъ и всѣхъ другихъ чиновниковъ. Скупштина собирается ежегодно въ день Рождества Богородицы въ столицѣ Сербіи. Если новые депутаты не выбраны къ этому дню, депутаты прежней скупштины остаются законными представителями націи и обязаны, не дожидаясь созванія со стороны правительства, сами собираться въ назначенный срокъ, для составленія скупштины. Министры, которые не созовутъ скупштинну въ законный срокъ объявляются государственными измѣнниками и наказываются строжайшимъ образомъ. Избиратели депутатовъ въ скупштинну—все сербы, достигшіе 30 лѣтъ; избранъ депутатомъ можетъ быть каждый сербъ достигшій 35 лѣтъ. Обыкновенно продолженіе засѣданій скупштины—мѣсяць; въ случаѣ надобности, срокъ этотъ продолжается.

По предложенію того же Янковича собраніе единогласно приняло благодарственный адресъ гарантирующимъ державамъ и другой,—въ рѣзкомъ тонѣ,—султану, который хотѣлъ воспрепятствовать собранію скупштины. 6 и 7 были дни праздничные, — такъ что 4-е засѣданіе происходило 8-го числа. Президентъ былъ боленъ. Вице-президентъ Стевча Миловановичъ занялъ его мѣсто. Собраніе слушало чтеніе своего новаго статута, единогласно его приняло и отправило на утверженіе въ сенатъ. Въ засѣданіи 9-го числа бѣлградскій депутатъ Берловачъ изъявилъ желаніе получить отчетъ о дѣйствіяхъ правительства съ 42 года.

Это предложеніе было принято; тогда онъ же потребовалъ пересмотра

(* Русскій читатель едва ли нуждается въ объясненіи этого слова: скупштина—сокупить; скупштина—сокупщина, собраніе, первоначально—мірская сходка всѣхъ сербскихъ людей, теперь парламентъ, составляющійся изъ ихъ депутатовъ.)

законовъ о судопроизводствѣ и уголовныхъ законовъ, представленій торговой палаты, и закрытія Гургусовацкой тюрьмы. Крушевацкій окружной начальникъ Наумовичъ предложилъ составить адресъ князю; но собраніе единогласно отвергло это предложеніе, потому что князь не передалъ скупштинѣ своей тронной рѣчи. Нѣкоторые депутаты потребовали прекращенія разнаго рода противозаконныхъ злоупотребленій. Лосницкій протоіерей Васичъ и Крагуевацкій депутатъ Туцекевичъ говорили въ пользу свободы книгопечатанія. Въ засѣданіи 10-го числа Берловачъ говорилъ о множествѣ народныхъ бѣдствій, и былъ также встрѣченъ сочувствіемъ собранія. Послѣ рѣзкой рѣчи предсѣдателя Семендрановскаго окружнаго суда, противъ постыднаго образа дѣйствій правительства, скупщина единогласно объявила, что подобной тираніи нельзя выносить долѣе. Берловачъ въ 19 пунктахъ исчислилъ ошибки и преступленія правительства. Выслушавъ его, палата объявила, что всему виною самъ князь, и единогласно заключила о необходимости его отреченія.

Изъ 19-ти пунктовъ обвиненія главными были: 1) Онъ не созывалъ скупщины съ 1842 до 1848 года, хотя при вступленіи на престолъ торжественно обѣщавъ, что будетъ созывать ее каждые три года. 2) Онъ не созывалъ скупщины съ 1848 до 1858 года. 3) Князь противозаконно назначилъ нѣсколькихъ сенаторовъ. 4) Князь приказалъ судебнымъ мѣстамъ не принимать обвиненій противъ министровъ. 5) Онъ послалъ уполномоченнаго на вѣнскую конференцію по вопросу о дунайскомъ судоходствѣ, не сообщивъ объ этомъ сенату. 6) Онъ выдавалъ эмигрантовъ. 7) Онъ покровительствовалъ нѣкоторымъ семействамъ, чтобы пріобрѣтать приверженцевъ, и подкупалъ судей. 8) Онъ отказался распустить часть войскъ для сбереженія расходовъ. 9) Онъ растратилъ 900,000 талеровъ будто бы на военныя издержки, но не отдалъ въ нихъ отчета. 10) Онъ нарушилъ Уставъ (конституцію), лишивъ судилища ихъ независимости.

Къ Александру отправили депутацію съ требованіемъ скупщины, чтобы онъ отрекся отъ княжескаго сана. Приводимъ этотъ актъ.

„Господинъ, народъ имѣлъ довольно случаевъ видѣть, что вы не имѣете ни умѣнья ни желанія доставить Сербіи счастье. Потому черезъ насъ народъ проситъ васъ отказаться отъ власти, но позволяетъ вамъ и вашему семейству остаться въ нашей землѣ, гдѣ не будете вы волоскомъ тронуты. Народъ ожидаетъ вашего отвѣта. Отказывайтесь безъ промедленія и тѣмъ докажите, что вы любите отечество“.

Въ тоже время было дано знать объ этомъ сенату; а начальникъ гарнизона (зять Александра) получилъ приказаніе состоять въ распоряженіи скупщины. Депутація, отправленная къ князю, вернулась съ извѣстіемъ, что князь желаетъ посовѣтоваться съ сенатомъ и дать отвѣтъ на другой день.

Вечеромъ въ тотъ же день отправилась вторая депутація скупщины въ конакъ (княжескій дворецъ), „чтобы утвердить князя въ его добрыхъ намѣреніяхъ“. Княгиня жестоко упрекала мужа за его слабость и говорила, что еслибъ была на его мѣстѣ, то скорѣе дала бы себя изрѣзать въ куски, чѣмъ отказалась бы. Депутаты скупщины стояли свидѣтелями этой семейной сцены. Александръ Карагеоргіевичъ нѣсколько времени слушалъ брань жены, наконецъ потерялъ терпѣніе, взялъ ее за плечи и вытолкнулъ въ со-

сѣдную комнату. Тогда депутаты возобновили свои увѣщанія; но едва они произнесли нѣсколько словъ, какъ опять вбѣжала въ комнату княгиня и стала бранить и депутатовъ и мужа. Мужъ опять вытолкалъ ее вонъ. Черезъ нѣсколько времени по удаленіи депутатовъ князь призвалъ Гарашанина, своего министра внутреннихъ дѣлъ, но впрочемъ бывшаго однимъ изъ главныхъ интригантовъ, думавшихъ воспользоваться для личнаго возвышенія со званіемъ скупщины, и объявлялъ ему, что удаляется въ Бѣлградскую цитадель подъ защиту турецкаго гарнизона. Гарашанинъ почелъ полезнымъ помочь ему въ этомъ дѣлѣ, и въ 10 часовъ вечера князь прибылъ въ цитадель.

Сенатъ съ своей стороны спросилъ: вслѣдствіе какихъ причинъ скупщина требуетъ отреченія князя. Скупщина отвѣчала, что онѣ вполне ему извѣстны; но что впрочемъ она сообщить ему извлеченіе изъ протокола своихъ засѣданій. Въ 8-мъ засѣданіи, 11 числа, Берловачъ и Протичъ объявили, что князь выразилъ сенату намѣреніе скорѣе отказаться отъ жизни, чѣмъ отъ престола. Президентъ извѣстилъ собраніе, что князь ночью вѣроломно прошелъ въ турецкую крѣпость. Собраніе послало спросить сенатъ, справедливо ли это обстоятельство; но еще прежде возвращенія посланныхъ получило сенатскій актъ, подтверждавшій извѣстіе. Тогда скупщина объявила Александра лишеннымъ княжескаго достоинства и единогласно избрала княземъ Милоша, тотчасъ же объявивъ объ этомъ собравшемуся народу. Начальство надъ гарнизономъ и управленіе городомъ передано было вице-президенту скупщины Стевчѣ Миловановичу. Помощниками его были назначены капитаны Алимпичъ и Марковичъ. Вслѣдъ затѣмъ доставленъ былъ изъ сената актъ, которымъ онъ изъявлялъ свое согласіе на низложеніе Александра и предлагалъ скупщинѣ рѣшить вопросъ о порядкѣ временнаго управленія краемъ. Скупщина отвѣтила, что уже саботилась обо всемъ. Вслѣдъ затѣмъ ея постановленія были сообщены сенату, министерствамъ, бѣлградскому пашѣ и представителямъ великихъ державъ. Тысячи вооруженныхъ горожанъ постоянно окружали зданіе скупщины.

12-го декабря засѣданіе началось въ 9 часовъ утра и продолжалось до поздняго вечера. Нѣкоторые депутаты предложили собранію распустить вооруженныхъ Бѣлградскихъ горожанъ, поручивъ исполненіе этого вице-президенту Стевчѣ. Но Стевча замѣтилъ, что никого не призывали къ оружію, а что горожане по собственному желанію вооружились для охраненія своего имущества, защиты скупщины и исполненія ея приказаній. Граждане Бѣлграда, прибавилъ онъ, сохранили полный порядокъ; они достойны похвалы, а не осужденія. Сверхъ того, въ настоящихъ обстоятельствахъ, разсѣять народъ и отдѣлить его отъ скупщины было бы крайне неблагоприятно: въ прошлую ночь нѣкоторые сенаторы сговоривались съ княземъ о томъ, чтобъ вывести его изъ крѣпости, снова провозгласить княземъ и разогнать скупщину. Онъ прибавилъ, что солдаты въ казармахъ уже находятся въ готовности къ бою, и пушки направлены противъ скупщины. Тогда собраніе объявило, что оно не разоидется ни въ какомъ случаѣ, и скорѣе умереть, чѣмъ измѣнить народу. Актъ о низложеніи Александра и указъ о перемѣнѣ городского начальства были посланы на утвержденіе сената. Депутація скоро

вернулась съ извѣстіемъ, что сенатскій караулъ не хотѣлъ пропустить ее, безъ личнаго позволенія котораго нибудь изъ сенаторовъ, а вице-президентъ сената объявилъ ей, что скупщина не имѣетъ права ничего предпринимать безъ согласія сената и отвѣтъ на сообщенные ему акты получить чрезъ посредство князя Александра. Нѣкоторые сенаторы прибавили еще, что скупщина идетъ по дурной дорогѣ и что ей пора одуматься. Страшный ропотъ поднялся въ собраніи, когда оно выслушало этотъ отвѣтъ. Многіе голоса потребовали прочтенія того акта, которымъ сенатъ изъявилъ свое согласіе на изложеніе Александра. Собраніе официально выразило свое недовѣріе къ сенату. Вновь отправленная къ нему депутація тотчасъ же вернулась съ извѣстіемъ, что нѣкоторые сенаторы отправились въ казармы, а другіе въ крѣпость, съ намѣреніемъ возвратить престолъ князю Александру. Донесеніе это произвело большой шумъ въ толпѣ, окружавшей залу засѣданія.

Когда же вице-президентъ объявилъ народу, что отрядъ войскъ направленъ противъ скупщины, горожане обѣщали защититъ ее до послѣдней капли крови. Тогда войско возвратилось въ казармы. Тотчасъ послѣ этого собраніе приступило къ назначенію временнаго правительства. Членами его были выбрапы Гарашанинъ, Стевча (оставленный въ тоже время военнымъ и гражданскимъ начальникомъ города) и Угриичъ. Актъ объ этомъ тотчасъ же былъ сообщенъ всѣмъ должностнымъ лицамъ, присутственнымъ мѣстамъ и народу. Черезъ нѣсколько времени въ собраніе вошелъ солдатъ съ письмомъ отъ вице-президента сената, въ которомъ онъ именемъ сената рѣзко претендовалъ на то, что вооруженная толпа задержала посланный имъ отрядъ. Собраніе, черезъ посредство того же солдата, отвѣчало, что ручается за безопасность сенаторовъ, которые не будутъ противиться желаніямъ народа, что народу нельзя запретить задерживать тѣхъ, которые хотятъ ему вредить, что военное сословіе должно исполнять волю народа, а не нападать на гражданъ и на представителей націи, и что если подобный случай повторится, то граждане будутъ защищать народное дѣло съ оружіемъ въ рукахъ.

Вскорѣ собраніе получило извѣстіе о новомъ столкновеніи. Вице-президентъ сообщилъ ему, что два сенатора (Ранковичъ и Майсторовичъ), предводительствуя отрядомъ войскъ, хотѣли вывести Александра изъ крѣпости; но что вооруженные горожане окружили этотъ отрядъ и взяли обоихъ сенаторовъ въ плѣнъ, оставивъ оружіе солдатамъ, которые обѣщали поддерживать народное дѣло. Тотчасъ послѣ этого нѣсколько человѣкъ сенаторовъ пришли въ залу засѣданій, съ просьбой о покровительствѣ и объявленіемъ, что поступокъ ихъ былъ вынужденъ насиліемъ офицеровъ, которые до сихъ поръ задерживаютъ нѣсколькихъ сенаторовъ въ казармѣ. Скупщина передала временному правительству управленіе государствомъ до прибытія Милоша и послало за находившимися въ казармахъ сенаторами, ручаясь имъ за ихъ безопасность. Сенаторы явились блѣдые, разстроенные, со слезами на глазахъ, безпрепятственно были пропущены столпившимися горожанами и обѣщали поддерживать народное дѣло. Этимъ кончилось засѣданіе 12 дек., протянувшееся до поздняго вечера.

13 ч. рано утромъ тысячи вооруженныхъ бѣлградцевъ и множество поселянъ, собравшихся ночью изъ окрестныхъ деревень, стояли передъ зда-

нием скупщины, съ твердымъ намѣреніемъ привести въ исполненіе все, что она постановить.—Подъ ихъ прикрытіемъ засѣданіе началось въ 10 ч. утра. Члены временнаго правительства прочли свою прокламацію народу. Призваннымъ въ собраніе: городовому полковнику, начальнику военнаго отряда министерства внутреннихъ дѣлъ и начальнику артиллеріи было приказано, что подвѣдомственные имъ части должны дѣйствовать согласно волѣ народа. Прокламація временнаго правительства была прочтена собравшемуся передъ скупщиною народу.

Во время засѣданія 14 ч. въ сенатъ была послана прокламація скупщины, отъ 12 числа,—и въ тоже время получена изъ сената бумага слѣдующаго содержанія:

„Вчера въ засѣданіе сената, собравшагося въ опредѣленное время, около 10 ч. утра пришли 3 офицера съ отрядомъ здѣшняго гарнизона и объявили, что гарнизонъ желаетъ снова призвать князя Александра и что тѣ, которые будутъ противиться этому желанію, себѣ однимъ должны приписать все послѣдствія сопротивленія. Насиліе принудило сенатъ въ сопровожденіи солдатъ отправиться въ казармы и объявить войскамъ, что онъ раздѣляетъ ихъ желаніе. Находясь въ казармахъ, сенатъ составилъ актъ, приглашающій князя Александра вернуться, снова принять княжескую власть и распустить скупщину. Окруженный солдатами, сенатъ былъ принужденъ прочесть это всему гарнизону казармъ. По отправленіи этого акта къ князю Александру, сенату была отведена особая комната, гдѣ онъ и оставался до прибытія депутаціи, призвавшей сенаторовъ въ скупщину. Послѣ всего случившагося, сенатъ теперь рѣшается объявить, что его поступки были вынуждены насиліемъ, что онъ отрекается отъ нихъ, свидѣтельствуя передъ скупщиною о своей готовности, какъ и прежде, поддерживать народное дѣло“. Скупщина потребовала отъ сената его актъ отъ 11 декабря и единогласно рѣшила—извѣстить султана объ избраніи Милоша, прося его утвердить это избраніе. Рѣшено было также—на слѣдующій день выбрать членовъ депутаціи, назначенной для призванія Милоша въ отечество. Между тѣмъ принесли сенатскій актъ, въ которомъ онъ изъявилъ свое согласіе на правительственный переворотъ. Скупщина постановила, что до прибытія Милоша княжеская власть принадлежитъ ей, а начальство надъ городомъ Стевчѣ. Сенатъ утвердилъ назначенное скупщиною временное правительство. Бѣлградскій депутатъ Янковичъ объявилъ, что президентъ унижаетъ достоинство собранія и вредитъ его самостоятельности, оказывая почести министрамъ, являющимся въ скупщину. Онъ также замѣтилъ, что, по торопливости, временному правительству были сообщены только нумера актовъ, которыми скупщина низложила Александра и возвела на престолъ Милоша, и что въ прокламаціи временнаго правительства не помѣщено слово „низложеніе“ Александра, а просто сказано, что онъ оставилъ управленіе и народъ, и тогда скупщина сочла нужнымъ выбрать другаго князя; какъ будто скупщина не имѣетъ права низложить князя, который вредитъ народу и нарушаетъ законы, если бы онъ и не оставлялъ добровольно управленія. Замѣчаніе это было принято и занесено въ протоколъ. Для успокоенія народа собраніе предложило сенату исполнить указъ о передачѣ городского управления Стевчѣ. Сенатъ

согласился. Президентъ скупштини изъявилъ желаніе, поддержанное единогласнымъ рѣшеніемъ собранія, обратиться къ бѣлградскимъ горожанамъ, съ слѣдующимъ благодарственнымъ адресомъ:

„Братья! Когда власть поднялась на бой съ разумомъ, законами, желаніями и свободою народа, вы грудью защитили народную скупштину, и такимъ образомъ спасли ея существованіе. 12 (24) число декабря будетъ всегда памятно сербамъ, не только по рѣшимости и энтузіазму, съ которымъ вы отстояли возлюбленную свободу народа; но и по безпримѣрному благоумію и честности, которая вы показали при защитѣ нашего святаго дѣла. Вы подвергались смерти, чтобы оградить права и свободу народа, и спасли ихъ, но не мстили побѣжденному врагу. Братья, вы этимъ доказали какъ свою честность, такъ и честность всѣхъ сербовъ, и потому примите, черезъ посредство наше, ихъ заслуженную благодарность“.

Въ засѣданіи 15 числа было составлено и передано въ сепать для утвержденія слѣдующая просьба на имя султана.

„Ваше императорское величество! Народная скупштина, созданная въ день св. Андрея текущаго года, осмѣливается именовемъ вѣрнаго сербскаго народа съ глубочайшимъ благоговѣніемъ донести вашему величеству, нашему всемилостивѣйшему султану, что управленіе князя Александра Карагеоргіевича сдѣлалось невыносимымъ для страны и народа. Народная скупштина убѣдилась, какъ убѣжденъ въ этомъ и весь народъ, что причина всѣхъ бѣдствій края заключается въ князѣ Александрѣ Карагеоргіевичѣ, потому что онъ дѣйствовалъ противно законамъ и народнымъ выгодамъ, вслѣдствіе чего и потерялъ народную довѣренность. Продолженіе его власти стало невозможнымъ, потому что спокойствіе страны не могло быть поддержано, если бы онъ оставался княземъ Сербіи. По важности этой причины народная скупштина въ своемъ засѣданіи, 10 (22) декабря, единогласно рѣшила посредствомъ депутаціи просить князя Александра, чтобы онъ, ради счастья и успокоенія своего отечества, отказался отъ княжескаго достоинства. Князь Александръ обѣщаль дать отвѣтъ на другой день 11 (23) декабря утромъ; но не сдержалъ слово и ночью съ 23 на 24 декабря между 11 и 12 часовъ отправился въ крѣпость, и такимъ образомъ измѣнилъ пароду и оставилъ его безъ верховнаго главы. Народная скупштина въ своемъ засѣданіи 11 (23) декабря единогласно рѣшила и объявила народу, что князь Александръ Карагеоргіевичъ пересталъ быть княземъ Сербіи. Чтобы страна не оставалась безъ верховнаго главы, народная скупштина, въ томъ же засѣданіи, постановила и объявила народу, что князь Милошъ Обреновичъ, прежде уже бывшій княземъ, и въ 1839 году добровольно отказавшійся отъ княжескаго достоинства, снова имъ облачается съ правомъ наслѣдственности въ мужскомъ колѣнѣ, согласно берату и уставной грамотѣ, уже прежде дарованнымъ ему вашимъ императорскимъ величествомъ. До времени же его прибытія народная скупштина приняла верховную власть на себя. Чтобы поддержать спокойствіе и порядокъ въ краѣ, она назначила временное правительство изъ трехъ лицъ, которая до прибытія князя Милоша будутъ управлять краемъ и пользоваться княжескою властью. Въ настоящее время народъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ, чтобы ваше императорское величество

обрадовали его высочайшимъ утвержденіемъ князя Милоша въ достоинствѣ князя Сербіи. Постоянная благосклонность, съ которою ваше императорское величество до сихъ поръ принимали желанія и просьбы своихъ вѣрныхъ сербовъ, внушаетъ имъ надежду, что и въ настоящемъ случаѣ ваше императорское величество не оставите ихъ своей высочайшей милостью. Въ этомъ убѣжденіи состоялось единогласное рѣшеніе народной скупщины, въ ея нынѣшнемъ засѣданіи, и съ этой всеподданнѣйшей просьбой она припадаетъ къ престолу вашего императорскаго величества и осмѣливается просить ваше императорское величество всемилостивѣйше издать высочайшій берать, утверждающій князя Милоша Обреповича въ достоинствѣ князя Сербіи, съ правомъ наслѣдственности въ мужскомъ колѣнѣ, какъ это уже прежде всемилостивѣйше ему было даровано, относящимся къ этому бератомъ и уставной грамотой. Исполненіе этого желанія наложить новыя узы благодарности на вѣрныхъ сербовъ, и они не перестанутъ возносить къ Богу самыя теплыя молитвы о счастливой и долгой жизни вашего императорскаго величества. Принято и объявлено въ народной скупщинѣ 14 (26) декабря 1858 г., въ Бѣлградѣ.

Затѣмъ приступили къ избранію членовъ депутаціи, отправляемой къ Милошу.

Ее составляли слѣдующія лица: 17 представителей различныхъ округовъ Сербіи, по одному отъ cadaго, и сверхъ того: епископъ, окружный начальникъ, президентъ окружнаго суда и, въ видѣ отличія для бѣлградскихъ гражданъ, депутатъ отъ этого города. Депутацію положено было отправить 19 декабря. Митрополитъ (прежній жаркій противникъ Милоша, которому онъ впрочемъ обязанъ своимъ мѣстомъ) изъявилъ желаніе присоединиться къ депутаціи.

Скупщина вручила ей слѣдующее письмо:

„Свѣтлѣйшій князь Сербіи Милошъ Обреновичъ!

Голосъ сербскаго народа посредствомъ народной скупщины, 11 (23) декабря, возвелъ васъ въ достоинство князя Сербіи съ правомъ наслѣдственности, уже прежде вамъ даннымъ. Скупщина отъ имени народа обратилась уже къ султану съ просьбой объ утвержденіи васъ въ этомъ достоинствѣ и сегодня проситъ вашу свѣтлость вернуться въ отечество.—Депутаціи, которая вручить вамъ этотъ актъ, поручено отъ имени скупщины и цѣлаго народа просить васъ сколько возможно скорѣе обрадовать насъ вашимъ возвращеніемъ. Въ составъ этой депутаціи скупщина назначила изъ среды своей слѣдующія лица (перечисляются имена депутатовъ), и сверхъ того сдѣлала распоряженія о присоединеніи къ ней: одного сенатора, по назначенію сената, одного епископа по выбору высшаго духовенства, и одного офицера, по назначенію временнаго правительства, и одного гражданина, по выбору Бѣлградской общины. Скупщина именемъ народа проситъ вашу свѣтлость благосклонно принять эту депутацію и въ ея сопровожденіи вернуться въ Сербію и въ резиденцію вашу, гдѣ васъ въ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ весь народъ и его представители. Утверждено и объявлено въ народной скупщинѣ 15 (27) декабря 1858 въ Бѣлградѣ“.

Скупштина извѣстила сенатъ объ этомъ актѣ и поручила ему сдѣлать необходимыя распоряженія относительно путешествія депутаціи и пріема Милоша. По предложенію бѣлградскаго депутата Янковича, собраніе единогласно положило, послѣ прибытія Милоша, возвратить въ отечество всѣхъ безъ исключенія политическихъ изгнанниковъ.

Въ засѣданіи 16 декабря были прочтены благодарственные адреса скупштинѣ отъ городовъ Смедерева, Яподины и Крагуеваца и т. д. Депутатъ Сома Протичъ предложилъ принять мѣры для удаленія бывшаго князя Александра за сербскую границу, что необходимо для успокоенія народа. Рѣшеніе было отложено до слѣдующаго засѣданія, и по предложенію Берловича скупштина просила президента назначить чиновника, хорошо извѣстнаго въ Валахіи, для сопровожденія депутаціи. Берловичъ потребовалъ, чтобы сенатъ въ наискорѣйшемъ времени утвердилъ новый статутъ скупштинѣ. Затѣмъ онъ предложилъ возвратить въ отечество бывшихъ Гургусовацкихъ заключенныхъ, находившихся въ Рушукѣ. Послѣ того скупштина занесла въ протоколъ засѣданій, что благодарственный адресъ къ бѣлградскимъ гражданамъ относится также ко всѣмъ чиновникамъ, студентамъ и воспитанникамъ учебныхъ заведеній въ Бѣлградѣ, и поселянамъ, пришедшимъ изъ окрестностей на защиту народнаго дѣла.

Около 8 ч. утра того же числа депутація отплыла по Дунаю на небольшихъ открытыхъ судахъ, наскоро обращенныхъ въ палубныя; пушечные выстрѣлы, колокольный звонъ и благословенія народа сопровождали ее. Австрійское пароходное общество не согласилось отдать одинъ изъ своихъ пароходовъ въ распоряженіе представителей народа, который оказалъ ему самое дружественное содѣйствіе при устройствѣ станцій на Дунаѣ. Необыкновенно высокая цѣна за наемъ и залогъ для обезпеченія цѣлости парохода были бы охотно даны,—но общество, имѣвшее по близости нѣсколько пароходовъ, затягивало дѣло, объявило, что пришлетъ пароходъ черезъ нѣсколько дней и т. д. Потому и рѣшено было предпочесть другой способъ путешествія, хотя бы и самый утомительный. Кромѣ письма скупштинѣ депутація повезла Милошу пригласительный актъ и отъ сената.

Въ послѣдующихъ своихъ засѣданіяхъ скупштина назначила 3 коммисіи для пріема жалобъ разнаго рода лицъ, приведенія ихъ въ систему и представленія скупштинѣ. Бѣлградская еврейская община просила позволенія присоединить одного еврея къ депутаціи, отправленной къ князю Милошу. Скупштина изъявила на это свое согласіе, хотя только жителямъ цѣлаго Бѣлграда, въ видѣ особенной награды за ихъ усердіе, было позволено назначить своего особеннаго депутата. Представителемъ еврейской общины былъ избранъ банкиръ Руссо.

Сынъ Милоша Михаилъ, жившій въ своемъ помѣстьи, въ австрійскихъ владѣніяхъ, ранѣе чѣмъ отецъ успѣлъ получить извѣстіе объ избраніи Милоша и о назначеніи самого его наслѣдникомъ престола. Онъ прислалъ благодарность сербскому народу за память объ услугахъ его отца. Черезъ нѣсколько времени было получено и согласіе Милоша, принятое бѣлградцами съ восторгомъ. Говорятъ, что народъ плакалъ отъ радости, когда въ церквахъ въ первый разъ помянули Милоша, князя Сербіи.

Но въ зимнюю погоду старикъ (ему теперь 82 года) не могъ ѣхать такъ быстро, какъ бы хотѣлось сербамъ. Онъ прибылъ въ Бѣлградъ не ранѣе 24 января (старого стиля); между тѣмъ событія въ Сербіи развивались своимъ порядкомъ. Скупштина все больше и больше убѣждалась въ злонамѣренныхъ интригахъ олигарховъ, предводителями которыхъ были: Вучичъ и Анастасевичъ Миша, отчасти и Гарашапинъ. Она учредила надъ ними надзоръ и наконецъ арестовала Вучича. Министры и сенаторы были партизанами и креатурами олигарховъ, потому скупштина наконецъ увидѣла надобность принять противъ нихъ рѣшительныя мѣры. Въ засѣданіи 19 января одинъ изъ депутатовъ Ушицкаго округа, Николай Сердаръ, взошелъ на трибуну и сказалъ: „У меня было большое стадо овецъ. Я отдалъ его на попеченіе двадцати одного пастуха (министровъ въ Сербіи 4, а сенаторовъ было 17), стадо гибнетъ со дня на день, а ни одинъ изъ пастуховъ не говоритъ мнѣ, кто виноватъ въ томъ. Какъ же теперь мнѣ узнать, какихъ пастуховъ мнѣ хвалить, какихъ поподчивать палкою?“ За этими словами начинаются сильныя рѣчи противъ сената, хотѣвшаго обмануть сербскій народъ, хотѣвшаго остановить движеніе вооруженной силой. Всѣ министры и сенаторы объявляются низложенными. Черезъ нѣсколько времени жители Гургусовацкой области, въ которой находилась страшная тюрьма для политическихъ преступниковъ, прислали скупштинѣ просьбу о томъ, чтобы они были избавлены отъ позора видѣть на своей землѣ это гнусное зданіе. Просьба была принята, какъ заслуживала, и ненавистная Гургусовацкая кула теперь разрушена.

Изъ множества прогрессивныхъ постановленій, принятыхъ скупштиною, мы упомянемъ только о возвращеніи изгнанниковъ, въ числѣ которыхъ былъ и знаменитый родоначальникъ новаго литературнаго движенія въ Сербіи, Вукъ Стефановичъ Караджичъ, знаменитый издатель народныхъ сербскихъ пѣсенъ, и о томъ, что въ Сербіи провозглашена свобода печатнаго слова.

24-го января Милошъ, вмѣстѣ съ Михаиломъ, прибылъ въ Бѣлградъ. Мы не будемъ описывать народнаго энтузіазма, съ которымъ былъ онъ встрѣченъ. Скупштина теперь видѣла свои заботы приближающимися къ концу, и по совершенномъ утвержденіи новаго правительства была распущена княземъ 31-го января (12-го февраля). Для наблюденія за ходомъ дѣлъ осталась избранная ею изъ числа депутатовъ постоянная коммиссія.

Олигархи, преслѣдуемые народною ненавистью, отдѣлались очень дешево: Вучичъ и Миша получили позволеніе уѣхать за границу.

Надобно теперь сказать, хотя для формы, о томъ, какъ держало себя турецкое правительство при этомъ неприятномъ для него дѣлѣ. Читатели знаютъ, что Турція и даже Австрія боятся энергіи дряхлаго Милоша и особенно страшатся того смысла, какой имѣетъ его имя для сербовъ, еще остающихся подъ турецкимъ или австрійскимъ господствомъ. Вся популярность Милоша основана на томъ, что онъ освободитель сербовъ. Разрозненныя части сербскаго племени ждуть только счастливой возможности присоединиться къ Сербскому княжеству. Другіе турецкіе славяне также симпатизируютъ этому независимому, родному государству. Опасаясь, что подъ управленіемъ Милоша и его сына Сербское княжество раздвинетъ свои границы насчетъ турецкихъ и, чего добраго, даже австрійскихъ областей, эти двѣ державы, какъ извѣстно

читателямъ, сначала думали было вооруженною рукою подавить бѣлградское движеніе и возстановить ничтожнаго слугу турокъ и австрійцевъ, Александра Карагеоргіевича. Читатель помнитъ, что это намѣреніе послужило первымъ дипломатическимъ предлогомъ, выставленнымъ со стороны Франціи къ разрыву съ Австріею. Само собою разумѣется, что не дипломатическіе переговоры остановили турецко-австрійскій гнѣвъ: дипломаты всегда имѣютъ привычку „признавать совершившіеся факты“, и если бы Австрія съ Турціей надѣялись легко управиться съ сербами, они преспокойно заняли бы княжество, разстрѣляли и перевѣшали бы всѣхъ непріятныхъ имъ людей, а потомъ пошелъ бы обмѣнъ депешъ, сначала очень сердитыхъ, далѣе мало по малу смягчающихся передъ созерцаніемъ „совершившагося факта“ и „возстановленнаго въ Сербіи порядка“; и Александръ Карагеоргіевичъ, возстановленный князь, остался бы управлять по турецко-австрійскимъ приказаніямъ. Къ счастью, сербы въ своемъ мужествѣ имѣли защиту болѣе надежную, нежели дипломатическія ноты Франціи. Турки и австрійцы сообразили, что напрасно они горячились, что сербы не поддадутся безъ отчаянной борьбы, исходъ которой при извѣстныхъ чувствахъ босняковъ и австрійскихъ сербовъ довольно сомнителенъ, потому ограничились угрозами, а потомъ отказались и отъ угрозъ. Турція прислала свое утвержденіе избранію Милоша, и тѣмъ дѣло покончено. Разумѣется, надобно было хоть въ чемъ нибудь дать удовольствіе своей досадѣ на Милоша, оставивъ себѣ какой нибудь предлогъ на случай, если черезъ нѣсколько времени обстоятельства будутъ благопріятствовать вмѣшательствамъ въ сербскія дѣла. Потому въ бератѣ, утверждавшемъ Милоша, были вставлены кляузы, служащія облегченіемъ души въ безсильной досадѣ. Вмѣсто того, чтобы сказать „по низложеніи прежняго князя скупштиною“, бератъ выражается „по отреченіи прежняго князя“; о наслѣдственности сербскаго престола въ родѣ Обреновичей опъ умалчиваетъ. Но эти кляузы—дипломатическое пустословіе, годное развѣ для того, чтобы надъ нимъ смѣялись. Сербская скупштина объявила, что бератъ неудовлетворителенъ и, отправивъ къ султану рѣзкія замѣчанія противъ него, продолжала дѣйствовать не обращая никакого вниманія на Турцію. Сынъ Милоша, Михаилъ, все-таки объявленъ наслѣдникомъ своего отца, а про Александра Карагеоргіевича все-таки повторено, что онъ низложенъ.

Что можетъ обѣщать себѣ Сербія отъ новаго порядка вещей? Удержитесь ли старикъ Милошъ отъ произвола и притѣсненій, которыми далъ онъ олигархамъ возможность низвергнуть его 20 лѣтъ тому назадъ? Главнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о Сербіи, къ сожалѣнію, служатъ константинопольскія и австрійскія газеты, враждебныя сербамъ. Они уже говорятъ о дѣйствіяхъ Милоша много дурнаго; но вѣрить имъ мы не считаемъ благоразумнымъ, пока не получимъ свидѣтельствъ менѣе подозрительныхъ. Относительно одной стороны дѣла, именно національныхъ стремленій новаго правительства, и эти газеты не могли совершенно скрыть правды. Въ турецкихъ и австрійскихъ сербахъ оживляется надежда на составленіе одного національнаго государства. Для австрійскихъ славянъ она, конечно, не исполнится иначе, какъ при сильномъ потрясеніи Австріи событіями въ родѣ происшествій 1848 года. Но турецкіе славяне имѣютъ нѣсколько болѣе возможности измѣнить свои

отношенія, и потому Милошъ представляется для Турціи не совѣмъ безопаснымъ вассаломъ и въ настоящее время. Говорятъ, будто его агенты дѣйствуютъ въ Булгаріи, и есть извѣстія, что онъ уже принималъ болгарскую депутацію. Мы не знаемъ, насколько это справедливо; но вѣрнымъ кажется то, что онъ посылалъ къ румынамъ поздравлять ихъ съ первымъ удачнымъ шагомъ къ пріобрѣтенію національнаго единства. Во всякомъ случаѣ возвращеніе Обреновичей въ Сербію, подобно избранію Кузы общимъ господаремъ Молдавіи и Валахіи, должно считаться событіемъ, указывающимъ на развитіе въ христіанскихъ жителяхъ Турецкой имперіи стремленія къ соединенію въ свободныя государства на развалинахъ турецкой державы въ Европѣ, и, можетъ быть, событіемъ, до нѣкоторой степени приближающимъ эти племена къ давнишней цѣли ихъ пламенныхъ желаній. Еще больше, нежели на Милоша, надобно надѣяться въ этомъ отношеніи на его сына Михаила, котораго даже враги сербскаго княжества описываютъ человѣкомъ, соединяющимъ въ себѣ энергію и умъ отца съ образомъ мыслей, соотвѣтствующимъ духу нынѣшняго времени, съ честнымъ характеромъ и съ желаніемъ служить не своему эгоизму, а народнымъ потребностямъ.

Въ чувствахъ, съ которыми было принято сербами возникновеніе національнаго единства румыновъ, а румынами возстановленіе національнаго правленія въ сербскомъ княжествѣ, надобно видѣть лучшей залогъ возможности удовлетворительной развязки натянутого ноложенія дѣлъ въ христіанскихъ областяхъ Европейской Турціи. Повидимому они понимаютъ, что должны дѣйствовать дружно и что федерація ихъ разныхъ племенъ—необходимое условіе для пріобрѣтенія и сохраненія ихъ свободы.

Библиографическій указатель

статей о Н. Г. Чернышевскомъ и о его сочиненіяхъ.

- Аббадона (Амфитеатровъ).**—Фельетонъ — Зарубежные отклики, XVIII. (О „Что дѣлать?“).—Русь, 1904, 7 ноября.
- Агафоновъ, В.**—Старые гимны разуму, свободѣ и „эгонстическому“ героизму.—Миръ Божій, 1905, № 10.
- Ав—въ, Я.**—О вновь изданномъ романѣ „Что дѣлать?“—Ист. Вѣстн., 1905, № 6.
- Allgemeine Zeitung (Beilage zur),** 1883, № 325, 22 Nov.—Die Aesthetik der Nihilisten. (Объ „Эстет. отношеніяхъ“ и „Что дѣлать?“).
- Ангарскій, В.**—Памяти Н. Г. Чернышевскаго (къ пятнадцатилѣтію со дня его смерти).—Самар. Газета, 1904, 17 окт.
- Андерсонъ, В. М.**—Свѣтила русской мысли, вып. 2. Мысли, афоризмы и парадоксы. СПб. 1905.
- Антоновичъ, М.**—Современная эстетическая теорія (разборъ „Эстетич. отношеній“).—Современникъ, 1865, № 3.
- Антоновичъ, М.**—Арестъ Н. Г. Чернышевскаго.—Былое, 1906, № 3. стр. 90—94.
- Арсеньевъ, К. К.**—Общественная хроника. Вѣстн. Евр., 1889, № 11.
- Астраханскій Листокъ,** 1889, № ?.—Воспоминанія о пребываніи Н. Г. Чернышевскаго въ Астрахани. (Выдержка изъ этой статьи—Новости, 1889, № 306, 6 ноября).
- Асхабадъ** 1899, № 247.—Анекдотъ изъ жизни Чернышевскаго (въ фельетонѣ).
- Ачкасовъ, П.**—Письма о литературѣ. — Рус. Вѣстн., 1895, № 1, стр. 224—226.
- Б. (Баллодь?)**—Изъ жизни въ Нерчинскихъ рудникахъ въ 60-хъ годахъ, воспоминанія.—Амурскій Край, 1900, №№ 5, 8, 11, 14, 17, 23 и 29 (14 янв.—10 марта). (Выдержки—въ Закасп. Обзорѣніи, 1900, №№ 51 и 74, 5 марта и 2 апр. и 1901, 30 окт.; въ Россіи, 1901, 11 окт.).
- Батуринскій.**—А. И. Герценъ, его друзья и знакомые. Герценъ и Чернышевскій. (Истор. Вѣстн., 1904, № 12).
- Бельтовъ.**—За двадцать лѣтъ. СПб. 1905.
- Бибиновъ, П. А.**—Критическіе этюды, 1859—1865, (въ 4-мъ этюдѣ—Рев-

ность животныхъ. По поводу шельмованнаго поступка Вѣры Павловны Лопухиной).

Библиотека для Чтенія, 1855, т. 132, отд. VI, стр. 5 (объ Эст. отнош.).

Библиотека для Чтенія, 1861, № 8, стр. 24—50.—Повальное недоразумѣніе (по поводу спора Чернышевскаго съ Юркевичемъ).

Библиотека для Чтенія 1862, № 3, стр. 153—175, Н.—овъ. Современныя поминки по друзьямъ. (О Добролюбовѣ и Чернышевскомъ).

Библиотека для Чтенія, 1862, № 3, стр. 176—178.—Кто стоялъ въ послѣднее время во главѣ русской литературы—Добролюбовъ или Панаевъ?

Благовѣсть, 1889, № 17.—Н. Г. Чернышевскій (некрологъ).

Блюммеръ, Л. П.—Письма о русской журналистикѣ.—Сѣв. Пчела, 1860, №№ 53, 59 и 80, (есть и о Чернышевскомъ).

Бобровскій (А. С. Суворинъ).—Всякіе (книга, сожженная цензурою).

Богучарскій, В.—Изъ прошлаго русскаго общества. СПБ. 1904. (Также Миръ Божій, 1901, № 11).

Богучарскій, В.—Изъ русскихъ журналовъ.—Миръ Божій, 1905, № 1.

Борисовъ, Ив.—Алексѣевскій равелинъ въ 1862—1865 гг.—Рус. Старина, 1901, № 12. (Выдержка—Рус. Вѣд. 1901, 31 дек.—Н. В.—въ. Наши историческіе журналы).

Бороздинъ, А. К.—Литературныя характеристики, XIX вѣкъ, т. II, вып. I. СПБ. 1905.

Боцяновскій, Вл.—Критическіе наброски.—Русь, 1904, 30 окт. (Выдержка—Закасп. Обзорѣніе, 1904, № 278).

Брюнетьеръ.—Статья въ Revue des deux Mondes, 1876, № ?

Буренинъ, В.—Критическіе очерки.—Нов. Время, 1894, 28 окт. (О развѣчиваніи Волинскимъ Чернышевскаго).

Бурцевъ.—За сто лѣтъ. Ч. I, стр. 69—85.

Бурцевъ.—Описаніе рѣдкихъ россійскихъ книгъ, ч. V, № 1061. („Что дѣлать?“)

Былое, 1903, № 4, стр. 60—61, 65. (Ссылка и каторга въ 60-хъ годахъ и о Чернышевскомъ въ каторгѣ, отрывокъ изъ письма Муравскаго).

Былое, 1906, № 1, стр. 171—173.—Письма Н. Г. Чернышевскаго къ А. А. Краевскому. (Поправка въ этой статьѣ: Былое, 1906, сент., стр. 208—Къ протесту по дѣлу А. П. Щапова).

Былое, 1906, № 2, стр. 250—251.—Письмо М. Е. Салтыкова къ Н. Г. Чернышевскому (сообщилъ М. К. Лемке).

Бѣлелюбскій, проф.—Памяти Н. Г. Чернышевскаго.—Русь, 1905, 7 янв. (Приведено стихотвореніе „На смерть Н. Г. Чернышевскаго“).

Б. А.—Критическія замѣтки.—Миръ Божій, 1904, № 12. (Къ 15-лѣтію со дня смерти Н. Г. Чернышевскаго).

Б. В.—Герценъ и Тургеневъ.—Вѣстн. Всемирн. Исторіи, 1901, Февраль. (Разговоръ Герцена съ Чернышевскимъ).—Выдержка—Закасп. Обзор. 1901, № 48, 2 марта.

Б. С.—Н. Г. Чернышевскій.—Новый Путь, 1904, № 11.

- Венгеровъ, С. А.**—Чернышевскій.—Энциклоп. Словарь Брокгауза-Ефрона, полут. 76.
- Вернадскій, И.**—О поземельной собственности (критику „Современника“).—Эконом. указатель, 1857, №№ 22, 25, 27 и 29; стр. 506—510; 583—586; 633—637; 677—685.
- Веселовскій, Алексъ.**—Къ характеристикѣ А. Н. Пыпина.—Рус. Вѣдом., 1903, № 94.
- Вилуецъ.**—Кое-что о Вилуейской тюрьмѣ (письмо въ редакцію).—Россія, 1901, 27 окт.
- Вогюэ.**—Статьи въ *Revue des deux Mondes*, 1876, № 20.
- Водозовъ, В.**—По поводу выхода въ свѣтъ полнаго собранія сочиненій Н. Г. Чернышевскаго.—Наша Жизнь, 1905, 25 ноября.
- Волконскій, князь С.**—Высшее образованіе женщинъ въ Россіи.—Нов. Время, 1899, 3 авг. (Нѣсколько словъ о колебаніи Чернышевскимъ въ романѣ. „Что дѣлать?“ основъ семьи и провозглашеніи безполезности брака).
- Волжскій Вѣстникъ**, 1905, № 19, 30 ноября.
- Волынскій, А.**—Русскіе критики. СПб. 1896. Глава „Чернышевскій и Гоголь“. (Изъ Сѣв. Вѣстника, 1894).
- Восточное Обозрѣніе**, 1904, № 271, 13 ноября.—Фельетонъ—Н. Г. Чернышевскій.
- Восходъ**, 1885, № 2, стр. 19—25 (рецензія А. Волынскаго о переводѣ Вебера).
- Впередъ** (журналъ) № 2. (Дѣло Чернышевскаго).
- Впередъ** (газета) № 33. (Дѣло Чернышевскаго).
- Вѣстникъ и Библіотека Самообразованія**, 1905, № 18.—Н. Г. Чернышевскій и Россія 60-хъ годовъ.
- Вѣстникъ Европы**, 1885, № 12, стр. 903—905 (рец. о переводѣ Вебера).
- Вѣстникъ Европы**, 1892, №№ 5 и 11 (объ Очеркахъ Гогол. періода).
- Вѣстникъ Европы**, 1893, № 2 (объ Эстет. отношеніяхъ).
- Вѣстникъ Европы**, 1894, № 3.
- В. А.**—Что дѣлать?—Сынъ Отеч. 1863, № XXXIV (воскресный), стр. 535—543.
- В—овъ, А.**—Что дѣлать?—Духъ Христ., 1863, кн. I, отд. II, стр. 1—31.
- В. В.**—По поводу собранія сочиненій Чернышевскаго.—Наша Жизнь, 1906, № 16, 30 апр. (литер. приложеніе).
- Гаевскій, В. П.**—Новые люди. Что дѣлать? — Модный Магази́нъ, 1863, № 14, стр. 165—170.
- Генкерь.**—Докладъ, прочитанный 11 ноября 1904 г. въ одесскомъ литературно-артистическомъ обществѣ о дѣятельности Чернышевскаго.—Одесскія Новости, 1904, № ? (Перепечатки были въ Сѣв.-Зап. Словъ, 1904, №№ 2156—2157; въ Закасп. Обозрѣніи, 1904, 23 и 25 ноября).
- Henckel, W.**—Zur russischen Romanliteratur.—Allgemeine Zeitung (Beilage zur), 1883, № 298, 26 oct. (О „Что дѣлать?“ по поводу выхода нѣмецкаго перевода.—Leipzig, F. A. Brockhaus, 1883).

- Герценъ, А. И.**—Сочиненія, изд. 1905, т. 3, стр. 461.— Колоколь — „Лишніе люди и желч вики“. (Свиданіе Герцена съ Чернышевскимъ).
- Глинка, Юстина.**—Письмо въ редакцію. — Наша Жизнь, 1904, № 10, 16 ноября (по поводу ходатайства о возвращеніи Чернышевскаго).
- Глинскій, Б.**—А. Н. Пыпинъ.—Ист. Вѣстникъ, 1905, № 1, стр. 263—307.
- Головачева-Панаева, А. Я.**—Русскіе писатели и артисты, 1824—1870. СПб. 1900. (Выдержки — Астрах. Вѣстникъ, 1889, № 72, 14 іюля).
- Головинъ.**—Русскій романъ. 1897.
- Гольцевъ.**—Воспоминанія п переписка Н. Г. Чернышевскаго. — Рус. Мысль. 1903, № 1.
- Гороховъ, Николай (Лѣсковъ).**—Николай Гавриловичъ Чернышевскій въ его романѣ „Что дѣлать?“—письмо къ издателю Сѣв. Пчелы.— Сѣв. Пчела, 1863, № 142, стр. 657—658.
- Грабъ, Павло.**—М. Г. Чернышевскій. Біографічний нарис. Львів., 1905.
- Гражданинъ,** 1889, № 291, 20 окт.—Дневникъ.
- Гражданинъ,** 1889, № 295. 24 окт.—Замѣтки прозаика. Интересное воспоминаніе о Чернышевскомъ.
- Гражданинъ,** 1889, № 313, 11 ноября.—(Ламентации о цензурныхъ слабостяхъ).
- Григорьевъ, Ап.**—Сочиненія, т. I.
- Гутьяръ, Н.**—И. С. Тургеневъ и Н. А. Некрасовъ.—Рус. Старина, 1903, № 1, стр. 82—83.
- Г. В.**—Фантазія и жизнь. Книжки Недѣли, 1893, № 3 (объ Эстет. отношеніяхъ).
- Г. П.**—Нѣсколько словъ по поводу статьи г-на Чернышевскаго „о поземельной собственности“.—Эконом. Указатель, 1850, вып. № 12 (№ 64), стр. 258—264.
- Daily News,** 1883, 22 dec.—A russian political prisoner. (Интервью корреспондента газеты „D. N.“ съ Чернышевскимъ въ Астрахани.— Выдержка—Нов. Время, 1883, № 2804, 17 дек.).
- Дебогорій-Мокрѣевичъ, Вл.**—Воспоминанія. Stuttgart, 1903. стр. 21 (О поѣздкѣ Мышкина для освобожденія Чернышевскаго).
- Джаншѣевъ.**—Эпоха великихъ реформъ, изд. IX. (О Чернышевскомъ въ отдѣлѣ Скорбныя справки).
- Добролюбовъ, В. А.**—Ложь гг. Николая Энгельгардта и Розанова о Н. А. Добролюбовѣ, Н. Г. Чернышевскомъ и духовенствѣ. СПб. 1902.
- Добролюбовъ, Н. А.**—Сочиненія.
- Домашняя Бесѣда,** 1864, вып. 8, стр. 204—213.—Апология. (По поводу романовъ. „Что дѣлать?“ и Смѣлый Шагъ).
- Достоевскій, Ѳ. М.**—Дневникъ писателя за 1873 г. Нѣчто личное. (Сочиненія Д. изд. 1883, т. X; изд. 1895 (Маркса) т. 9. стр. 190—200).
- Драгомановъ, М. П.**—Герценъ, Бакунинъ, Чернышевскій и польскій вопросъ. Казань, 1906.
- Дружининъ,** сочиненія, т. VII (изъ Библ. для Чтенія 1856).

- Духовниковъ, Ф.**—Къ исторіи топографіи Саратова.
- Духовниковъ, Ф.**—Николай Гавриловичъ Чернышевскій, его жизнь въ Саратовѣ, Рус. Старина, 1890, № 9 стр. 531—568. (Окончаніе этой статьи осталось по цензурнымъ условіямъ того времени непечатаннымъ).
- Зайцевъ, В.**—Статья объ Эстет. отношеніяхъ въ Рус. Словѣ, 1865, №№ 4 и 5. (Библиогр. Листокъ).
- Закаспійское Обзорѣніе, 1889, № 193, 5 сент.**—По поводу воспоминаній о Н. Г. Чернышевскомъ.
- Закаспійское Сбозрѣніе, 1899, № 194, 7 сент.**—Нѣкоторый протестъ. (По поводу напечатаннаго въ газетѣ „Асхабадъ“ анекдота изъ жизни Чернышевскаго).
- Закаспійское Обзорѣніе, 1900, 10 ноября.**—„Другимъ нельзя“, комедія Н. Г. Чернышевскаго.
- Закаспійское Обзорѣніе, 1904, 23 и 25 ноября.**—Н. Г. Чернышевскій, какъ экономистъ. (Перепечатка изъ Одесскихъ Новостей доклада Теккера).
- Заклинскій, Ил.**—Отзывъ мелкопомѣстнаго владѣльца о статьѣ г. Чернышевскаго „Суевѣріе и правила логики“. — Петерб. Вѣдомости, 1859, № 101.
- Заринъ.**—Лестъ живому и поруганіе надъ мертвымъ (письмо къ г. Чернышевскому).—Библ. для Чтенія 1862, № 3, стр. 138—152.
- Захарьинъ, Ив. (Якунинъ).**—О подложномъ письмѣ въ „дѣлѣ“ Чернышевскаго (письмо въ редакцію)—Новое Время, 1904, 23 ноября. (Поправка къ этому письму (В. Никитина)—Нов. Время, 1904, 29 ноября.
- Зотовъ, В.**—Петербург. Вѣдомости, 1856, № 165 (объ Очеркахъ Гогол. періода).
- Ивановъ, Н.**—Исторія русской критики, СПб. 1900
- Ивановъ-Разумникъ.**—Исторія русской общественной мысли. СПб. 1907.
- Игнатовъ, И.**—Галерея русскихъ писателей. М. 1901, изд. Скирмунта, стр. 268—273 (съ портретами).
- Историческій Вѣстникъ, 1886, № 2, стр. 447—448; № 6, стр. 679—682; 1887, № 2, стр. 458—459; № 9, стр. 660—662; № 12, стр. 734—736** (о переводѣ Вебера).
- Историческій Вѣстникъ, т. LXXV** (стр. 317), LXXVI (601), LXXXIII (605), LXXXIV (190—191), LXXXV (852), LXXXVI (591, 593, 607, 608, 1066).
- Историческій Вѣстникъ, 1897, т. LXVIII, стр. 852; 1896, т. LXIII, стр. 794, 803—805.**
- Историческій Вѣстникъ, 1905, № 6** (о книжкѣ К. М. Оедорова—Жизнь русскихъ великихъ людей. Н. Г. Чернышевскій).
- И.**—Литературные отголоски.—Рус. Вѣдомости, 1904, № 301.
- Катковъ.**—Статья въ Моск. Вѣдомостяхъ, 1879, № 153.
- Каспій, 1889, № ?** (См. Гражданинъ, 1889, № 313).
- Каутскій,** статья о взглядахъ Чернышевскаго на Мальтуса въ Jahrbuch f.

socialwissenschaft u. Politik v. Dr. Ludw. Richter въ I или II т.
(I т. 1879, II т. 1881).

Кіевскіе Отклики, 1904, №№ 289, 308.

Кіевскіе Отклики, 1905, № 11. (Къ біографіи Чернышевскаго).

Клейнбортъ, Л.—Изъ жизни и литературы. Памяти Н. Г. Чернышевскаго.—
Образованіе, 1904, № 12, стр. 107—118.

Клейнбортъ, Л.—Изъ прошлаго русскаго общества.—Образованіе, 1905,
№ 6.

Книжникъ, 1855, № 6. (Объ Эстет. отношеніяхъ).

Книжникъ, 1865, № 7. (Объ Эстет. отношеніяхъ).

Книжный Вѣстникъ, 1865, № 9, стр. 183—184 (объ Эстет. отноше-
ніяхъ).

Кокосовъ, В.—Къ воспоминаніямъ о Н. Г. Чернышевскомъ.—Рус. Богат-
ство, 1905, № 11—12, стр. 158—173.

Колоколь, 1865, №№ 186, 189, 190, 193. (О дѣлѣ Чернышевскаго и
обвинительный актъ).

Колубовскій.—Философскій ежегодникъ, 1893,—869. (Объ Эстет. отнош.).

Корниловъ, Д.—По поводу газетныхъ воспоминаній о Чернышевскомъ.—
Наша Жизнь, 1904, 19 ноября.

Короленко, В.—Воспоминанія о Чернышевскомъ. Лондонъ. 1894, (съ портре-
томъ).

Короленко, В.—Воспоминанія о Чернышевскомъ.—Рус. Богатство, 1904,
№ 11. (Выдержка—Русь, 1904, 28 ноября).

Короленко, В.—Изъ воспоминаній о Н. Г. Чернышевскомъ.—Рус. Богат-
ство, 1905, № 6 (въ отдѣлѣ Случайныя замѣтки).

Короленко, В.—Легенда о Чернышевскомъ.—Наши Дни, 1905, № 35
(или 31?).

Корсаковъ, Д. А.—Изъ переписки Кавелина.—Рус. Мысль, 1892, № 3,
стр. 6, 7.

Косица, Н. (Страховъ).—Счастливые люди. Одинъ изъ нашихъ типовъ.—
Библ. для Чтенія, 1865, № 7—8, стр. 142—166. (Полемика
съ „Днемъ“ о нигилизмѣ и о романѣ „Что дѣлать?“).

Ко., Н.—Еще о петербургской литературѣ, письмо къ редактору.—Время,
1861, № 6, стр. 137—155 (о статьѣ Причины паденія Рима).

Красноперовъ.—Мои воспоминанія.—Миръ Божій, 1896, №№ 9 и 10.

Крыловъ, В.—Эпизодъ на литературномъ конгрессѣ въ Вѣнѣ (отрывокъ изъ
воспоминаній).—Истор. Вѣстникъ, 1900, № 2.

Крымовъ, М.—Знакомство съ Н. Г. Чернышевскимъ (1858—1862).—
Слово, 1905, 16 и 20 ноября (приложеніе № 2).

Кудринъ, Н. Е.—Н. Г. Чернышевскій и Россія 60-хъ годовъ.—Рус. Бо-
гатство, 1905, № 3, стр. 166—207.

К., М.—Учиться или не учиться. Замѣтка относительно того важнаго влія-
нія, которое Чернышевскій имѣеть въ литературѣ. Библ. для Чтенія,
1862, № 5, стр. 187—195.

Ламбины, П. и Б.—Русская историческая бібліографія (1855—1863). Спб.
1861—1877.

- Левенфельдъ.—Статья въ *Unser Zeit*, 1882, № 10 (о „Что дѣлать?“).
- Лемке, М.—Эпоха цензурныхъ реформъ. Спб. 1904.
- Лемке, М.—За что арестовали Н. Г. Чернышевскаго (письмо А. И. Герцена къ Н. А. Серно-Соловьевичу).—*Былое*, 1906, № 1, стр. 230—232.
- Лемке, М.—Дѣло Н. Г. Чернышевскаго (по неизданнымъ источникамъ).—*Былое*, 1906, №№ 3—5, стр. 95—106; 125—187; 77—130.
- Летучіе листки, издаваемые фондомъ рус. вольной прессы въ Лондонѣ, 1898, № 42, 23 марта.—Кое-что о неизвѣстныхъ произведенияхъ Н. Г. Чернышевскаго.
- Лукияновъ, А.—Стихотвореніе „Памяти Н. Г. Чернышевскаго“.—*Наша Жизнь*, 1904, 25 декабря.
- Львовъ, В.—Журнальныя замѣтки. Н. Г. Чернышевскій.—*Образованіе*, 1905, № 1.
- Льдовъ, К.—Изъ жизни Н. Г. Чернышевскаго.—Живописное Обзорѣніе, 1905, №№ 1—4. (Начавшаяся было печататься „Записка о дѣлѣ старообрядцевъ“, помѣщенная въ X т. ч. I полнаго собранія сочиненій Н. Г. Чернышевскаго).
- Любавскій, А.—Новые русскіе уголовные процессы, т. I. 1868 (1866—Дѣло Суворина объ изданіи книги „Всеякіе“—о дѣлѣ Чернышевскаго, изложеніе этой книги).
- Лякомте, М. А.—Воспоминанія о Саратовской гимназіи.—*Труды Саратовской Архивной Комиссіи*, вып. XXIII.
- Лѣсковъ, Н.—Г. Чернышевскій въ романѣ „Что дѣлать?“—*Рус. Рѣчь*, 1863, № 142.
- Л-скій, А.—Библ. замѣтка объ изданіи полнаго собранія сочиненій Н. Г. Чернышевскаго.—*Сарат. Дневникъ*, 1906, № 109, 25 мая.
- Малышенко, Г.—Николай Гавриловичъ Чернышевскій. 1828—1889. (Биографическій набросокъ).—*Рус. Мысль*, 1906, №№ 4—6, стр. 147—182; 54—88; 73—121.
- Маринскій, К.—Н. Г. Чернышевскій.—*Нов. Міръ*, 1899, № 22 (съ портретомъ).
- Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова.—М. 1890. Т. I, стр. 624—629 (Письма Н. А. Добролюбова къ П. О. Л-скому, т. е. къ Н. Г. Чернышевскому). Отзывъ объ этой книгѣ.—*Р. Мысль*, 1889, № 1, стр. 76—93; № 2, стр. 29—46.—*Рус. Вѣдом.*, 1889, № 40.—*Нов. Вр.* 1890, № 2.
- Межовъ, В. И.—Сибирская бібліографія.—Спб. 1892.
- Мезіеръ, де, А. В.—Библіографическій указатель произведеній рус. словесности.—Спб. 1902.
- Михайловскій, Н. К.—Сочиненія.
- Михайловскій, Н. К.—Литература и жизнь.—*Рус. Богатство*, 1904, № 1.
- Мордовцевъ, Д.—О Рахметовѣ.—*Сѣв. Курьеръ*, 1900, № 164.
- Московскія Вѣдомости, 1856, № 45 (Объ очеркахъ Гогол. періода).
- Московскія Вѣдомости, 1856, № 143 (О книгѣ „А. С. Пушкинъ“).
- Московскія Вѣдомости, 1879, № 153. Передовая статья (по поводу вы-

шедшей брошюры Цитовича. „Что дѣлали въ романѣ „Что дѣлать?““).

М., Г.—Забытый писатель.—Сынъ Отечества, 1899, № 285.

М-е.—По поводу стараго романа.—Новое Время, 1905, 20 іюня (о „Что дѣлать?““).

М-но, Н.—Литературныя воспоминанія (Чернышевскій въ крѣпости).—Истор. Вѣстникъ, 1901, декабрь.

Наблюдатель, 1886, № 2, стр. 31; № 7, стр. 28—31; № 10, стр. 16—18; 1887, № 11, стр. 47—48; 1889, № 4 (о переводѣ Вебера).

Наша Жизнь, 1905, 6 января.—Замѣтка о разрѣшеніи сочиненій Н. Г. Чернышевскаго съ фамиліей автора.

Наша Жизнь, 1905, № 84, 8 мая.—Г. Скориковъ и Н. Г. Чернышевскій.

Наша Жизнь, 1905, № 102, 26 мая.—(О статьяхъ по крестьянскому вопросу).

Некрасова, Е. С.—Н. А. Герценъ въ перепискѣ съ А. Г. Кліентовою.—Рус. Старина, 1892, № 3.

Neue Freie Presse, 1882, № 6503, 3 oct.—(Въ „Политич. Обзорѣніи“ ссылка на корреспонденцію изъ Сибири газеты „Baltische Föderalist“ о Чернышевскомъ).

Никаноръ, преосвященный.—О значеніи семинарскаго образованія. Изд. П. Одесса. 1891 (изъ Херсон. Епарх. Вѣдом. 1890.—Перепечатки были въ Одесскомъ Листкѣ и Саратов. Листкѣ, 1890, №№ 151—152, 17 и 18 іюля).

Никитенко, А. В.—Записки и дневникъ. Т. П. Изд. Пирожкова.

Никитинъ, В.—Письмо въ редакцію.—Нов. Время, 1904, 29 ноября. (Поправка къ помѣщенному въ № 10321 Нов. Времени письму Захарьина (Якунина) о подложномъ письмѣ въ дѣлѣ Чернышевскаго).

Николадзе, Н. Я.—Освобожденіе Н. Г. Чернышевскаго.—Былое, 1906, № 9, сент., стр. 242—281.

Николаевъ.—Личныя воспоминанія о пребываніи Николая Гавриловича въ каторгѣ. М. 1906.

Новое Обзорѣніе, 1885, № 449.—(О статьѣ „Характеръ человѣческаго знанія““).

Новое Время, 1889, № 4900, 19 октября.—Н. Г. Чернышевскій, некрологъ.

Новое Время, 1906, 25 сентября.—Фельетонъ. Книги о русской революціи. (Нѣсколько словъ о Чернышевскомъ).

Новости, 1889, № 289, 20 oct.—Н. Г. Чернышевскій, некрологъ.

Новости, 1889, № 295, 26 oct.—Корреспонденція изъ Саратова.

Общественное движеніе при Александрѣ II.—Историческій очеркъ. Изданіе редакціи Освобожденія. Paris. 1905.

Образованіе, 1902, № 10.—Метерлинкъ или Чернышевскій. (Письмо въ редакцію Н. А.). Выдержка—Восточн. Обзорѣніе, 1902, № 281.

Овсянко-Куликовскій, Д.—Литературныя бесѣды. VIII. Н. Г. Чернышевскій, какъ историкъ литературы и критикъ.—IX. Н. Г. Чернышевскій, какъ критикъ художественныхъ произведеній.—X. Пу-

- ближестическая критика Чернышевскаго. — Наша Жизнь, 1905, №№ 264, 290 и 328 (14 и 29 сент. и 8 ноября).
- Огарева-Тучкова, Н. А.**—Воспоминанія, 1848—1870. М. 1903. (Изъ Рус. Старины, 1894). Выдержка.—Нов. Время, 1894, 12 окт.; замѣтка М. Чернышевскаго—Н. Время, 1894, 16 окт.
- Одесскія Новости**, 1905, № 6525.
- Отечественныя Записки**, 1854, № 8, отд. IV, стр. 88, Журналистика—
Что такое „Искренность въ критикѣ“ (Соврем. 1854, № 7).
- Отечественныя Записки**, 1855, июнь, отд. IV, стр. 79—87. (Объ Эстет. отношеніяхъ).
- Отечественныя Записки**, 1856, окт. (Противъ 6 статьи Очерковъ Гогол. періода).
- Павловъ, Н.**—Г. Чернышевскій и его время. Историческій очеркъ.—Наше Время, 1861, № 27.
- Палимпсестовъ, Ив.**—Н. Г. Чернышевскій по воспоминаніямъ земляка. Рус. Архивъ, 1890, № 4, стр. 553—568.
- Панаевъ, В. А.**—Воспоминанія.—Рус. Старина, 1893, №№ 8, 9, 12; 1901, № 9.
- Пантелѣвъ, Л. Ф.**—Изъ воспоминаній прошлаго. Спб. 1905.
- Пантелѣвъ, Л. Ф.**—Н. Г. Чернышевскій въ Иркутскѣ по пути въ Астрахань.—Рѣчь, 1906, № 172, 23 сент.
- Пекарскій, Э. К.**—Беллетристика Чернышевскаго.—Рус. Богатство, 1900, № 10. Выдержки—Нов. Время, 1900, 26 окт.; Рус. Вѣд. 1900, 27 окт.; Закаспійское Обзорѣніе, 1900, № 241.
- Пекарскій, Эд.**—Еще о дѣлѣ Н. Г. Чернышевскаго.—Наша Жизнь, 1905, № 77.
- Петерб. Вѣдомости**, 1856, № 258 (объ Очеркахъ Гогол. періода).
1857, № 142 (о Лессингѣ).
1861, № 172.
1864, № 102, 9 мая (опубликованъ приговоръ по дѣлу Чернышевскаго).
1864, № 103, 10 мая (корректирующая поправка къ приговору).
1864, № 110, 19 мая (о назначеніи на 19 мая публичнаго приговора Чернышевскому).
1904, 11 ноября.
- Писаревъ, Д.** Сочиненія, изд. 1867, т. IV, стр. 1—47.—Мыслящій пролетаріатъ (о „Что дѣлать?“).
- Писаревъ, М. И.**—Воспоминанія о Чернышевскомъ. Волжскій Вѣстникъ, 1897, сент.—Выдержка—Нов. Время, 1897, 30 сент.
- Писемскій.**—О значеніи романа въ наше время.—Пантеонъ Литературы, 1889, т. IV.
- Plechanow, С.**—N. G. Tschernischewsky. Eine literar-historische Studie.—Stuttgart, 1894 (съ портретомъ). (Изъ Соціалъ-Демократа, 1890—1892. Т. I, стр. 79—175 и слѣд.).
- Театральная бесѣда.—Петербург. Газета, 1886, 30 янв. (упоминаніе о подписи Чернышевскаго на адресѣ, поднесенномъ въ 1859 г. актеру Мартынову).

- Плещеевъ, Александръ.**—Къ процессу Н. Г. Чернышевскаго (письмо въ редакцію).—Нов. Время, 1904, ноября ?.—Перепечатка—Наша Жизнь, 1904, 8 ноябля.
- Потанинъ, Г. Н.**—Воспоминанія о Н. А. Некрасовѣ. — Истор. Вѣстникъ, 1905, №№ 1 и 2.
- Полевой, П. Н.**—Исторія русской словесности.—Спб. 1900. Т. III, вып. XII, стр. 596—603.
- Потресовъ (Старовѣръ).**—Этюды о русской интеллигенціи.—Спб. 1906.
- Протопоповъ, М.**—Изъ исторіи нашей литературной критики.—Рус. Мысль, 1892, №№ 8—9, стр. 129—148; 104—125. (Объ Очеркахъ Гогол. періода).
- Przegląd Polsky, 1868—1869.**—(Замѣтка о переводахъ „Что дѣлать?“).
- Пыпинъ, А. Н.**—Ник. Гавр. Чернышевскій, замѣтка.—Рус. Старина, 1889, № 12, стр. 830.
- Пыпинъ, А. Н.**—Рецензія на книгу М. К. Лемке „Эпоха цензурныхъ реформъ“.—Вѣстн. Евр., 1904, № 7.
- Пыпинъ, А. Н.**—Н. А. Некрасовъ.—Спб. 1905.
- Пыпинъ, А. Н.**—Мои замѣтки. — Вѣстн. Европы, 1905, №№ 2 и 3, стр. 469—509; 5—58.
- Рабочая Мысль, 1899, сент.** (Отдѣльное приложеніе къ).—Къ десятилѣтію смерти Чернышевскаго.
- Рейнгардтъ, Н. В.**—Н. Г. Чернышевскій (по воспоминаніямъ и рассказамъ разныхъ лицъ).—Рус. Старина, 1905, № 2.
- Р-тъ, Н. В.**—Невинноосужденный (Дѣло Н. Г. Чернышевскаго).—Юристъ, 1905, № 9, 27 февр.
- Рогинскій, Р.**—Къ біографіи Н. Г. Чернышевскаго.—Кіев. Отклики, 1905, № 48.
- Розовъ, П.**—Н. Г. Чернышевскій.—Рус. Богатство, 1889, № 11, стр. 191—196.
- Розановъ, А. И.**—Н. Г. Чернышевскій.—Рус. Старина, 1889, № 11, стр. 499—502.
- Розановъ, В.**—Когда-то знаменитый романъ.—Нов. Время, 1905, 8 июня.
- Россія, 1901, № 653, 19 февраля.**—Община (есть и о статьяхъ Н. Г. Чернышевскаго по крестьянскому вопросу).
- Россія, 1901, № 667, 5 марта.**—Выкупъ земли и свободы. (Есть и о статьяхъ по крестьянскому вопросу).
- Ростиславъ.**—Лжемудрость героевъ Чернышевскаго. Сѣв. Пчела, 1863, № 138, стр. 551—553).
- Руковскій, И.**—О продажныхъ цѣнахъ на земли въ Смоленской губ.—Моск. Вѣдом., 1859, № 174. (Полемика противъ статьи „Трудень ли выкупъ земли“).
- Русская Мысль, 1885, № 12, стр. 8—9; 1886, № 9, стр. 144; № 12, стр. 341—342; 1887, № 4, стр. 221—222; № 10, стр. 599—601; 1888, № 12; 1889, № 5 (о переводѣ Вебера). 1892, № 6; 1893, № 4 (объ Эстет. отнош.).**
- Русская Старина, т. 74, стр. 383—384.**—Къ исторіи русской цензуры

1861—1862 (о статьѣ „Французскіе законы по дѣламъ книгопечатанія“). 1892, № 11 (объ очеркахъ Гогол. періода).

Русскій Архивъ, 1897, т. I, стр. 336—337. — Переписка о написанной Писаревымъ въ крѣпости статьѣ „Мысли о русскихъ романахъ“, заключающей преимущественно разборъ романа „Что дѣлать?“

Русскій Инвалидъ, 1865, № 62. (О книгѣ „А. С. Пушкинъ“).

Русскія Вѣдомости, 1889, 18 окт.—Н. Г. Чернышевскій (некрологъ). Перепечатано въ Екатеринбург. Недѣль, 1889, № 44.—1892, № ? (объ Очеркахъ Гогол. періода и критическихъ статьяхъ).—1893, № 39 (объ Эстет. отношеніяхъ). 1904, № 301. Литературные отголоски (пятнадцатилѣтіе со дня смерти Чернышевскаго). 1905, № 65.

Русское Богатство, 1888, №№ 5 и 6: 1889, №№ 5 и 6 (о переводѣ Вебера). 1889, № 3, стр. 13—15.—Позитивизмъ въ рус. литературѣ (о статьѣ „Антропологическій принципъ въ философіи“). 1905, № 11—12, стр. 120—121 (о Миллѣ).

Русское Слово, 1863, № 3, отд. II, стр. 75—78 (о переводѣ Шлосера).

Русь, 1904, № 309; 1904, 5 декабря (о книгѣ А. Н. Пыпина „Н. А. Некрасовъ“).

Самарская Газета, 1904, 17 октября.—Молоть.—Искры (95. Сегодня).

Саратовскій Дневникъ, 1889, № 222, 18 октября—Н. Г. Чернышевскій, некрологъ.—1889, №№ 222, 223, 224, 18—20 октября—Публикаціи о кончинѣ Н. Г. Чернышевскаго. — 1889, № 226, 22 октября—Краткое описаніе похоронъ.—1889, № 228—объ отказѣ доктора Н. посѣтить больного Н. Г. Чернышевскаго наканунѣ его смерти.—1889, № 233, 31 октября—Краткое сообщеніе изъ Варшавы о панихидѣ студентовъ.—1893, № 96, 9 мая—Выписка изъ „Недѣли“, замѣтка о жизни Чернышевскаго въ Сибири (изъ нѣмецкаго журнала „Вегетарианское Обозрѣніе“ за прежніе годы (годъ не указанъ)).

Сборникъ XXV лѣтъ литературнаго фонда, изд. 1883. (Предложеніе Лаврова въ Литературномъ Фондѣ ходатайствовать объ освобожденіи Чернышевскаго).

Сборникъ „Памяти Бѣлинскаго“. М. 1899, стр. 388—389.—Письмо Н. Г. Чернышевскаго къ Ив. Кондр. Бабету.

Сборникъ „Проблемы идеалиста“.—Къ характеристикѣ нашего философскаго развитія, статья П. Г.

Сибирская Жизнь, 1906, № 3 авг. (Библ. замѣтка о т. III и IV сочин. Чернышевскаго) 1906, № 37, 18 февр. (объ изданіи полного собранія сочиненій).

Сибирскій Вѣстникъ, 1891, № 6.—Разсказъ Н. Г. Чернышевскаго о пребываніи его въ ссылкѣ (изъ Рус. Бог. и Нов. Вр.).—1889, № 132—Н. Г. Чернышевскій, некрологъ (изъ Недѣли).

Сикевичъ, В. М.—Былыя встрѣчи.—Истор. Вѣстникъ, 1893, № 3, стр. 759—761.

- Сильчевскій.**—Статья о Плещеевъ въ Бирж. Вѣдом. 1903, № 477, 26 сент. (Свидѣтельство Плещеева о діалектическихъ способностяхъ Чернышевскаго).
- Снабичевскій.**—Исторія новѣйшей рус. литературы.
- Скальковскій, К.**—Наши государственные и общественные дѣятели. Спб. 1891. (Н. Г. Чернышевскій—перепечатка фельетона изъ Нов. Врем. 1889, № 4902, 21 окт.).
- Скальковскій, К.**—Изъ дневника меланхолика. Нов. Время, 1904, 5 ноября. Выдержка—Вост. Обзорѣніе, 1904, №№ 285, 296.
- Скориковъ, Н. Ѳ.**—Н. Г. Чернышевскій въ Астрахани. — Истор. Вѣстникъ, 1905, № 5, стр. 477—495.—Замѣтка на эту статью докт. Шепетовскаго въ Нашей Жизни, 1905, № 101, 25 мая.
- Скориковъ, Н. Ѳ.**—По поводу воспоминаній о Н. Г. Чернышевскомъ.— Истор. Вѣстникъ, 1905, № 7, стр. 125—132.
- Славинскій, П.**—Развитіе явленій общественнаго быта.—Отеч. Записки, 1859, № 7, стр. 157—200. (о статьѣ „Критика философскихъ предубѣжденій“).
- Случевскій, К.**—Явленія русской жизни подъ критикою эстетики. 3 книжки. Спб. 1866—1867. (Во 2-й книжкѣ—объ Эстетическихъ отношеніяхъ).
- Смирновъ, А. В.**—Н. Г. Чернышевскій. — Рус. Старина, 1890, № 5, стр. 449—465.
- Современникъ, 1861, № 10.**—Статья Т. З.—Деликатности въ наукѣ. О рабочемъ классѣ, Ѳ. Г. Тернера. (о Тюрго).—1865, № 1 (о книгѣ „А. С. Пушкинъ“).
- Современная Извѣстія, 1881, № 116, 29 апр.**—15 лѣтъ крамолы. Замысль освободить Чернышевскаго за 9 рублей.
- Соловьевъ, Вл.**—Сочиненія, т. VI, стр. 424—431.—Первый шагъ къ положительной эстетикѣ. (Объ Эстет. отношеніяхъ).
- Соловьевъ, Вл.**—Н. Г. Чернышевскій. Изъ литературныхъ воспоминаній, 1898. (Статья была написана для „Закаспійскаго Обзорѣнія“, но цензурою не была пропущена. Впослѣдствіи ею воспользовался К. М. Оедоровъ въ своей книжкѣ „Жизнь великихъ людей. Н. Г. Чернышевскій“).
- Соловьевъ, Евг.**—Очерки по исторіи русской литературы.
- Соловьевъ, Евг. (Андреевичъ).**—Опытъ философіи русской литературы.
- Соловьевъ, Евг.**—Беллетристика Чернышевскаго. — Научное Обзорѣніе, 1899, № 4, стр. 755—767. — Выдержки—Россія, 1899, № 11; Театръ и Искусство, 1899, № 16.
- Соловьевъ, Н.**—Объ отношеніи естествовѣдѣнія къ искусству. Отеч. Зап. 1865, №№ 10 и 11. (Объ Эстет. отнош.).
- Соловьевъ, Н.**—Искусство и Жизнь. Критическія сочиненія. 3 части. М. 1869. (въ 1 части—объ Эстет. отношеніяхъ).
- Стаховичъ, С. Г.**—Матеріалы для біографіи Чернышевскаго. — Закасп. Обзорѣніе, 1905, №№ 237, 238, 239 и 243.

- Страна**, 1881, № 7, 15 января. — Передовая статья о необходимости возвращенія Чернышевскаго. — Выдержка — Порядокъ, 1881, № 16, 17 янв.
- Страна**, 1881, № 19. — Отзывъ „Рус. Мысли“ по поводу передовой статьи въ № 7 „Страны“.
- Суворинъ, А. С.**—Всякіе. Спб. 1866. (Сожженная книга). См. Любавскій.
- Суворинъ, А. С.**—Фельетонъ Незнакомца въ Петерб. Вѣд. 1867, № 208 (по поводу изданій Чернышевскаго за границею г. Элпидинымъ).
- Суворинъ, А. С.**—Фельетонъ Незнакомца въ Нов. Времени, 1880, 13 апр.—(Нѣсколько словъ о свободѣ печати вообще и о манерѣ писанія Чернышевскаго).
- Суворовъ, П. П.**—Записки о прошломъ. ч. I. М. 1899. стр. 186—188, (о переводѣ Чернышевскаго въ Вилуйскъ и о попыткѣ Лопатина освободить его).
- Судъ надъ Чернышевскимъ.**—Заграничное изданіе Элпидина въ Женевѣ, 1876.
- Сынъ Отечества**, 1856, № 33.—(о Лессингѣ).
- Сѣверная Пчела**, 1859, №№ 237 и 254.—(Жалобы Надеждина на Некрасова и Чернышевскаго по поводу утраченныхъ будто бы въ редакціи Современника рукописей его сочиненій).
- Сѣверная Пчела**, 1860, №№ 53, 59, 80.—№№. (Блюммеръ,—Л. П.). Письма о русской журналистикѣ, (есть и о Чернышевскомъ).
- Сѣверный Вѣстникъ**, 1885, № 4, стр. 210—212; 1886, № 5, стр. 120—122. (о переводѣ Вебера).
- Сѣверо-Западное Слово**, 1904, №№ 2107, 2110, 2114, 2135, 2156—2157.
- Сѣверъ**, 1899, № ? стр. 899.—Чернышевскій, некрологъ.
- Танъ.**—Стихотвореніе „Памяти Чернышевскаго“.—Нижегородскій Сборникъ, Спб. 1905.
- Терпигоревъ, С. Н.**—Воспоминанія. 1896. Выдержки—Рус. Вѣд. 1896, № 73, 14 марта, фельетонъ В. В-ва; Закаспійское Обзорѣніе, 1896, № ?
- Тифлисскій Листонъ**, 1906, № 3, 4 января. (о Миллѣ).
- Толль, Ф.**—Наша дѣтская литература, стр. 148—149. (о книгѣ „А. С. Пушкинъ“).
- Устряловъ, Ѳ.**—Воспоминаніе о спб. университетѣ въ 1852—1856 г.—Истор. Вѣстн. 1884, июнь, стр. 588—589.
- Учитель**, 1865, т. 5, № 17, стр. 642. (о книгѣ „А. С. Пушкинъ“).
- Фаресовъ, А.**—Николай Гавриловичъ Чернышевскій, некрологъ.—Истор. Вѣстникъ, 1889, № 12, стр. 644—651.
- Хованскій, И. Ф.**—Очерки исторіи г. Саратова, вып. I. Саратовъ, 1884.
- Цвѣтъ, С. Н.**—Экономическая дѣятельность и законодательство.—Рус. Вѣстникъ, 1860, № 15, авг., кн. 1, стр.—236—267.
- Ципринусъ.**—Промакъ въ ученіи новыхъ людей.—Голосъ, 1863, № 169, стр. 659—660. (о „Что дѣлать?“).

- Цитовичъ, П.**—Что дѣлали въ романѣ „Что дѣлать?“.—Одесса, 1879.
- Ц-ская, Е.**—Что мѣшаетъ быть женщинѣ самостоятельной (по поводу романа Чернышевскаго „Что дѣлать?“).—Библи. для Чтенія, 1863, № 9, стр. 1—19.
- Чернышевскій, Мих.**—По поводу воспоминаній Огаревой-Тучковой въ Рус. Стар.—Нов. Время, 1894, № 6690, 16 окт.—Объ огражденіи правъ собственности на изданіе сочиненій Чернышевскаго—Нов. Время, 1905, 4 марта и Русь, 1905, 4 марта.—По поводу изданія полнаго собранія сочиненій Н. Г. Чернышевскаго, Наша Жизнь, 1905, 1 дек.—Къ дѣлу Н. Г. Чернышевскаго, Былое, 1906, № 5, стр. 131—138.
- Шагановъ.**—Воспоминанія о Чернышевскомъ.—Восточное Обозрѣніе, 1905, ноябрь и декабрь.
- Schedo-Ferotti, D. K.**—Aus der Literatur des Nihilismus. Kritische Beleuchtung des Tschernyschefsksy'schen Romans: Was thun?—Braunschweig. 1871.
- Шедо-Феротти** и нѣмецкій критикъ о романѣ „Что дѣлать?“—Рус. Вѣстникъ, 1872, т. 97, № 1, стр. 399—401. (изъ Magaz. für die Literatur des Ausl.).
- Шелгуновъ.**—Сочиненія, т. II. Изъ прошлаго и настоящаго.
- Шепетовскій, д-ръ.**—Клевета на Чернышевскаго.—Наша Жизнь, 1905, № 101, 25 мая.
- Эвальдъ, А. В.**—Воспоминанія. — Истор. Вѣстникъ, 1895, № 12, стр. 725—734.
- Энгельгардтъ, Н.**—Исторія литературы XIX вѣка.
- Э., Ник.**—Народное рабочее государство. — Нов. Время, 1905, 15 сент. (Нѣсколько словъ о Чернышевскомъ).
- Энциклопедическій Словарь, Гранатъ, т. VIII.**
- Энциклопедія, Большая, подъ ред. С. Н. Южакова. т. XX. стр. 62—70.**
- Юдинъ, П.**—Костомаровъ въ ссылкѣ.—Ист. Вѣстникъ, 1905, № 4. (Знакомство Чернышевскаго съ Костомаровымъ).
- Юдинъ, П.**—Н. Г. Чернышевскій въ Саратовѣ (съ портретомъ и рисунками).—Истор. Вѣстникъ, 1905, № 12, стр. 864—896.
- Юдинъ, П.**—Е. А. Бѣловъ. — Рус. Старина, 1905, № 12, стр. 489—512.
- Юдинъ, П.**—Къ біографіи Н. Г. Чернышевскаго (по астраханскимъ документамъ).—Истор. Вѣстникъ, 1906, № 1, стр. 199—203.
- Южный Край, 1883, № 1033.**—Нѣсколько словъ о Чернышевскомъ (изъ Нов. Вр.).
- Южный Край, 1889, 21 окт.**—Никто. Пестрыя замѣтки. LXVIII.
- Языковъ, Д. Д.**—Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей, вып. IX. Русскіе писатели, умершіе въ 1889 г.—М. 1905.
- Яковлевъ, И.**—Корреспонденція изъ Парижа. Нов. Время, 1889, 31 дек. (Нѣсколько словъ о передѣлкѣ Золя романа „Что дѣлать?“ на французскій ладъ).

- Федоровъ, К. М.**—Памяти Н. Г. Чернышевскаго (съ портретомъ).—Закасп. Обозрѣніе, 1899, 17 октября.
- Федоровъ, К. М.**—Памяти Николая Гавриловича Чернышевскаго. Новые матеріалы для его біографіи (вошло потомъ въ отдѣльное изданіе)—Закасп. Обозрѣніе, 1904, 17 окт.
- Федоровъ, К. М.**—Жизнь русскихъ великихъ людей. Н. Г. Чернышевскій.—1 изд. Асхабадъ 1904; 2 изд. Спб. 1905.
-

Сочиненія: Первое полное изданіе *), изд. М. Элпидина и К^о. 1868—1870.
т. I—Научная и литературная критика 1853—1855.
т. II—Литературная критика и полемическія красоты.
т. III—Примѣчанія и дополненія къ полит. экономіи Дж. С. Милля.
т. IV—Очерки изъ политической экономіи по Миллю.
т. V—Полный сборникъ статей объ общинномъ владѣніи. Изд. 2.—
1879.

Отдѣльныя статьи, изд. Элпидина въ Женевѣ:

Что дѣлать? Романъ писанный въ крѣпости, 1862—1863 г.

Судъ надъ Чернышевскимъ и Лессингъ.—1877.

Іюльская монархія во Франціи.

Борьба партій во Франціи, Женева 1880.

Община и государство.

Кавеньякъ.

Антропологическій принципъ въ философіи.

Прологъ пролога, романъ 60-хъ годовъ, писанный до ареста **).

Заговорщики и соумышленники Людовика Бонапарте въ 1851 г.,
изложеніе по Кинглеку съ примѣчаніями Н. Г. Чернышевскаго.—1890.

Письма безъ адреса (по поводу упраздн. рабства въ Россіи).
Изд. 2.—1890.

Научились ли? Обращеніе къ публикѣ по поводу студентовъ.

Русскій человѣкъ на rendez-vous.—Carouge (Geneve). 1901.

Отдѣльныя статьи въ другихъ изданіяхъ:

Община и государство, изд. журнала „Набатъ“.—Двѣ статьи:
Критика философскихъ предубѣжденій и Экономическая дѣятельность
и государство.

*) Насколько оно дѣйствительно полное—можно видѣть изъ настоящаго изданія.

***) Романъ этотъ въ дѣйствительности былъ написанъ въ Сибири около 1867 г.

8712-3

Статьи объ общинномъ владѣннй землею. Безъ мѣста изданія. 1872
Научились ли?— Берлинъ. Изд. Гуго Штейница, 1904. (Собра-
нiе лучшихъ русскихъ произведенiй, ч. 94).

О землѣ, какъ элементъ богатства (бiблиографiя), Женева, 1874,
тип. Трусова.

О нѣкоторыхъ условiяхъ, способствующихъ умноженiю народнаго
капитала (критика), Женева, тип. Трусова.

Письма безъ адреса. Цюрихъ, изд. журнала Впередъ. 1884.

Борьба партiй во Францiи (Рус. соц.-дем. библiотека, вып. 3),
Женева, 1875.

Июльская монархiя (Рус. соц.-дем. библ., вып. 4), Женева, 1876.

Кавеньякъ (Рус. соц.-дем. библ. вып. 1), Женева, типогр. Тру-
сова, 1874.

Судъ надъ Чернышевскимъ и „Что дѣлать?“, Женева, Н. Georg,
1878.

Что дѣлать? изд. Каспровича въ Лейпцигѣ.

Что дѣлать?—Лейпцигъ (Веймаръ). Безъ года.

Что дѣлать? Романъ, написанный въ заключенiй (sic) 1862—
1863. Изд. „Современника“ *). Безъ года.

Прологъ, изд. Каспровича въ Лейпцигѣ.

Прологъ, изд. журнала Впередъ. Лондонъ, 1877.

Переводы на иностранные языки:

I. Что дѣлать?

Que faire? Roman.—Berlin, 1875.

Mit tegyünk?—Budapest, 1877.

Was thun?—Leipzig, 1883. id. 2 Aufl. ib. 1890.

Hvad skall man göra?—Stockholm, 1885.

A vital question, or what is to be done?—New-York, 1887.

II. Другія статьи.

L'économie politique jugée par la science.—Bruxelles 1874.

La possession communale du sol.—Traduction de E. Laran—Tamar-
kine (Bibl. d'études sociales, XI) Paris, s. a.

Lettres sans adresse (sur l'abolition du servage en Russie). Liège,
1874.

(*) Сколько мнѣ извѣстно, журналъ „Современникъ“ не выпускалъ отдѣльнаго
изданiя „Что дѣлать?“ Изданiе довольно странное. Шрифтъ похожiй на шрифтъ
„Современника“ и пагинацiя та же самая, но въ общемъ изданiе производитъ
впечатлѣнiе какой то поддѣлки. Обложка уже несомнѣнно ^{новѣйшаго} стили.
Экземпляръ, имѣющiйся въ Имп. Публ. Библiотекѣ, приобрѣтенъ въ 1928 г.

1947 г.

Р. АНТ № е-395/3